

Ч.ЦЫБИКОВ
Ц.ЖИГМЫТОВ

6+

Хроники Земли Простой

специально обработанные для жителей
Земли

ЧИНГИЗ ЦЫБИКОВ
Хроники Земли Простой

«Автор»

2011

Цыбиков Ч. Г.

Хроники Земли Простой / Ч. Г. Цыбиков — «Автор», 2011

Пророчества, сулящие беды и катаклизмы. Маги, в который уже раз упустившие угрозу миру. Наследник, бежавший из дворца в поисках предназначения. Люди, города и страны с подозрительно знакомыми именами и названиями. Конечно же, драконы, куда ж без них... Ламповое приключенческо-юмористическое фэнтези из тех времен, когда Пратчетт, Мартин и постмодернизм ещё не захватили нас окончательно и казалось, что любой человек (а тем более двое) может написать хороший, смешной и интересный роман о мечах, магии и боевых поросятах. Конечно, сейчас так уже не пишут, а если и пишут, то вряд ли читают. Книга размещена из ностальгических соображений.

© Цыбиков Ч. Г., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Предисловие составителей	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕНИК ЛЕКАРЯ	7
Окончание главы 4, в которой решается судьба путешественников; новая опасность	39
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ч.Цыбиков, Ц.Жигмытов

ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ПРОСТОЙ (специально обработанные для жителей Земли)

Предисловие составителей

Любая история начинается с обстоятельств, которые можно назвать яркими лишь с некоторой натяжкой. Один только Господь Бог может себе позволить начать историю с чего-нибудь по-настоящему эффектного. Взять хотя бы Большой взрыв. Мы же такими возможностями не располагаем, и хроники наши начинаются намного скромнее.

Впрочем, это мы лихо так заявили – начинаются; здесь, на самом деле, тоже не без сложностей. Что считать началом истории? Какое событие стало тем камешком, который вызвал лавину? Где раздался тот самый хлопок стартового пистолета, после которого все герои припустили по дистанции, кто рысью, кто трусцой, а кто так вообще – кряхтя и спотыкаясь на каждом шагу... Впрочем, законы истории таковы, что вполне позволяют поспешать не спеша, ибо не каждому герою надо быть первым на финише. Многим из них вполне достаточно в нужный миг оказаться в нужном месте, а уж как они туда доберутся – на белом коне, бряцая доспехом, или же принесут его туда без сознания и с разбитым носом – это не важно.

Но всё-таки: с чего начать? Может быть, с юноши, тайком покидающего родительский дом и устремляющегося в большой мир? Или с описания гномьих владений, где в блистающих подземных чертогах принимаются решения, которым суждено изменить жизнь всего Возлеморья?

Или с пророчества?

Точнее – с Пророчества?

Например, такого.

«... в час, когда известные державы окажутся на краю безвестности, когда сила окажется бессильна перед силой, когда деяний героев будет мало; явится тот, кто заявит о праве своём. И тогда в пламени войны старое переплавится в новое, и истинный герой взойдёт на трон Короля Возлеморья.

Но лишь тот предъявит свои права на этот Трон, кто свершит четыре поступка, которые суть следующее:

Поступок Первый есть убийство твари, страшной которой нет в этих землях.

Поступок Второй есть взошествие на трон короля нелюди.

Поступок Третий есть добыча звезды Востока.

И наконец, Поступок Четвертый есть...» – здесь человек, читавший свиток, печально вздохнул и чтение прекратил.

– Бред всё-таки все эти пророчества, – пробормотал он. Затем вынул кисет, машинально оторвал от свитка полоску, насыпал на неё табаку и свернул самокрутку. Прикурил от свечки, с наслаждением затянулся.

Прошло без малого сто лет, прежде чем последствия этого, в общем-то, неблагоприятного поступка сказались на судьбах многих людей.

Примечательно, что ни человек, куривший самокрутку, ни люди, в чьи судьбы этот самый любитель самокруток вмешался, друг друга не знали и знать не могли...

Впрочем, нет, нет и нет! Кто мы такие, чтобы навязывать свою безусловно пристрастную волю читателю?

Решено. Мы начнём, и пусть читатель сам решит, где и когда началась эта история.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕНИК ЛЕКАРЯ

Глава 1,

в которой встречаются маг и ученик лекаря, читатель знакомится с гвардейцами Ортаска, ученик лекаря проявляет неучтивость, появляются боевые свиньи ортасков и происходит сражение у Белой Реки; кроме того, глава содержит большое количество пояснений, описание геополитической обстановки и прочую информацию, совершенно необходимую для правильного восприятия данных хроник

Над Землей Простой царила ночь.

Такое начало очень многими почитается за простое, но очень эффективное. В самом деле, не так уж и много в мире вещей, способных сравниться с майской ночью. В Земле же Простой майская ночь особенно хороша.

Крупные звёзды, сверкающими россыпями раскиданные по чёрному бархату неба.

Свежий ветерок, напоенный ароматом трав, лесов, полей и рек.

И тишина, разлитая над миром.

Картина, безусловно, нуждающаяся в благодарном зрителе, способном её оценить по достоинству. Так что человек, сидевший на лесной поляне у костра с выражением лица сосредоточенным и серьёзным, был весьма кстати. У людей, наблюдающих за пламенем костра, подобное выражение лица встречается часто. Судя по массивному медальону, исполненному из серебра в форме песочных часов и висевшему на довольно толстой серебряной цепи, ночь у костра коротал маг клана Вентаны.

Однако уединение мага было самым бесцеремонным образом нарушено.

Из кустов вышел изрядно исцарапанный юноша, обутый в башмаки с золочёными на вид пряжками. Составители хроник не случайно заостряют внимание читателя именно на этой детали, ибо более ничего на юноше не было. Увидев костёр, горевший на поляне, и мужчину подле него, юноша на мгновение замер, а затем, продемонстрировав незаурядную спонтанность в принятии решений, начал действовать. А именно – подбежал к магу и попытался снять с него плащ. Говоря строго, своя логика в его поступке имела. Другое дело, что она, как и всякая логика люмпено-разбойничьего характера, шла вразрез с логикой добропорядочных граждан. Маг, оказавшийся готовым к чему-то подобному, проворно вскочил, совершил два эффектных размашистых движения посохом, и, как только юноша оказался достаточно близко, наградил последнего весомым ударом посоха по лбу. Раздался глухой, неприятный стук, взор юноши помутился, он покачнулся, боком пошёл в сторону и против своей воли был вынужден усесться у костра.

Особую антуражность всему происходящему придали ночь и отблески пламени.

Маг совершил ещё пару шикарных телодвижений – размашистых, на широкой амплитуде, венцом которых стало зажимание посоха под левой подмышкой, и замер в живописной позе. На юношу он не сердился – во-первых, по причине удачности размашистых движений посохом, а во-вторых, ну чего там... мало ли что бывает в период формирования личности. Более того, маг даже попытался завязать беседу.

– Что, дружок, похмелье? – спросил маг, стремясь дружелюбными интонациями скрасить последствия от удара посохом.

Юноша ничего не ответил. Маг внимательно осмотрел юношу. Отсутствие одежды на юноше, более или менее оправданное под покровом ночной темноты, при свете костра прямо-таки резало глаз.

– Похоже, тебя кто-то ограбил, сынок? – ещё заботливей спросил маг.

Юноша посмотрел на мага, подумал и кивнул. Маг сочувственно кивнул головой.

– И кто же это так нехорошо себя ведёт?

Юноша опять посмотрел на мага. Глаза его скосились сначала влево, потом вправо. Он словно не был уверен – стоит ли отвечать на этот вопрос. Справедливости ради отметим, что маг особенно не стремился ответ получить. Ночью у костра скучновато, а тут собеседник. Сидит рядом, молчит, что ещё надо для хорошей беседы?

Маг уселся у костра, положил посох, вынул из своей дорожной сумки кисет, достал трубку, и настроился было высказаться на какую-нибудь приятную нейтральную тему, скажем, о погоде, но тут юноша заговорил.

– Гномы, – сказал он с горечью.

Маг сначала не понял, а когда понял, удивился. В Земле Простой гномы не лезут в дела рода людского, род людской не стремится в дела гномов, гномы вообще довольно нелюдимый – в прямом смысле слова – народ, но чтобы ещё грабить... дело выглядело довольно странно. Если, конечно, принять, что юноша говорил правду.

Маг внимательно посмотрел на своего нечаянного собеседника, и неожиданно для себя увидел на груди юноши нечто, что заинтересовало его неподдельно. Читатель, можешь сделать первую пометку в своём читательском блокноте! – ибо приключение наше с ржавым, и может быть, даже зловещим скрипом сдвинулось с места.

– Тебя ограбили гномы? – уточнил маг, уже без предыдущих сочувственно-идиотических интонаций.

– Да, – сказал юноша. – Гады.

Здесь маг опять задумался и неожиданно поймал себя на том, что уже некоторое время слышит некий загадочный шум. Как если бы некое существо, например, слон, пыталось тихонько красться сквозь ночной лес. Слон может при этом очень сильно стараться и даже достичь некоторого успеха, но возможности его в делах такого рода невелики, вдобавок лес не саванна. В общем, в подлеске что-то потрескивало, шуршало через неравномерные промежутки, а иногда были слышны какие-то шипящие звуки.

Маг не успел задуматься над тем, какого рода может быть существо, производящее столь разнообразные звуки, поскольку в тот же миг кусты снова затрещали и на поляну посыпались гномы из клана Белой Дивы. В отличие от юноши гномы были одеты, в руках сжимали боевые топоры, и вид имели весьма решительный. Предводитель гномов, высокий (для гнома) и кудрявый (для гнома) гном с изображением той самой Белой Дивы на щите бежал впереди, громко крича на ходу: «Плуг с Детонатором заходите слева, Бедраэдр, Бока и Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассельбоатль, о молот Магмы, ты когда-нибудь сменишь своё имя? заходите справа! Бим и Бом за мной! Теперь он от нас не уйдет!»

Увидев гномов, юноша первым делом побледнел как смерть, затем вскочил на ноги и, проворно ухватив сук, кстати валявшийся на земле, изготовился к битве; маг же сноровисто укатился от костра в темноту, и оттуда стал наблюдать за развитием событий. А понаблюдать было за чем, ибо события развивались так, что дай бог всякому так развиваться! Громко вопили, подбадривая друг друга, гномы, трещали сучья и ветки под ногами, дрожала земля, и, подобно бешеной боевой свинье ортасков, метался по поляне юноша в одних золочёных башмаках, защищая свое право на труд, жизнь и любовь.

Маг помедлил несколько мгновений, а затем начал с тщанием выполнять пассы одного из самых могущественных заклинаний Вентаны – заклинания Зависания. Внимания на него обращали мало, никто, стало быть, не мешал, и результат не замедлил сказаться. Над поляной раздался громкий и мелодичный звук, и все гномы застыли в совершенно неестественных позах. Не осознавший покамест, что случилось, юноша ещё несколько мгновений бежал по поляне, делая неожиданные прыжки влево и вправо, пока его не остановил голос мага.

– Не трать свои силы напрасно, юноша, они уже не опасны! – торжественно молвил маг. Именно молвил. Рационально это объяснить сложновато, но хороший маг редко упускает возможность что-нибудь молвить.

Юноша остановился и, тяжело дыша, огляделся. Он увидел гномов, застывших в разнообразных позах, костёр, и мага, выходящего из тьмы ко свету.

– У вас попить не найдётся? – спросил юноша.

– Пожалуйста, – сказал маг, порылся в своей дорожной сумке, вынул оттуда и аккуратно положил подле костра флягу. Юноше пришлось подойти к костру, чтобы утолить жажду, и маг получил прекрасную возможность ещё раз его рассмотреть.

– Ага, – сказал маг неопределённым голосом. – Вот, значит как. Ясно.

На лице его, однако, была сложная смесь выражений, одно из которых недвусмысленно говорило о том, что на самом деле всё обстоит с точностью до наоборот и ничего магу не ясно, а другое свидетельствовало о напряженных попытках мага что-то вспомнить. Остальные выражения говорили о материях столь несущественных, что мы не будем их касаться. Самое противное заключалось в том, что маг не мог сообразить, что именно он пытается вспомнить.

Бывает.

Истратив ещё несколько мгновений на тщетные мысленные потуги, маг решил перейти к делам более насущным.

– Минут через двадцать они отойдут от столбняка, – сказал он и стал собирать вещи. – Будет разумно, если мы постараемся уйти отсюда как можно дальше.

Юноша кивнул, постоял в нерешительности некоторое время, а затем подошел к застывшему недалеко предводителю гномов и стал сдирать с него одежду. Одевшись, он некоторое время со злобным удовлетворением на лице смотрел на голого гнома. Внезапно его глаза блеснули, и он, не оборачиваясь, крикнул:

– Слушай, если ты маг Вентаны, у тебя должна быть стойкая грим-краска.

– У нас мало времени, – сказал маг, но всё же кинул юноше небольшой футляр.

Юноша ловко махнул рукой и футляр не поймал.

– Я быстро, – торопливо проговорил он, шаря руками в траве.

Вскоре они были уже довольно далеко от костра. Блекло светил, мотаясь впереди по курсу движения, малый шар голубого магического света, отбрасывая мрачные тени. Через лес волшебник и юноша ломались особенно не таясь, принеся скрытность в жертву скорости. В душе маг надеялся на невысокие следопытческие качества гномов, и не без основания: от существ, большую часть жизни проводящих под землёй, сложно ожидать хорошего знания леса.

Прошло около часа, прежде чем маг счёл, что можно сделать привал.

– Стоп, – сказал он.

Юноша остановился. Маг с неудовольствием посмотрел на гномьи топоры, которые парень, проявляя недюжинное упрямство, тащил наподобие вязанки хвороста на плечах своих, но ничего не сказал.

– И что теперь? – спросил юноша.

– Лично я буду спать! – сказал маг. Затем он отвязал от заплечного мешка одеяло и щёлкнул пальцами, отчего магический шар с тихим треском истаял. В темноте было слышно, как маг ворочается, закутываясь поудобнее в одеяло.

Юноша постоял немного, взглядываясь в окружающую тьму, затем вздохнул и наощупку улёгся на землю, думая о том, что уснуть ему вряд ли удастся.

Солнечный луч прорвался сквозь неплотную завесу веток, упал на лицо и заставил открыть глаза. Юноша увидел сквозь ветви синеву майского неба, ощутил своей кожей свежесть майского утра, почувствовал всем телом стылую скованность членов. Приподняв голову, юноша увидел ещё и мага, сидевшего на корточках и что-то жевавшего.

– Доброе утро! – бодро сказал маг. На взгляд юноши, слова эти были исполнены злой иронии, ибо ночёвка в лесу без костра приводит к обилию малоприятных ощущений при пробуждении.

– Доброе утро, – ответил юноша, с кряхтением встал и со стоном потянулся.

– Как твоё имя? – спросил маг, жуя. – Делить трапезу с незнакомыми людьми неприлично.

И тут юноша немного мага удивил. Он поклонился и... ничего не сказал. Было видно, что раздрают его какие-то сомнения, и вид у него был словно у человека, пытающегося, ну скажем, по памяти прикинуть, как повлияет повышение торговой пошлины на ввоз пшеницы в Ортаск на цену кузничных изделий в Пемолуксе.

– Микки с Пелейн, ученик лекаря, – сказал он наконец.

– Отлично, – сказал маг и кинул юноше небольшой основательно промаслившийся бумажный свёрток. – Меня зовут Хромой Сом. Маг Вентаны, второй руки. Тридцатая волна, к вашим услугам.

Своё имя и звание маг произнёс с удовольствием, что говорило о том, что магом второй руки он стал недавно. Так сказать, не испарилась ещё прелесть новизны от повышения статуса.

Юноша призадумался. Слава о магах Вентаны шла далеко. Отчасти по причине нескромности самих магов, не устававших хвалить на всех перекрёстках свои возможности, отчасти оттого, что маги Вентаны и в самом деле знали множество могущественных заклинаний как против, так и для различных напастей. Микки мог бы долго и полезно думать на эту тему, но голод, как это часто бывает в жизни, оказался сильнее отвлечённых желаний. Юноша развернул свёрток, обнаружил там два куска хлеба, переложенных ломтями жареного мяса и зеленью, и немедленно приступил к завтраку.

– И что мы будем делать дальше? – спросил он, мощно работая челюстями.

Приятно было посмотреть, как он кусает, жуёт и проглатывает.

Мага немного удивило это «мы». Некоторое время он размышлял над тем, удобно ли будет попросить юношу раздеться, чтобы внимательно осмотреть его при дневном свете.

– Я держу путь в земли ортасков, – сказал он наконец. – Если хочешь, можешь идти со мной.

Полдень застал наших путников на дороге, ведущей в Северный Ортаск. Оба они находились в некотором противоречии с окружающей их обстановкой. Северный Ортаск был в ту пору цветущей землёй: поля, луга, реки, небо синевы необыкновенной, – всё выдавало в нём край богатый и ухоженный. Словом, кругом царила истинная благодать. Но путники наши всей этой благодати словно не замечали – каждый, впрочем, по своей причине.

Ученик лекаря чувствовал себя очень неудобно, поскольку гномья одежда ему не подходила никак, вдобавок гномий топор сильно оттягивал руки. Это был последний из семи топов, захваченных с собой в дорогу Микки утром. Шесть из них, беспощадно брошенные, уже украшали своим видом придорожные канавы Северного Ортаска. Всё это, собранное вкуче, злило его чрезвычайно.

Маг тоже чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Мужу взрослому и состоявшемуся полагается размышлять о вещах серьёзных и где-то даже философических. Может от того, что жизнь его близилась к моменту, который должен был круто изменить его судьбу, или по какой-то другой причине, но с некоторых пор его не покидало ощущение, что бытие его происходит слишком уж размеренно. Душа просила чего-то такого... эдакого, но по всем признакам эпоха ему досталась не бойкая; в чём-то даже унылая, устаканенная такая эпоха. Даже тот самый жизненный момент, которого он ожидал не без волнения, вполне укладывался в рамки обыденности.

Нет, конечно, что-то в мире творилось. Были какие-то вести с сопредельных территорий. Союзное Королевство Пемолукс, граничившее с Вентаной на северо-западе, поразил кризис власти. Старому королю было пора на каникулы, его же сменщик пропал незнамо куда. Из-за Восточного моря от моряков пришел слух о могущественной морской державе под названием Ольхинда. За Чертой, в трёх днях плавания, говорили моряки, лежит эта страна, многолюдна и населена узкоглазыми людьми, воинственными и бесстрашными. Придумают же такое, усмехнулся маг про себя – узкоглазые люди. Про Восточное море можно врать что угодно, Черта всё стерпит. На юге же полчища саранчи частично пожрали посевы. Южным областям грозил голод. Впрочем, «голод» – это слишком сильно сказано. Скажем так, недоедание. Поговаривали, что тут не обошлось без южных волшебников-варваров, дескать, именно они натравили на Южный Ортаск саранчу. Люди требовали вмешательства магов Вентаны, а пока гоняли саранчу подручными средствами.

Но всё это были вести знакомые и где-то даже рутинные, а душа мага просила потрясения. Поэтому в состоянии лёгкой печали он шагал по Северному Ортаскскому тракту, не подозревая нисколько, что до начала приключений осталось всего ничего.

– Скоро Северный Ортаск. Отсюда до заставы около двух лат.

Это была первая фраза, произнесенная Хромой Сомом*** после почти двухчасового молчания. Ученик лекаря остановился словно громом поражённый. Несколько мгновений он смотрел на мерно удаляющуюся спину Хромой Сома, затем бегом догнал мага и некоторое время шёл молча. Лицо его отражало сложную гамму желаний. Собственно желаний, а точнее вопросов, было всего два – спросить или не спросить, но кто сказал, что они не могут составить сложную гамму?

(***В имени «Хромой Сом» слово «Хромой» хоть и пишется также как и прилагательное «хромой», тем не менее не склоняется. – Прим. составителей хроник).

Маг, спинным мозгом ощутивший тревогу юноши, обернулся и остановился.

– Что? – спросил он, слегка озадаченный выражением лица юного с'Пелейна.

– У нас будут проверять документы?

– Обязательно, – ответил маг. – На заставе ты должен показать твою подорожную, или паспорт, или гильдийный билет, или что там у тебя есть... тебе поставят печать...

– Должен, – горько сказал юноша. – Ничего я не должен.

– Постой, – сказал Хромой Сом. – Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя нет документов?

Юноша скорбно кивнул и уставился куда-то вниз и чуть вправо.

– Конечно же, – воскликнул маг. – У тебя и карманов-то не было.

Юноша удрученно помолчал, теребя складки гномьего плаща, затем тихо произнес:

– Проклятье.

– Что?! – магу показалось, что он ослышался.

– Проклятье! – выкрикнул Микки, бросил топор и беззвучно заплакал. Слезы катились по его запыленному лицу и, оставляя на нем светлые дорожки, падали на дорогу. Там, где они падали, тут же прорастали кустики картофеля. Отметим, что при всей сюрреалистичности происходящего, юноша вел себя рационально. Он ходил туда-сюда по дороге с постоянной скоростью, механически разворачиваясь, отчего картофель прорастал правильными рядами и через равные промежутки. Это здорово походило на проявление какого-то древнего инстинкта, или, скажем, на результат работы армейского сержанта. Маг присел на корточки, потрогал кустики, сорвал и понюхал цветок зацветшего уже картофеля.

– М-да, – сказал маг, глядя снизу вверх. – И давно это у тебя?

– С детства, – мрачно сказал ученик лекаря и отвернулся.

– Ну что ж... – сказал маг и почесал в затылке. – Пойдём дальше.

– У меня же нет документов! – выкрикнул ученик лекаря.

– Не беда. На заставе я за тебя поручусь. Потом тебе дадут справку о том, что у тебя нет документов, и поставят в неё печать.

– И всё?!

– И всё. А ты разве не знал?

Ученик лекаря перестал плакать, поиграл желваками, сжал кулаки, набычился и пошёл на мага. Однако маг, успевший немного изучить своего спутника, не дал застать себя врасплох. Он отскочил в сторону и, сожалея в глубине души, что малая дистанция не даёт времени для красивых размашистых телодвижений, ловко подсёк посохом надвигающегося с'Пелейна. Ученик лекаря тоже исполнил свою партию блестяще: ноги его взметнулись к небу, он увесисто шлёпнулся спиной на дорогу, взметнув вверх небольшое облачко пыли, и некоторое время лежал так с широко открытыми глазами. Маг же не отказал себе в удовольствии, озвучивая свои движения характерными гудящими звуками, свершить несколько роскошных па и застыть напоследок в эффектной позе с поднятым к небу посохом.

– Отдохнул? – спросил Хромой Сом, опуская посох.

– Да, – сказал Микки с'Пелейн, глядя на белые облака, величественно плывущие над Северным Ортаском.

Что любопытно, при виде облаков никаких возвышенных мыслей в его голове не возникло.

Десяток гвардейцев, шлагбаум и что-то вроде каменного блокауза с бойницами – типичная для Ортаска застава. Сразу скажем, что появление на дороге Хромой Сома и Микки с'Пелейна вызвало оживлённую деятельность среди гвардейцев. Виной тому, в основном, стал внешний вид юноши, одетого в гномью одежду. Анатомические особенности строения тела гномов таковы, что носить их одежды обычному человеку сложновато. Суть в том, что средне-статистический гном ниже и толще среднестатистического человека, отсюда вдумчивый читатель легко может представить себе внешний вид Микки с'Пелейна, которому, как уже упоминалось, одежда гнома не подходила никак, а конкретно была мала и велика одновременно.

Когда маг и ученик лекаря приблизились к шлагбауму, возле одного собралась практически вся застава.

– Да, други моя, – басом сказал один из гвардейцев, невысокий, плотный, но бравый гвардеец с роскошными усами и капральскими лычками. – Клянусь Бахусом, думал я, что всё повидал в этой жизни. Но гном-переросток...

И он громко фыркнул, и остальные поддержали его громким гоготом.

– Да нет! – громко вскричал другой гвардеец. – Это же знаменитый Гноумли! Мальчик, воспитанный гномами!

Новый взрыв хохота был наградой этой остроумной реплике.

Хромой Сом покосился на своего спутника. Юный с'Пелейн был бледен, играл желваками, но в целом держался превосходно. Значительный численный перевес со стороны оппонентов весьма способствует проявлению таких весьма достойных человеческих качества как скромность, сдержанность, воспитанность.

Из блокауза вышел начальник заставы, рослый мужчина лет сорока двух с половиной. Гвардейцы подтянулись и перестали смеяться. Начальник заставы с видом суровым и значительным приблизился к шлагбауму, небрежно глянул на мага и уставился вдаль. Хромой Сом тихонечко кашлянул и вынул из кармана несколько монет. Начальник заставы меланхолично выбрал из подставленной ладони пару монет. Затем он подумал о чём-то несколько мгновений, достал из кармана медальон с изображением жены и детей, – Хромой Сом понимающе кивнул, – посмотрел на мага, вздохнул, взял ещё парочку монет, опустил всю сумму в один карман, затем вынул из другого кармана печать, и не глядя, ткнул ею в подставленную Хромой

Сомом бумагу. Затем он перевел взгляд на ученика лекаря, и глаза его слегка расширились от изумления.

– Ну надо же, – сказал он словно сам себе. И тут сей благородный муж отмочил такую штуку. Он приосанился, вынул из третьего кармана часы и ...

Схватка была недолгой. Через минуту вторично побитый за последние полчаса ученик лекаря, лежал на пыльной земле связанный. Микки с'Пелейн легко мог бы избежать побоев, но совершил тактическую ошибку, оказав яростное сопротивление. Начальник заставы внимательно посмотрел на часы с надписью «XX лет в Вооруженных силах Ортаска» и солидно сказал:

– Пятьдесят две секунды... ну что ж, капрал, очень даже неплохо. Можете развязать его. Господа, выношу вам благодарность за ваше посильное участие в плановых учениях по задержанию злоумышленников.

Невысокий и плотный капрал щёлкнул пальцами, и два гвардейца быстро и ловко развязали юношу, усердно валяя одного в пыли сбоку набок. Ученик лекаря встал и, явив некоторую ограниченность в выборе реакций, поиграл желваками, сжал кулаки и, набычившись, пошёл на начальника заставы.

Когда речь заходит о Северном Ортаске, существует риск возникновения различного рода недоразумений. Некоторые из читателей, плохо знакомых с географией Возлеморья, утверждают, что Северный Ортаск это область, граничащая с Южными землями Вентаны, и населенная ортасками. Другие читатели, тоже, впрочем, из числа не очень вежественных в географии Возлеморья утверждают, что Северный Ортаск – это город. Как ни странно правы и те, и другие. Весь перец заключается в том, что Северный Ортаск есть столица одноимённой области. Этим он принципиально отличается от Южного Ортаска, столицей которого является славный город Югортаск, что даёт южным ортаскам повод время от времени утверждать в частных беседах, что у северян нет ни ума, ни фантазии.

Исходя из вышесказанного вдумчивый читатель легко сообразит, что наши путники, двигаясь по Северному Ортаску, потихоньку пришли в Северный Ортаск, который, как и всякая провинциальная столица, был в некотором роде весьма примечательным городом. В частности, в нём имелся яркий образчик традиционной ортаской архитектуры в лице Дворца Наместника, довольно интересные памятники, в основном патриотического характера, и симпатичные девушки. Последнее обстоятельство традиционно относилось путешественниками к разряду особо важных.

Уже смеркалось, когда на Центральной площади Северного Ортаска, носившей название Площади Хороших Советов, показались наши усталые герои. Площадь была не очень большая, но зато в центре её стоял памятник покровителям Ортаска – богине плодородия Нитрате и богу нелогичной победы Бахусу в виде мужчины и женщины, взявшихся за руки в едином порыве. Возле памятника стоял навес, под которым шла бойкая торговля пивом и сосисками. Туда-то и направились маг и ученик лекаря. При их приближении разговоры, как водится, смолкли, и под навесом воцарилась тишина. Все с любопытством разглядывали мага и ученика лекаря. Особенно ученика лекаря, поскольку в данном случае посмотреть и в самом деле было на что. Пыль, всклокоченные волосы, синяки, дыры в самых неожиданных местах и прочие свидетельства высокой квалификации гвардейцев Ортаска являли собой зрелище, приятное празднику глазу. Особенно внимательно смотрели на юношу две милovidные девушки лет двадцати, сидевшие за столиком с краю. Ученик лекаря покраснел, приосанился и с небрежным видом перебрал топор с руки на руку, при этом чуть не выронил его, от чего смутился, нервно переступил и попытался поплотнее закутаться в остатки гномьего плаща. Девушки захихикали, и быстренько начали что-то обсуждать, поглядывая на юношу.

Будь Микки менее сконцентрирован на девицах, он, возможно, увидел бы, что за одним из столиков сидит и внимательно наблюдает за ним гном, одетый так, как обычно одеваются приказчики гномьих факторий.

– Куда путь держим?!

Путники обернулись. Перед ними стоял неубедительного вида довольно-таки пожилой мужчина с дружелюбной улыбкой на морщинистом лице.

– Твоё какое дело! – тут же нахамил ему Микки, раздосадованный своею неловкостью.

– В твоём возрасте должно быть повежливее! – строго ответил мужчина.

– Кому это должно! Ах ты... – задохнулся от гнева юноша. Момент для того, чтобы отомстить хотя бы кому-нибудь за все полученные от судьбы лишения и унижения, показался с'Пелейну весьма подходящим. Он сжал кулаки, и, набычившись, пошёл на старика. Хромой Сом выразительно вздохнул и покачал головой. Старик же неожиданно проворно отскочил, выхватил откуда-то свисток и пронзительно в этот самый свисток свистнул.

Из-за угла, слегка занесясь на повороте, выскочили три боевые свиньи, и с'Пелейн неподдельно изумился, ибо во время оно таковые животные почитались родом войск окончательно исчезнувшим. Причины, по которым столь действенное средство было исключено из состава боевых сил Ортаска, мы изложим несколько позже, как только будет удобный случай. А пока...

– Взять его! – визгливым фальцетом скомандовал мужчина. Свиньи весело взвизгнули и понеслись на ученика лекаря.

– Да пребудет с нами святой Ресет! – заорал Микки и замахал топором, пытаясь запугать боевых свиней. Боевые свиньи, словно и не было никакого топора в руках юного с'Пелейна, с веселым визгом сшибли юношу с ног, после чего тяжесть собственных тел увлекла их дальше. Пожалуй, только лишь это обстоятельство спасло ученика лекаря. Несмотря на усталость и многочисленные моральные травмы, он вскочил, и, проявив недюжинные военные способности, предпринял маневр, который на языке военных сводок называется планомерным отступлением. Говоря же языком бытовым, Микки драпал по улице Кожевников, преследуемый свиньями. Следом, отставая всё больше и больше, поспешали стремительно растущие толпы обывателей. Процессия сопровождалась восторженными криками многочисленных высывавшихся из окон свидетелей, салютовавших ученику лекаря банановыми корками, яблочными огрызками и прочей прелестью.

Отступить, по мнению специалистов, вообще довольно сложное искусство, а если тебя преследуют боевые свиньи ортасков, которые, как известно, бегают гораздо быстрее людей, то отступить сложнее вдвойне. Все попытки Микки придать процессу более или менее достойный характер успехом не увенчались, и уже через две минуты он оказался в реке, где и разыгралась последняя стадия сражения.

– Свиньи! Вы самые настоящие свиньи! – в бессильной злобе, стоя по горло в воде, поносил своих врагов ученик лекаря. Свиньи, казалось, не имели ничего против подобных оскорблений и бодро носились вдоль берега, жёстко пресекая все попытки юноши вылезти на берег.

– Клистирные трубки! Клизмы! – видимо вспомнив о своей профессиональной принадлежности, орал Микки. – Бекон!

На последнем слове свиньи перестали носиться, посмотрели друг на друга и с мрачной решительностью полезли в воду, злобно сопя и похрюкивая. Микки замолчал и зажмурился. От расправы его спасло появление на берегу толпы запыхавшихся людей. Среди них были: маг Хромой Сом, тот самый мужчина, две девушки, продавец сосисок и многие другие.

– Сидеть! – крикнул мужчина. Свиньи с явной неохотой вылезли из воды, расслабленной трусой подбежали к нему и легли у его ног.

Ученик лекаря также вылез из воды и уныло поплёлся к магу. Маг, пряча улыбку в уголках рта, взял юношу за руку и подвёл к зловередному мужчине.

– Познакомься, это мой юный друг Микки с'Пелейн.

– Маг третьей руки Зелькав Беньяминас! – шаркнул ножкой мужчина.

– Так это твой друг? – недоуменно спросил Микки. Затем он сжал кулаки, набычился и в такой не совсем естественной позе простоял секунд десять. Всё это время за ним не без любопытства следили два мага и три боевые свиньи Ортаска. В конце концов, лицо его дрогнуло, обмякло, и он сказал со слабой улыбкой на лице:

– Микки с'Пелейн. Ученик лекаря.

Все улыбнулись, глядя на юношу. Микки посмотрел по сторонам. Кашлянул. Было видно, что ему очень хочется перестать привлекать к себе всеобщее внимание.

– Скажите, пожалуйста, как называется эта река? – спросил он.

– Белая Река.

– А почему Белая? – полюбопытствовал Микки.

– Зимой назвали, – ответил маг третьей руки Зелькав Беньяминас.

Было далеко за полночь. Ученик лекаря спал крепким сном в комнате на втором этаже дома Беньяминаса, а этажом ниже при свете свечей беседовали за бутылкой темного ортасского два мага.

Полагаем, следует немного рассказать читателю о хозяине дома. Маг третьей руки Зелькав Беньяминас был старым приятелем Хромой Сомы. В своё время они сошлись на почве библиотечных изысканий Беньяминаса. Будучи ярим почитателем былого величия Ортаска, Беньяминас по собственной инициативе, пользуясь доступом в архивы Вентаны, куда ему помог попасть Хромой Сом, произвёл реконструкцию боевых свиней Ортаска.

Поступок этот явил собой яркий пример того, как пламенная страсть способна серьёзно повлиять на судьбы мира, ибо три поросенка, выросшие в доме Зелькава Беньяминаса в полном соответствии с ортасскими методиками воспитания боевых свиней, сыграли в наших хрониках роль весьма значительную.

Впрочем, к этому мы ещё придём.

– ... нет ну я, говоря строго, даже не знаю... – сказал Хромой Сом и пригорюнился. – С одной стороны, я жду решения Совета.

– И это прекрасно! – поддакнул Зелькав Беньяминас.

– А с другой – юноша с весьма необычной способностью мне попался... и татуировка эта...

– И замечательно! – снова подержал товарища Беньяминас.

– Хотя я и отослал депешу в Совет, как-то всё же смутно мне.

– Именно так! – беседа длилась уже не первый час, отчего Беньяминас слегка притомился и поэтому постепенно фразы свои укорачивал.

– Что делать с ним? Ты же знаешь наш Совет!

– Да! – громко сказал Беньяминас.

– Пока они ответят со своей этой волокитой, это ж скока дней пройдёт, – сказал Хромой Сом и несколько удивился, ответа не получив. Хромой Сому понадобилось определённое волевое усилие, прежде чем он смог сфокусировать свой взгляд на собеседнике. Собеседник же спал сном младенца, если бывают, конечно, младенцы, способные спать лицом в тарелке с закусками.

Контрглава,

призванная объяснить читателю, отчего такая уважаемая всеми фигура, как маг второй руки, оказалась ночью в тёмном лесу совершенно одна

Дабы у читателя, плохо знакомого с обычаями Земли Простой,*** не возникло ощущения, что коротать ночь в лесу для мага обычное дело, мы вынуждены слегка отклониться в сторону и назад. (*А таких в мире подавляющее большинство. – Прим. составителей хроник). Конечно, в обычном случае встретить в лесу кого-нибудь из магов клана Вентаны, известных

своей приверженностью к комфорту, это номер довольно дохлый. Но в том-то и дело, что в описываемый момент жизненные обстоятельства Хромой Сома назвать обычными вряд ли кто-то осмелился бы.

Впрочем, обо всём по порядку.

В апреле Хромой Сому исполнилось сорок лет. Этот возрастной барьер для любого мага клана Вентаны являлся рубежом знаковым. Именно в этот момент жизни окончательно становилось ясно, удалась карьера мага или же нет. По счастью, в клане этот момент был достаточно чётко формализован – маг, желающий карьерного роста, подавал заявление на соискание звания кандидата в члены высшего органа клана, Совета Пятнадцати, и прилагал к нему Исследование на соискание звания кандидата, являвшего собой теоретическую работу по какому-нибудь важному магическому вопросу. Кандидатство это являлось неременной ступенью на пути к вершинам карьерного роста. Ежели после тщательного рассмотрения в удовлетворении заявления магу отказывалось, то становилось ясно, что карьера не удалась, и удел отверженного – просто деятельность просто мага.*** (*Что по тем временам было не так уж и плохо. – Прим. составителей хроник). Конечно, из этого правила были исключения – были самородки, которые безо всякого заявления принимались в кандидаты и даже в члены Совета в значительно более раннем возрасте. Были и исключения обратного порядка – маги, которые прекрасно понимая, что Совета Пятнадцати им не видать как своих ушей, сидели и не рыпались. Особую категорию составляли маги, которые хотели карьерного роста, но не знали, могут ли они на него рассчитывать. На свою беду Хромой Сом относился именно к этой категории, то есть пределов своих способностей он не знал, а быть членом Совета Пятнадцати ему страсть как хотелось. Поэтому к вопросу своего возможного кандидатства он подошёл максимально серьёзно, тем более что в Совет он хотел не славы ради, а по причине наличия в его голове неких идеалов.

Были у него, знаете, некие мысли.

Свой собственный взгляд на то, каким должен быть маг.

На ту пору в клане царило твёрдое убеждение, что настоящий маг – это прежде всего титан духа. Из этой посылки многие маги нечувствительным образом делали вывод, что телом настоящий маг может некоторым образом пренебречь. Может быть, впрочем, они такого вывода не делали, но образ жизни вели такой, что казалось, что они для себя сделали именно такие выводы. Хромой Сом же считал, что настоящий маг должен быть фигурой, в разумных пропорциях сочетающей в себе не только духовную мощь, но и приличное физическое развитие. Он даже термин придумал для этого специальный – «пропорциональный маг», и своё Исследование на соискание посвятил именно этому вопросу, к слову, работа его называлась «Пропорциональный маг, как лепый путь к прогрессу». Коллеги мнения его не разделяли и даже посмеивались над ним втихомолку; смеяться громко было чревато, поскольку Хромой Сом в полном соответствии со своей доктриной был для мага весьма крепок и ловок, и посох свой умел применять пусть несколько нетрадиционным, но зато весьма болезненным, а порой и травматическим для оппонента способом. Само собой, это умение сторонников ему не добавляло.

Надо ли говорить, что всё вышеозначенное вкупе с общим философическим беспокойством, присущим этому возрасту, привело Хромой Сома к явному душевному разладу? Ему всюду чудилась интрига, слышались смешки, в каждой реплике он видел нападение на свою честь и намёк на свой провал – словом, жизнь стала невыносимой. Маг истребовал себе академический отпуск и удалился в Северный Ортаск, якобы для того, чтобы в тамошних лесах совершенствовать своё владение посохом, что было, кстати, согласно труду «Пропорциональный маг, как лепый путь к прогрессу», одной из составляющих личности этого самого пропорционального мага.

Но говоря честно и коротко, в глуши лесной Хромой Сом попросту готовил себя к тому, что его соискание прокатят на вороних.

Глава 2,

в которой описывается всё, что не было описано ранее, обосновывается необходимость девушек в повествовании, и почти вся честная компания отправляется в замок Бленд

Микки проснулся оттого, что его будили.

– Молодой человек! – вкрадчиво звал его кто-то. – Ау-у!

Из чего мы сразу можем заключить, что опыт пробуждения юношей у будивших был небогатый. Деликатность и вкрадчивость – качества, наименее востребованные при побудке молодых людей, это охотно подтвердит вам любой сержант любых войск.

Микки открыл глаза. До сих пор составителям данных хроник как-то не представлялась возможность дать достойное описание наружности нашего героя, так что давайте все вместе исправим эту досадную оплошность.

Ученик лекаря был симпатичным юношей, с тонкими чертами лица, которое немного портили синяки и пара прыщиков, кроме того, он имел серые глаза, нос с горбинкой и родинку в районе копчика. Из крупных деталей отметим слегка кривые ноги, мускулистые руки и чуть оттопыренные уши; веса в нём было почти четыре с половиной пуда. В заключение не без сардонической нотки заметим, что он являл собой именно тот тип мужчин, которые нравятся женщинам в возрасте.

Стоп! Чуть не забыли! На груди, под левым соском, у него имелась татуировка: орел, несущий копьё. Именно на неё обратил внимание в лесу Хромой Сом. Татуировка уже слегка поплыла, но общая мысль рисунка угадывалась отчётливо. Так что, читатель, снова открывая свой блокнот и отметь это обстоятельство, как потенциально ключевую деталь повествования.

Итак, Микки открыл глаза. На него смотрели две девушки, в которых он не без изумления признал тех самых девиц, что обратили на него внимание на площади Хороших Советов. Пожалуй, мы опишем и их. Одна была на полголовы ниже с'Пелейна, другая ещё ниже, высокая была брюнеткой, которая пониже – блондинкой, брюнетка была красива, блондинка тоже хороша. Кроме того, у одной из них была родинка на... Впрочем, существует вероятность, что об этом Микки ещё узнает. Обе были одеты в платья с глухим воротом, у обеих платья скрывали весьма достойную грудь и стройные ножки.*** (***)Ей-богу, так оно и было. – Прим. составителей хроник). Друг другу они приходились сводными сестрами, а Зелькаву Беньяминасу – племянницами. В общем, девушки смотрели на него, он смотрел на девушек; пауза уже готова была стать неловкой, но тут одна из них спросила:

– Юноша, хотите пива?

Микки задумался. С одной стороны, пить хотелось, с другой стороны, в душе его имелись некие устои, вбитые туда воспитанием, и один из этих устоев гласил – пить пиво с утра неприлично. В конце концов, воспитание победило, и он сказал голосом хриплым со сна:

– Если можно, зелена вина, пожалуйста.

Девушки притихли. Затем блондинка неуверенно сказала

– А у нас нету.

– Плохо, – басом сказал Микки.

– Да уж, – всё так же робко поддакнула брюнетка.

– Я, знаете ли, люблю после битвы слегка выпить зелена вина, – развил тему после непродолжительной паузы ученик лекаря.

– Почему бы и нет, – поддержала блондинка. Брюнетка промолчала.

– Жажда... э-э-э...

«Жажда ... чёрт, – подумал Микки. – Святой Ресет, помоги мне быть остроумным».

Тишина становилась невыносимой. Мы, наверное, не совершим большого греха, если откроем читателю страшную тайну Микки с'Пелейна. Дело в том, что ученик лекаря не имел большого опыта общения с девушками. Вернее, опыт был, но он был чисто гипотетический и,

в основном, заимствованный из книг и рассказов на конюшне. Вести непринуждённый разговор с молоденькой девушкой – для него это была задача не менее сложная, чем, ну, скажем, поединок с драконом. Прыщики, опять же. Так что тишина понемногу становилась невыносимой, но тут, к счастью, дверь распахнулась, и на пороге возникли Хромой Сом и Беньяминас. Оба были несколько не в духе. Из-за них с любопытством выглядывали всё те же боевые свиньи. Бог с ним, читатель, мы опишем и их! В каждой было по девяти пудов весу, у каждой по четыре ноги, на ногах копытца, сзади купированные хвостики, а спереди пара умненьких глаз. Щетина на спинках, пяточки на мордочках, всё как у обычных свиней, с одной лишь разницей, что это были всё-таки боевые свиньи.

– Аманда, Белинда, почему вы не даёте юноше спать? – грозно спросил Беньяминас.

– Дядя, но ведь вы сами сказали разбудить его, как только он проснётся! – вскричала брюнетка.

Беньяминас слегка приоткрыл рот и задумался.

– Что, так прямо и сказал? – неуверенно спросил он.

Девушки истово закивали, подтверждая.

– Ладно, – задумчиво сказал Беньяминас. – Выходите, дайте человеку одеться. Сегодня на завтрак яичница по-ортасски.

– Идём, друг мой, – обратился он уже к Хромой Сому. – Нас ждёт холодная вода!

– Спасибо, было очень вкусно, – вежливо сказал ученик лекаря и встал из-за стола. – Я вот только не понял, а чем яичница по-ортасски отличается от обычной яичницы?

– Ортасская яичница делается из ортасских яиц, – любезно пояснил Зелькав

– Девушки, вы не желаете показать гостю город? – поинтересовался Хромой Сом.

– Давайте-давайте, – сказал Зелькав. – Покажите гостю достопримечательности.

– Какие? – спросила Аманда.

– На рынок ходите, – сказал Зелькав.

– Я не хочу на рынок, – решительно объявил юный с'Пелейн.

Они входили на территорию рынка, сопровождаемые всё теми же боевыми свиньями. Но едва они зашли на рынок, как ученик лекаря услышал крик «Вот он!», который ему сразу не понравился. Микки обернулся и увидел группу знакомых гномов из клана Белой Дивы. Лицо их предводителя украшало небрежно нанесенное стойкой грим-краской неприличное слово, и они сплочённым коллективом бежали прямо на Микки с'Пелейна. Здесь просится многозначительная и томительная пауза и, возможно, место для рекламы какого-нибудь возлеморского производителя грим-красок.

Гномы неслись компактной массой. Первым они своротили прилавок зеленщика и помчались дальше, даже не подумав извиниться. Шпинат, морковь, дыни, яблоки, лук, артишоки и тому подобная петрушка посыпалась на землю под их безжалостные сапоги. Хозяин прилавка зеленщик Гэмбл дал волю вспыхнувшему в нём гневу: выхватил из ящика клубень ортасского земляного арбуза*** и с ловкостью необыкновенной метнул его в голову близ бегущего гнома. Им оказался как раз Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассельбоатль, который с коротким стоном упал на землю, схватился за голову и задрогал ногами.

(***Удивительный продукт, напоминающий с высоты птичьего полета картофель, а на вкус – незрелые персики; плоды земляного арбуза особенно полезны, а стало быть, невкусны в тушёном виде, в сыром же виде они необычайно твёрды и увесисты. За что этот овощ был назван земляным арбузом, для сост. хроник загадка. Может быть, это один из многочисленных образцов искромётного ортасского юмора?).

– Стойте! Они убили Армандо Хулиочавеса Диго Де Плесси Кассельбоатля! – вскричал кто-то из гномов. В тот же миг, забыв об ученике лекаря, гномы развернулись и с криком

«Убийцы! Отомстим за Армандо Хулио-чавеса Диго Де Плесси Кассельбоатля!» всё такой же сплочённой массой понеслись на зеленщика. Увидев это, зеленщик схватил табурет и с криком «Ветераны Ушимудуши не сдаются!» встал в боевую позицию. Неизвестно, чем бы всё это закончилось для Гэмбла, но тут к несчастью для себя кто-то из гномов зацепил ногой прилавок мясника по кличке Джек-Пот-Потрошитель, и на землю в дополнение к капусте, картофелю, укропу и прочим овощам посыпались говяжьи ребрышки, бараньи ноги, копченые кролики, хоботы ортасских тапаргов и прочая снедь мясного происхождения.

Стало похоже на овощное рагу.

Не хватало только соуса.

Джек-Пот-Потрошитель, расстроенный подобной небрежностью, схватил ногу копченого с пряностями быка и с натужным стоном метнул её в голову обидчика. В отличие от Гэмбла, мясник действовал нацелено, и снаряд достался тому, кому он предназначался. От полученного удара Бома понесло в сторону, он сходу вlepился в прилавок соусника Чака по кличке Норрис, и недостаток соуса сполна был возмещен опрокинутым чаном со знаменитым «Жгучим Южным Варварским». Сразу стало грязно и скользко. Гномы попытались ещё раз развернуться, но на жгучем соусе их занесло, и с криком «Убийцы! Отомстим за Армандо Хулио-чавеса Диго Де Плесси Кассельбоатля и Бома!» они всей оравой врезались в торговые ряды продавцов гирь для засолки капусты. В воздух тут же взмыли десятки метко брошенных гирь, и рынок огласился стонами и воплями гномов. Гномы с превеликим трудом восстановили стройность своих рядов и кинулись на продавцов гирь уже осознанно. Бродячие собаки, которые в изобилии водятся на каждом ортасском рынке, с восторгом прыгали вокруг гномов, пытаясь укусить их за ноги. Со всех сторон к месту боя сбегались торговцы, движимые чувством солидарности, и тоже вступали в схватку, но, поскольку было не совсем ясно, кто враг, колотили кого попало. Лаяли бродячие собаки, истошно орали продавцы и покупатели, громко кричали продаваемые гуси и куры, а со стороны реки уже неслась стая ворон, в предвкушении лёгкой поживы орущих во всё горло.

Было довольно шумно.

Немного удивленный размахом событий, косвенной причиной которых он стал, Микки, несмотря на возражения с восторгом наблюдавших за побоищем девиц, желавших увидеть всё до конца, принял единственно верное решение – вернуться к Беньяминасу. Энергичным шагом, волоча за собой непрерывно оглядывающихся Белинду, Аманду и визжащих от негодования трёх боевых свиней, Микки двинулся прочь от рынка. Навстречу уже бежал, неся на своих лицах печать тревоги, патруль ортасских гвардейцев; с рынка доносились крики «Отомстим за Плуга! За Бедрэдра! За Боку! Убийцы! Вставайте, чего разлеглись!» и стук гирь.

Маги сидели на веранде и пили холодную воду. Ярко светило полуденное солнце, но вокруг них было прохладно: они развлекались, меняя температуру магическим способом. На веранде попеременно шли снег, дождь, мела метель. Долго предаваться столь увлекательному занятию им, однако, не довелось. Громыхнул гром, полыхнула молния (именно в такой последовательности!), во саду с треском упало дерево. Из воздуха материализовался и ловко спрыгнул на стол чёртик и, поглядывая в сад, где нехотя разгоралось упавшее дерево, бойко затараторил, излагая текст послания.

– И-а-о! Новости. Камень показал наличие угрозы. Объявился Претендент. Возле замка Бленд объявился дракон. А теперь сообщение. Магистр собирает Совет Пятнадцати двадцать первого мая сего года. Магу второй руки Хромой Сому надлежит быть на этом Совете для узнавания результатов рассмотрения его заявления.

– Спасибо, – сказал Сом.

– Как? Это всё?! А почесать?! – недовольно завопил чёртик и начал раздуваться.

– Хорошо, хорошо, – поспешно сказал маг и начал чесать чёртика за ухом. Чёртик мурлыкнул, заурчал, содрогнулся и с громким хлопком исчез, обдав магов тёмной неважно пахнущей жидкостью.

– Ох уж мне эта магическая связь! – в сердцах воскликнул Хромой Сом.

– Чего? – с громким хлопком возник на столе всё тот же чёртик.

– Всё нормально! Это шутка была! – с несколько избыточной бодростью вскричал Хромой Сом.

– А-а... – недовольно протянул чёртик. – Ну смотри...

С этими словами он исчез окончательно, вторично обдав магов тёмной неважно пахнущей жидкостью.

– И давно это так? – сухо спросил Беньяминас, вытирая лицо носовым платком и оглядывая своё платье на предмет поражений.

– Не знаю, – честно признался Хромой Сом. – Я читал в последнем «Вестнике» об улучшении магической связи... что-то насчёт повышения скорости на полторы секунды и некоторых побочных эффектах, но не думал...

Дверь распахнулась, и на пороге появилась вся честная компания – Микки, девушки и свиньи.

– Святой Ресет! Видели бы вы это дело! Боже, чем здесь воняет? – вскричала Белинда.

– Дядюшка, это было ужасно! Ну и запах! – поддержала её Аманда.

– Чем воняет? – сразу ухватил суть происходящего юный с'Пелейн.

Маги молча сидели и не смотрели на молодёжь; Беньяминас обтирался платком, Хромой Сом, напряженно морща лоб, творил заклинание очищения воздуха. Девушки, грациозно зажав носы, смотрели на него во все глаза, ученик лекаря изо всех сил делал вид, что ему совершенно неинтересно. В конце концов, что-то щёлкнуло, громыкнуло, и с потолка обильно полилась приятно пахнущая вода, давшая обильную пену. В воздухе сконцентрировались какие-то неясные тени, вооруженные мочалками.

– В кредит, – сказал Хромой Сом угрюмо, и тени, несмотря на свою бестелесность, весьма усердно и ощутимо начали мыть мыльной водой и опрыскивать одеколоном всех присутствующих. Экзекуция длилась минут пять. Девушки бегали по веранде и визжали, Микки яростно сопротивлялся, зажмурив глаза, Беньяминас сидел на стуле с видом полнейшей покорности судьбе, и лишь Сом делал вид, что все идёт как надо. Внезапно что-то опять щёлкнуло, и тени исчезли. Было слышно, как журчит убегающая вода. Хромой Сом кашлянул, выпустив при этом изо рта несколько мыльных пузырей, и сказал с преувеличенной предупредительностью:

– Если хотите, я могу сотворить заклинание осушения.

– Нет, нет, не стоит утруждать себя! – поспешно воскликнул Беньяминас. Девушки переглянулись и побежали вон, следом побежал ученик лекаря. Маги посмотрели друг на друга и молча пошли за всеми. На веранде остались лишь три боевые свиньи. Они были необыкновенно розовенькие, чистенькие, и вид имели весьма обалделый.

Спустя полчаса, подсохнув и переодевшись, все снова собрались на веранде. Дабы сгладить тягостное впечатление от незапланированных водных процедур, Беньяминас обставил это дело весьма приглядным образом: накрыли стол с напитками и лёгкими закусками, уселись вокруг него и начали беседу; цветущий сад и догорающее дерево создавали для беседы приятный фон, побуждая говорить о предметах лёгких и возвышенных.

Разговор, однако, получился совсем другого характера. Первым делом, Микки рассказал о происшествии на рынке. Собственно, слово «рассказал» не совсем точно отражает суть произошедшего. Юный с'Пелейн действительно начал рассказывать, и даже добрался до фразы «Заходим мы, значит, на рынок», но далее, непрерывно перебиваемый уточняющими замечаниями Аманды и Белинды, накалившими градус атмосферы до пределов неприличных, Микки

сдался со словами «Сами рассказывайте, раз такие умные». Трудно найти другой пример высказывания, где текст так противоречил бы подтексту, ведь эта фраза, как правило, подразумевает, что на самом деле, а) рассказать толком вы ничего не сможете, тока зря время потратим; б) на самом деле никакие вы не умные.

Маги, тем не менее, терпеливо выслушали красочный, полный ярких деталей и пикантных подробностей рассказ девушек до конца.

Затем Хромой Сом рассказал о магической депеше, ну может быть, опустив некоторые детали.

– Дракон, – благоговейно сказала Аманда.

– Да, дракон, – осторожно подтвердил Беньяминас, с тревожным любопытством глядя на племянницу.

– А раз там дракон, туда обязательно явится Претендент, – сказала Белинда.

– Пожалуй, – ошарашенно сказал Хромой Сом, изумлённый неожиданно глубоким пониманием девушкой сути Претендентства.

– А раз Претендент, тогда это принц Штарк! – ликующим тоном подытожила Аманда.

– Ну да, – сказал Хромой Сом и сам себя поправил: – Не понял... он же умер!

Тут, наверное, необходимо небольшое пояснение.

Такое часто случается. Человек, посвятивший всего себя магическому ремеслу, вынужден себя ограничивать во многом. И дело не в том, что магия требует от своих адептов отречения от мирских радостей. Просто из-за того, что в сутках всего двадцать четыре часа, начинающему магу приходится в конце концов выбирать – либо радости плоти, либо познание магического искусства. Так что для любого уважающего себя мага, не удосужившегося своевременно вступить в брак, женская психология есть *terra incognita*. Отсюда ясно, что хрупкая девичья душа это не та область, в которой Хромой Сом мог ориентироваться свободно. Поэтому можно сказать, что он, сам того не подозревая, говорил с девушками на разных языках. Непонимание сути столь яркой личности, как принц Штарк... опа! получается, что необходимо рассказать читателю, кто такой принц Штарк.

Что ж, так мы и сделаем.

Принц Штарк был личностью одновременно выдающейся и парадоксальной. Жил он примерно сто лет назад, так что по крайней мере в одном Хромой Сом был прав – к описываемому моменту принц Штарк уже давно пребывал в лучшем из миров. Зато когда он был в этом мире, он был писанный красавец, и поклонниками своими почитался как храбрец, гуманист и идеал мужчины. При этом, как ни странно, никаких деяний за ним не водилось. То есть, может быть они и были, но ни в летописях, ни в сагах, ни в былинах отмечены не были. Правда, принц Штарк вопреки своему высокому происхождению играл в спектаклях в амплу писаного красавца, храбреца и гуманиста, но вряд ли это может быть по настоящему уважительной причиной для приобретения столь высокого статуса.

Вдумчивый читатель уже, наверное, догадался, что особой популярностью принц пользовался среди представительниц прекрасного пола. Среди девушек Земли Простой это превратилось во что-то вроде религии со всеми внешними атрибутами – иконами, сотворением кумира и молитвами. Эпидерсия эта, то затухая, то разгораясь, длилась вот уже целый век, и жертвою её пало немало достойных представительниц прекрасного пола. Единственное, что утешает – недуг этот, видимо, в те времена носил возрастной характер, поскольку после вступления в брак большинство адептов Штарка как-то незаметно и довольно безболезненно приобретали иные жизненные ориентиры. На беду же Хромой Сома, Аманда и Белинда пребывали в самой тяжкой стадии – когда светлый образ принца Штарка застил всех мужчин Земли Простой. Именно поэтому маг второй руки их ни капельки не понимал.

– Он жив, – голосом тяжело оскорблённой верующей сказала Аманда.

– Штарк – это наше всё, – подтвердила Белинда холодно и увесисто.

– Э-э-э... – сказал маг и перевёл взгляд на Зелькава Беньяминаса. Тот в ответ вытаращил слегка глаза и пожал плечами. Похоже, происходящее его забавляло.

– Он всегда возвращается на землю в образе прекрасного юноши, – повысила голос на полтона Аманда.

– Потому что при первой своей жизни... – тоже добавила накала Белинда, – он остался свободным и подарил надежду всем и каждой девушке мира!

– Ах, возвращается, – с облегчением сказал маг. Первая и очевидная мысль о том, что обе девушки безумны, порядком его напугала, и посему теперь, когда эта мысль оказалась неверной, Сом приобрёл настрой великодушный и даже был готов идти на уступки.

– Ну что ж... тогда, конечно, это вполне может быть Штарк.

– Дядюшка! – тоном, исключаящим возражения, заявила Аманда, – мы едем в Бленд!

Улыбка сползла с лица Беньяминаса.

– Кто это мы? – спросил он ошарашено.

Аманда приподняла изумлённо бровь.

– Я и Аманда! – поддержала свою сводную сестру Белинда.

– Гм... – сказал Беньяминас и посмотрел на Хромой Сом. Было видно, что маг третьей руки испытывает сильное затруднение. Старый товарищ не подвёл.

– Вряд ли юным девушкам стоит пускаться одним в столь дальнюю дорогу, – солидно сказал Хромой Сом.

– Мы найдем себе провожатого, – сказала Белинда и отчего-то посмотрела на Микки с'Пелейна. Все присутствующие механистически перевели свой взгляд на ученика лекаря.

– Гм... – сказал Беньяминас во второй раз. Теперь казалось, что затруднения, испытываемые им, выросли до размеров почти неприличных.

На такой оборот юный с'Пелейн продемонстрировал реакцию для человека свободного вполне естественную.

– Не, – сказал Микки. – Какой ещё Бленд... Чего я там не видел.

– Вы считаете, это может быть опасно? – спросила Аманда так простодушно, что это уже отдавало неким коварством. Микки оскорбился. Похоже, упоминание об опасности пробудило и натянуло в его душе некие струны.

– Я могу дать своих боевых свиней, – сказал Беньяминас, неверно истолковав причину Миккиного возбуждения.

– Им скорее понадобится телохранитель сопровождения, – сказал Хромой Сом, с некоторым сомнением разглядывая с'Пелейна.

– А что такого? – спросил вроде как сам у себя Беньяминас. – Пусть прогуляются!

Похоже, перспектива избавиться разом от свиней и племянниц хотя бы на время его изрядно воодушевила.

– Ладно, – сказал Микки. – Мне, в общем-то, всё равно. Подумаешь... в Бленд, так в Бленд.

Слова юного с'Пелейна извиняет лишь его молодость. Человек зрелый же должен понимать, что так говорить, а уж тем более вести себя так не совсем правильно. Сегодня ты говоришь, что тебе всё равно, а послезавтра враг ликует на развалинах твоего дома. С другой стороны, если всем будет не всё равно, жизнь может приобрести излишне деятельный характер. Гм... составители хроник, право слово, затрудняются сделать выбор, так что подумаем об этом на досуге, а пока вернёмся к нашим героям.

Разговор перетёк в деловую плоскость. Было решено, избегая встреч с гномами, вечером пройти по кабачкам. В них за плату можно было найти какого-нибудь профессионального вояку, который проводил бы девушек до Бленда. Хромой Сом объявил так же, что через месяц Микки должен прибыть в Билгейтц. Это была его собственная инициатива. Ему казалось, что в

этом и в самом деле есть какая-то необходимость, хотя на самом деле он просто хотел показать его одному знакомому, увлекающемуся геральдикой и разъяснить наконец-то ту татуировку под Миккиным соском. Знакомый к тому же входил в Обжаловательный совет, в который надо было подавать апелляцию в случае, если решение Совета Пятнадцати тебя не устраивало, и после некоторых процедур Совет Пятнадцати мог ещё раз рассмотреть твоё дело и... Ну вы помните про соискание? Хромой Сом стелил соломку, и никто не вправе его за это осуждать. Впрочем, мы отвлеклись.

Девушки тут же заявили, что всё складывается удачно, поскольку им тоже надо будет съездить в Билгейтц до начала учебного года (учились они, разумеется, в Ортаске). То, что учебный год должен был начаться лишь через четыре месяца, отчего-то никого не смутило. С'Пелейн снова пошёл на поводу у прекрасного пола. Возможно, на это решение повлияли ножки Белинды, белой кожей мелькавшие из-под довольно смелого платья, открывавшего почти всю нижнюю половину голени (!), но нам не хотелось бы думать о нашем герое так. Было похоже, что, по большому счёту, ему и в самом деле было всё равно куда идти.

А пока что решили пообедать, и немного отдохнув, двинуться по кабачкам.

– Самое главное, не привлекать чьё-либо внимания, – шатким голосом инструктировал молодежь Беньяминас, шагая по улице неправдоподобно твёрдыми шагами. – Не вздумайте пить крепкие вина! Но! на всякий случай пропускайте в кабачке стаканчик-другой пива, поскольку человек, не вкушающий хмельного в кабачке, вызывает всеобщее подозрение. Вас могут принять за не того, и того... намылить вам шею.

– Йых! – отвечала молодежь немного невпопад. Было два часа ночи, шел четвёртый час героического похода по кабачкам, и эту лекцию молодые люди слышали уже в пятый раз. Правила маскировки, тем не менее, все выполняли неукоснительно в каждом кабачке, и теперь шикарными зигзагами вся компания, булькая от выпитого, двигалась по центральной улице к следующей пивнушке. Время от времени кто-нибудь пытался запеть. На такого хором в полный голос орали, что, дескать, неча привлекать чьё-нибудь внимание, тут дела серьёзные, кто не умеет хранить тайны, пусть сидит дома и всё такое. В конце концов, за ними увязалась довольно приличная толпа обывателей, привлечённых этими криками. Они шли следом уже около часа, делая вид, что им просто по пути и тихо рассуждая на тему, какого рода может быть тайна. Самые оптимистичные считали, что речь идёт о золоте, и предрекали скорое начало золотой лихорадки в Северном Ортаске. Хромой Сом, единственный, кто ещё помнил о цели похода, злобно косился на окружающих, соблюдая причудливую очерёдность. Белинда и Микки шли, обнявшись, и болтали о всякой чепухе, немного позади плелась и при этом деликатно икала Аманда, заботливо поддерживаемая под локоток дядюшкой. Даже боевые свиньи, нахватавшись по кабачкам объедков, вели себя уже не так бодро, как обычно, а цель похода была всё так же далека, как и вначале. Ни в одном заведении им не попадалась подходящая кандидатура. Либо воин был слишком стар, либо слишком молод, либо уже завербован на западную границу Вентаны, либо вообще оказывался не воином.

Ветераны Ушимудуши!
Молоды как прежде наши души
И остры наши острые клинки
Мы Отчизны верные сынки!
Враг дрожит от нашей поступи железной,
Враг дрожит – сопротивляться бесполезно.
И как прежде, согревая наши души
Нам сияет свет Ушимудуши!

Именно такую песню, уверенно выводя мотив мимо нот и ритма, распевал двигавшийся навстречу им мужчина со шрамом через всё лицо. В нём сразу же чувствовался профессиональный военный. Выправка, красный нос, железный шаг с тянущимся носком – все атрибуты записного вояки были налицо, и Хромой Сом понял – это тот, кто им нужен. Мужчина между тем зашел в трактир с претенциозным названием «Пышный петушиный хвост».

– С левой ноги за мной шагом марш! – бодро скомандовал Беньяминас.

– Это что, обязательно – шагать в ногу? – вяло возмутился ученик лекаря, но никто на это внимания не обратил, и вся процессия завалилась в «Хвост».

В трактире сразу стало многолюдно. Вошедшие заняли места за столиками. Постепенно в помещении установилась тишина, и все выжидательно посмотрели на Хромой Сома. Хромой Сом в свою очередь посмотрел на трактирщика, и все перевели взгляд на трактирщика. Трактирщик побледнел и начал разливать пиво по кружкам. По тому, как у него дрожали руки, было видно, что он немного смущен внезапным наплывом посетителей.

– Тысяча поросят! Дадут мне сегодня поесть? – громовым голосом порвал тонкую ткань тишины мужчина со шрамом. Боевые свиньи, уже было удобно устроившиеся в ногах у хозяев, вздохнули, нехотя встали и неторопливо побрели по направлению к мужчине со шрамом.

– Карла! Уитни! Обслужите посетителей! – нервным фальцетом отозвался трактирщик, и сразу стало шумно. Люди заказывали пиво, еду, всё это шустро разносили две молоденькие девушки. Особый окрас этим действиям придавало то обстоятельство, что при всём при этом все эти люди изо всех сил не глядели на наших героев. Хромой Сом подсел за стол к мужчине со шрамом и попытался завязать непринужденный разговор.

– У вас такое доброжелательное лицо, – громко, дабы переорать толпу, начал Хромой Сом. – Я от всей души хочу угостить вас пивом! Эй! Два пива сюда!

Эту фразу Хромой Сом вычитал в «Практическом руководстве для магов, желающих завязать непринуждённый разговор», она ему очень нравилась, и он давно ждал случая, чтобы пустить её в ход. Человек со шрамом с опаской посмотрел на мага и отодвинулся на край скамьи. «Хорошо, – подумал Хромой Сом, – он не убежал, уже хорошо». Практическое руководство рекомендовало в таких случаях сказать собеседнику, что-нибудь приятное «дабы окончательно расположить к себе собеседника с целью дальнейшего углубления разговора ради выведывания сведений, фактов и цифр, могущих быть полезными в удобной деятельности магов Вентаны».

– А вы хорошо поете! – напирал маг. – У вас такой приятный голос. Вы не пробовали выступать в сопровождении инструментального ансамбля? Мне кажется, у вас бы получилось!

– Что тебе надо, шпак! – сурово сказал громила и характерным движением обозначил угрозу физической расправы.

– Постойте! Я хотел бы вас нанять! – поспешно воскликнул маг.

– Певцом? – заинтересовался мужчина со шрамом.

– Почему певцом? – удивился маг. – Телохранителем сопровождения.

– Да? – разочарованно переспросил мужчина со шрамом и горько задумался.

– Ну так как? – спросил маг после недолгого ожидания.

– Ничего не выйдет, приятель, – печально сказал мужчина, – я гвардеец Ортаска, и намерен посвятить этому благородному... гм... в общем, не выйдет.

– Жаль, – сказал маг, с сожалением оглядывая мощную фигуру гвардейца.

В это мгновение Карла поднесла пиво. Гвардеец одним мощным глотком осушил полкружки и с одобрением посмотрел на мага.

– А знаешь что? – сказал он. – Если хочешь, я могу тебе порекомендовать своего знакомого. Его зовут Эрвин Куман. Он остановился в гостинице «Жареный слон», и он сидит без дела. Ему как раз по душе психи вроде тебя.

Сказавши так, гвардеец неожиданно подпрыгнул, взвизгнул, опрокинул лавку и с криком «Измена!» побежал к выходу, хромя на правую ногу. Следом из-под стола с довольным видом вылезли боевые свиньи. Маг задумчиво уставился на них и начал барабанить пальцами по столу.

Контрглава,

в которой читатель знакомится еще с парой магов, и становится ясно, что такого интересного есть в замке Бленд

В наше время везде можно найти какое-нибудь интересное место. Это высказывание верно для любой эпохи, так что можно смело переформулировать его следующим образом.

Всегда найдётся интересное место.

При этом все интересные места делятся на две категории. Интересные места, интересность которых очевидна, поскольку, так сказать, лежит на поверхности либо в силу их размеров, либо в силу живописности, либо в силу некоего ореола скандальной славы. В качестве примера можно привести: Большой Грандский каньон, Ниноградский водопад и ту самую улицу, на которой в прошлом году подрались два парня из-за Валентины делла Арурри.

На наш же взгляд, намного более интересны места, интересность которых прямо связана с тем, что они странным образом сочетают привычные нам вещи и обстоятельства, ломая тем самым рамки обыденности. Например, пустой корабль и море. А? Каково? Чувствуется сразу тайна, верно? А водопад – ну что водопад. Вода падает, и все дела.

Место, которое мы с вами, любезный читатель, сейчас посетим, по счастливому совпадению относится именно к таким. Небольшой внутренний дворик не самого роскошного здания – вот что оно собой представляло; такие дворики для Билгейтца не редкость. Но вдумчивый наблюдатель сразу (а может, не сразу) отметил бы ряд странностей.

Такие дворики планируют, как правило, с целью духовной, ну или почти духовной. Чтобы было где уединиться для размышлений о бренности своего существования, или чтобы было куда привести гостей, чтобы в тихой и спокойной обстановке провести время за приятной беседой, или наконец, чтобы просто было где вздремнуть после обеда, в жаркий июльский полдень.

На практике же такие дворики очень быстро превращаются в нечто вроде чулана под открытым небом. Туда стаскивается весь хлам, отслуживший своё, домашний скарб, стопки каких-то крайне важных бумаг, в которые никто не заглядывает не то что годами – веками! – так что насчёт подумать, подремать там, или, упаси господь, привести туда гостей очень скоро приходится забыть.

Данный же дворик был чист, аккуратен и даже вымощен тесаным и хорошо пригнанным булыжником. Такова была первая странность этого места.

Никаких лавок, кресел, гамаков во дворике также не наблюдалось. Такова была вторая странность этого места.

В-третьих, посреди дворика имелось что-то вроде надгробного камня. Во всяком случае, всей окружающей обстановкой подавался этот камень весьма претенциозно, а сам по себе внешне выглядел весьма непримечательно.

Просто камень.

Такова была третья странность этого места.

В-четвертых, возле камня стоял молодой человек и смотрел на него. В фигуре его явственно проступали черты надвигающейся усталости, словно он наблюдал за камнем уже не один час. Так же в фигуре его сквозило ощущение некоей обреченности, словно ему предстояло паяльничать на этот булыжник ещё не один час.

Неподалёку от вышеописанного дворика величественным кубом высилось здание Резиденции Магистра клана Вентаны. Вообще-то правильнее было бы говорить, что это дворик

находился неподалёку от Резиденции, но мы позволим себе архитектурной субординацией пренебречь. В Резиденции, в большом, богато обставленном кабинете сидел глава Совета Пятнадцати магистр Ниса Намлок. Впрочем, в данный период его жизни магом его можно было назвать с большой натяжкой, ибо, говоря по правде, в должности главы Совета Пятнадцати магического немного, и дни магистра протекают в заботах больше административных. Ну и, само собой, политика – область человеческой деятельности, вообще ничего общего с магией не имеющая. Если на занятиях магией лежит ореол публичности и результат деятельности мага заметен и очевиден, то с политикой всё в точности до наоборот. Во всяком случае, так составители хроник себе это понимают.

Глава Совета Пятнадцати работал с документами, а именно проглядывал по диагонали рапорт, в котором говорилось о появившемся в окрестностях замка Бленд драконе. Дочитав эту перепуганную провинциальную белиберду, Ниса Намлок вздохнул и бросил бумагу в корзину для мусора.

«Святой Ворд, – подумал он горько, – почему, ну почему обязательно драконы?»

Давайте же проявим деликатность и не будем более заглядывать магу-администратору Намлоку через плечо. Поглядим на него со стороны. Магистру на вид примерно пятьдесят лет, он начинает толстеть, но мягкотелым не кажется, поскольку имеет волевое лицо, с твёрдыми крупными чертами. Под круглой чёрной шапочкой незаметна – но если эту шапочку с магистра снять, то станет видна – небольшая круглая лысина, чрезвычайно похожая на тонзуру. Круглые очки на носу вкупе с упомянутой шапочкой придают магистру крайне учёный вид. Справедливости ради надо отметить, что магистр для своего времени и для своей страны действительно был весьма образованным человеком.

В коридоре послышалась взволнованная дробь шагов, что-то пробубнил часовой, ему звонко ответил молодой голос, и спустя секунду в кабинет магистра вбежал молодой человек, тот самый, которого мы с вами несколько ранее видели у камня во двореке.

– Камень! – вскричал он прямо от порога.

Магистр поднял голову и несколько мгновений смотрел на бурно дышащего юношу притуманенным взглядом поверх очков.

– О господи! – воскликнул наконец магистр и вскочил со своего места. – Эзил! Пусть Паза Скроллок срочно явится к камню! Скажи, это архиважно!

Эзил вытаращил и без того вытаращенные глаза, кивнул и убежал. Затем и Ниса Намлок побежал неловким от долгого сидения бегом к дверям своего кабинета.

– Сразу два сообщения в один день, – благоговейно сказал Паза Скроллок. – Я даже и не слышал о таком.

Магистр же молчал. Его в этот момент сильно беспокоил отсутствующий Эзил. Молодость болтлива, и это практически в любом контексте есть недостаток.

– Впрочем, – от важности переживаемого момента Пазу понесло, – это вполне согласуется с законом единства приятностей и неприятностей. Хорошая новость – плохая новость. Есть угроза, есть Претендент.

– На самом деле, уважаемый Паза, мы имеем две плохие новости, – сказал магистр.

Скроллок замолчал и задумался.

– Не понял, – сказал он наконец. Его позиции в клане были прочны, и он мог иногда позволить себе некомпетентность в областях, за которые не был ответственен.

– Камень показал наличие угрозы, это первая плохая новость, – наставительным тоном сказал Ниса Намлок, – а раз есть Претендент, это значит, угроза действительно очень серьёзная. Это есть вторая плохая новость. И нам этого молодого человека ещё надо как-то найти. Вам, кстати, не знаком ли молодой человек, которого показал нам камень в качестве Претендента?

– Нет, откуда, – сказал Паза Скроллок. Тут его посетила мысль, и он тут же не преминул её озвучить. – А где он возьмёт дракона? Пауза же у них. Уже лет десять никто ничего не слышал.

Магистр внимательно посмотрел на Пазу Скроллока. Под пристальным взглядом магистра последний сделал строгое лицо. Но видимо, этого ему показалось недостаточно, и голосом полным значительности он добавил:

– М-да... серьёзная ситуация, – затем кашлянул и стал смотреть в окно, сохранив при этом серьёзное выражение лица.

Магистр же совершенно отчётливо вспомнил о той бумаге, что он кинул в корзину для мусора несколько минут назад.

Глава 3,

в которой состоится знакомство с меченосцем, станет ясно, насколько это сложное дело – правильно выбрать лошадь; в путь; также в этой главе наши путешественники попадают в засаду и знакомятся с некоторыми особенностями горского суда

Следующим днём все собрались на завтрак довольно поздно. Подавалась только холодная вода, но на скудость меню никто не жаловался, напротив, блюдо пользовалось большой популярностью. Завтрак прошёл в тишине, изредка прерываемой жалобами на головную боль. Вялое предложение Хромой Сома сделать магическое обезболивание головы было столь же вяло, но решительно отвергнуто всеми без исключения присутствующими.

Было около двенадцати часов дня, когда вся компания отправилась в гостиницу «Жареный слон».

Эрвин Куман всегда хотел стать профессиональным военным. С самого детства он (в этом проявилось невольное влияние отца) грезил поединками, турнирами, сражениями. Это желание предопределило всю его дальнейшую жизнь. С малых лет он стремился доказать себе и другим, что он смел и отважен. Получалось с переменным успехом. Впрочем, чем старше становился Эрвин, тем успехов становилось больше. В шестнадцать лет он счёл возможным сбежать из дома, и после коротких и не очень опасных мытарств нанялся кнехтом в Орден меченосцев. В семнадцать получил рекомендацию в Северную школу Ордена. В двадцать лет стал меченосцем, а в двадцать два получил статус вольного меченосца Ордена с дипломами меченосца, учителя фехтования и телохранителя сопровождения. Характер у него был нордический, с коллегами по работе он был выдержан и спокоен, по пустякам не ругался, за серьёзное оскорбление мог покалечить.

В данный момент он лежал на кровати и занимался порочащим меченосца делом – читал книгу. Бесстрашного воителя немного извиняло то, что книга была детская, с крупным шрифтом и цветными картинками; о том, почему Эрвин Куман занимался столь несвойственным для меченосца делом, мы расскажем вам чуть позднее – сейчас у нас на это нет времени, поскольку в этот весьма деликатный для меченосца миг в дверь постучали. Эрвин мягко спрыгнул с кровати, одновременно выхватив из-под подушки меч. «Войдите!» – крикнул он и встал в позицию. Дверь открылась, и в комнату вошли трое мужчин, две девицы и три боевые свиньи ортасков.

Сразу стало тесно.

Войдя в комнату, каждый повел себя по-своему. Мужчины посмотрели на Эрвина и отвели взгляды в сторону, свиньи стали бродить по комнате, флегматично изучая расположение мебели, девицы смущённо хихикнули и потупили взор. Эрвин смутился, и, бормоча слова извинения, бросил меч на кровать и начал натягивать штаны.

Первым заговорил Хромой Сом.

– Уважаемый, нам сказали, что ваше имя Эрвин Куман.

– Да, это моё имя, – ответил меченосец, стараясь хотя бы звучать солидно и представительно.

– Вы телохранитель сопровождения, и сейчас сидите без дела, – продолжил маг.

– Ну да, – подтвердил меченосец.

– И вам нравятся, гм, психи вроде нас. Это так?

– Да, – ответил Эрвин, застегнув штаны и заправившись как следует. Он был удивлён, какой информированный собеседник ему попался.

– Мы хотели бы вас нанять.

Некоторое время царил тишина, лишь свиньи постукивали копытцами по полу.

– Это опасно? – спросил меченосец наконец.

Не было у него готового вопроса для такого случая.

– Скорее всего нет, хотя может быть да, во всяком случае я бы не исключал возможность неблагоприятного развития событий в случае наличия разного рода обстоятельств, хотя никаких предпосылок для наличия таковых не имеется. Впрочем, за последнее я не поручусь, – немного туманно ответил маг.

– Ага... – ничего не понявший меченосец посмотрел на Аманду, откашлялся и спросил: – Чего делать-то?

– Мы готовы предложить вам работу по специальности, – с готовностью сказал маг, – оплата обычная, контракт на одну миссию. Безусловно, мы подпишем договор о найме.

Здесь маг замолчал на несколько мгновений, с сомнением рассматривая собеседника, затем вздохнул и, пробормотав что-то вроде «Время – деньги», продолжил:

– Вам надлежит сопровождать этого юношу в замок Бленд.

– И нас! И нас! – радостно зашебетали девицы, кокетливо поглядывая на учителя фехтования.

– Хорошо, – решительно сказал меченосец. – И, если можно, половину вперед. Видите ли, в дороге я несколько поиздержался и... – Куман ни капельки не подозревал о том, что цитирует великого русского писателя. Хромой Сом вынул кошелек и отсчитал необходимую сумму.

Следующие четыре часа они провели на конюшнях наместника Северного Ортаска, выбирая лошадей. С самого начала путешественники столкнулись с практически непреодолимыми трудностями. Беньяминас предложил купить каждому путнику по лошади, и взять двух мулов для поклажи. Но тут против поклажи категорически возразил Эрвин. Он сказал, что, во-первых, вьючные мулы лишат их свободы манёвра, во-вторых, только дураки ходят в поход с вьючными мулами, и, в-третьих, на хрена им столько барахла и мулов, если поход продлится всего лишь три дня, и, в-четвертых, он вообще не любит мулов. Аманда и Белинда, напротив, заявили, что два мула для поклажи это просто немыслимо, и что, видимо, Эрвин ни шиша не понимает в походной жизни, и что они не намерены страдать от холода, голода и терпеть лишения только из-за того, что кто-то недолюбливает собственную родню. Тогда Эрвин сказал, что он не ручается за успех похода, и выразил желание отказаться, на что Хромой Сом кротко напомнил ему о неустойке, которую придется тогда заплатить рыцарю, и выразительно потряс текстом договора, свернутым в трубку. На этом полемика, казалось, была исчерпана, но когда начали выбирать лошадей, прения возобновились с новой силой. Микки с'Пелейну непременно хотелось, чтобы под ним был дикий необузданный жеребец вороной масти, Аманде и Белинде казалось, что они выгоднее всего будут смотреться на белых кобылицах, кроме того, Белинда хотела, чтобы за кобылицей бежал «хоро-о-шенький жеребёнок со звёздочкой во лбу, я назову его Солнышком», Эрвин тут же заявил, что жеребёнок в пути обессилеет, и Солнышко придется прирезать. Его немедленно называли солдафоном и бесчувственной кувалдой, но тут всех поверг в уныние заведующий конюшнями, заявивший, что, к его глубочайшему прискорбию, как раз сейчас на конюшне нет ни необузданных жеребцов, ни белых кобылиц с жеребя-

тами. В ответ на робкую просьбу Микки о хотя бы одном диком необузданном жеребце вороной масти, заведующий холодно ответил, что Микки может хоть сейчас отправляться в южные степи к варварам и там наловить себе сколько угодно диких необузданных жеребцов. Вместе с жеребятами.

Затем возникли осложнения со сбруей, потом с фасоном седельных сум, потом ещё что-то. Тем не менее, всё закончилось хорошо, коней (правда, обычных гнедых ортасских) благополучно выбрали, Эрвин помирился с девушками, принесся им публичные извинения, в ответ растроганные девушки поцеловали его, сказали, что он не так туп, каким кажется, и дали торжественное обещание взять в дорогу только самый необходимый минимум вещей.

Беньяминас уплатил за всё, и они двинулись сначала на рынок за припасами, затем к Беньяминасу – отдыхать и набираться сил. День, таким образом, закончился без происшествий. Немного, правда, повздорили на рынке, выясняя так ли уж нужны в дальней дороге пирожные, но, в конце концов, сошлись на большом количестве фруктов для Белинды и сушёных бананов с сахаром (любимое лакомство Аманды).

На рассвете следующего дня они расстались. Маг второй руки Хромой Сом отправился в Билгейтц на Совет Пятнадцати, что должен был решить его судьбу как мага-карьериста, Аманда и Белинда в сопровождении Микки с Пелейна, трёх боевых свиней, меченосца Эрвина Кумана и четырёх мулов, гружённых продовольствием и вещами Аманды и Белинды, отбывали в замок Бленд, и лишь Беньяминас никуда не отправился, а остался дома.

Маленький караван двинулся в направлении Саабитских гор.

А двенадцать часов спустя в том же направлении проследовали хорошо знакомые нам гномы из клана Белой Дивы. Гномы были верхом на пони, обильно обмотаны бинтами и заклеены пластырями.

Они очень торопились.

Шёл второй день путешествия. Путники двигались по ущелью Семнадцати Смертей; к сведению читателей, это был единственный путь, ведущий напрямик сквозь кряжи Саабитских гор. Дорога была трудной, ехать приходилось медленно из-за обилия придорожных кабачков, призывно сверкавших нарядными вывесками, из дверей которых выглядывали улыбающиеся рослые бородатые мужчины, приглашающие отведать настоящую гномью кухню. Впрочем, это было вчера, а сегодня кабачки встречались всё реже и реже, а после обеда перестали попадаться совсем.

Ущелье выглядело весьма живописно. Недаром все путешествующие единодушно отмечали, что ущелье Семнадцати Смертей – самое мрачное место во всех Южных землях, и утверждали, что посетив ущелье Семнадцати Смертей, они уже никогда не спали спокойно. Как правило, после такой фразы рассказчик засыпал лицом в десерте, но кто сказал, что это есть спокойный сон?

Слева и справа угрожающе нависали многочисленные скалы, там и сям сияли белоснежные пики Саабитских гор, по дну ущелья, громко ворча, стремительно неслись белопенный горный поток, а над головой мрачно серело свинцовое небо. Дорога вилась по правой стороне реки, и над ней с бодрым карканьем кружили вороны. Эрвин в очередной раз огляделся и недовольно пробормотал:

– Самое подходящее место для засады, что я видел в жизни.

Вдруг, словно подтверждая его слова, здоровенная сосна, стоявшая у дороги, с треском покачнулась и упала, перекрывая путникам путь вперед. Путники спешили и озадаченно встали подле упавшего дерева. «Может, это вороны?» – неуверенно предположила Белинда. В тот же миг спереди и сзади на дорогу выскочили вооруженные люди в шерстяных плащах и меховых шапках. Их было человек двадцать, и вид они имели весьма решительный. Микки

и Эрвин обнажили мечи. Да! Совсем забыли! Ученику лекаря купили меч! Микки назвал его Гринпис, что в переводе с одного из диалектов Древней Речи означало «Защитник вегетарианцев», и точил его три раза в день, соответственно три раза на дню заставляя всех проверять остроту лезвия с помощью какого-нибудь стебелька, а то и собственного волоса. К обеду следующего дня он основательно всех утомил, и Аманда уже открыто и вслух мечтала о том, чтобы кто-нибудь «отнял у этого придурка его железяку», а к вечеру только боевые свиньи были согласны выслушивать похвальбу юного с'Пелейна и то лишь за горбушку хлеба.

Впрочем, мы отвлеклись. Значит, Микки и Эрвин обнажили мечи, боевые свиньи радостно хрюкнули и ринулись в бой. Схватка была недолгой, но весьма насыщенной разного рода событиями. Позднее Микки не раз удивлялся тому, как много картин боя запечатлело в памяти его взбудораженное сознание. Вот Аманда бьёт рослого бородатого мужчину засахарённым бананом по лицу, вот Эрвин, ловко поскользнувшись в грязи, уворачивается от удара палицей, который наносит рослый бородатый мужчина, вот Белинда, громко визжа, бежит по берегу реки прочь от преследующего её бородатого мужчины и швыряет в него камушки, которые изящно подбирает с земли, вот три боевые свиньи молодецким ударом опрокидывают трёх бородатых мужчин и заодно бьющегося с ними Эрвина Кумана в реку. Последнее, что он запомнил, это была увесистая дубина, медленно, как в кошмарном сне, опускающаяся ему на голову. В конце концов всё кончилось.*** Умело воспользовавшись численным превосходством, бородатые мужчины посредством подножек, веревок и прочего бесчестного арсенала скрутили наших героев.

(***Здесь вдумчивому читателю, полагаем, стоит снова открыть блокнот и поставить в графе «Стилистические находки» жирную галочку).

Но не всех. Боевым свиньям удалось прорвать кольцо окружения и спастись от бесчестия плена и ножа повара, покусав по дороге немало рослых бородатых мужчин в шерстяных плащах.

Аккуратно уложив рядом всех захваченных пленных, бородатые мужчины с алчным блеском в глазах ринулись грабить караван, но тут их ждало жестокое разочарование.

– Зачем?! – орал предводитель разбойников, потрясая мечом в одной руке, ночной рубашкой Аманды в другой и брызгая слюной прямо в лицо Эрвину. – Зачем так подло поступать? Зачем вы лезете в наши горы, если у вас нет с собой ни золота, ни драгоценностей, ни пряностей, ни, на худой конец, жареного арахиса?! Два тюка с женским платьем, сладости и ни одного алмаза, не будь я Гудин Роб! Нет, господа, этот мир катится в тартарары! Святой Ворд! Единственная статья дохода и та!

Закончив речь, предводитель нападавших сел на землю и обиженно засопел. Вполне возможно, что Гудин был не в духе ещё и потому, что в бою он был зверски укушен одной из боевых свиней. Крови не было, но нога болела ну просто немилосердно, и на всякий случай её перебинтовали чистым бинтом прямо поверх штанов.

Эрвин, конечно, мог все объяснить, ибо у него была масса возражений против подобной постановки вопроса, но, глядя на острый меч, которым размахивал перед его носом Гудин, он предпочёл промолчать. За его спиной сидели Аманда и Белинда, тоже вступить в полемику не пожелавшие. Легче всего было Микки, который валялся без сознания.

– Молчите? – продолжал распалтаться, комкая в левой руке ночную рубашку Аманды, Гудин Роб. – Стыдно? Нечего сказать?

– Негодяй! – Аманда не выдержала первой. – Да как ты смеешь! Моя шелковая новая ночная рубашка! Да как у тебя наглости хватило, св... грязное животное!

– Ах, вот как мы заговорили, – недобро прищурился Гудин Роб и свистнул. Тотчас к Аманде подбежали трое бородатых мужчин и начали усердно валять её в приречной грязи, обильно поливая её растительным маслом из большой баклаги, которую заботливо подтащил лично Гудин Роб. Через пять минут Аманду было невозможно узнать. Она стала похожа на

симпатичного, но ужасно злого негритёнка, который волею жестоких судеб оказался вдалеке от исторической родины.

– Ну? – с победным видом спросил у неё предводитель разбойников. – Так кто же из нас грязное животное?

И несколько нелогично закончил:

– А теперь мы повесим всех!

– За что? – удивился Эрвин.

– За шею! – не преминул блеснуть остроумием Гудин Роб и засмеялся. Толпа бородатых мужчин радостно зашумела и сноровисто принялась за дело. Буквально через пять минут все было готово: засадная сосна вкопана на место, на её сучья навешены четыре верёвки с петлями, а под петли поставлены неведомо откуда взявшиеся табуретки. Из ямы неподалеку, скрытой лапником, вынули два полковых барабана; на одном из них приготовился отбивать дробь один из бородатых мужчин, на другой же уселся, дабы не повредить больную ногу, Гудин Роб. Спустя века и совсем в другом мире его жест повторит другой великий деятель во время великой битвы, исход которой предопределяет судьбы народов... Впрочем, не будем отвлекаться.

Не надо думать, что наши герои безропотно приняли очередной удар судьбы. Нет, они возражали, они спорили! Эрвин требовал справедливого суда, Аманда рыдала, оплакивая шелковое белье, Белинда громко проклинала палачей, и лишь Микки продолжал лежать без сознания.

– Слушайте, ну почему вы такие шумные? – укоризненно спросил Гудин Роб. – Берите пример со своего юного товарища. Лежит, никого не трогает. Впрочем, если вы хотите, мы можем устроить законный суд. Так оно будет даже интересней.

– Вот это другое дело! – радостно воскликнул Эрвин. Девушки сразу же успокоились и начали прихорашиваться. Действие это, надо полагать, было чисто рефлексивное, ибо получалось у них это плохо по причине связанности рук и ног, и со стороны походило на припадок эпилепсии. Были быстро произведены необходимые формальности: одного рослого бородатого мужчину назначили обвинителем, другого рослого бородатого мужчину – адвокатом; себя же Гудин назначил генеральным прокурором, и суд начался.

– Встать, суд идет! – без лишних проволочек начал процесс свежее испеченный генеральный прокурор. – Эу, почему вы не встаете?

Последний вопрос предназначался обвиняемым, которые, впрочем, даже если бы сильно захотели, не смогли бы этого сделать, поскольку лежали связанные по рукам и ногам. Последнее, впрочем, во внимание принято не было. Так сказать, невозможность исполнить закон не избавляет от ответственности. По распоряжению генерального прокурора за неуважение к суду Эрвина без особой злости попинали ногами, а девиц вывалили в грязь, особое внимание при этом уделив Белинде, чтобы, по выражению Гудина, «второй не было обидно», после чего процесс был продолжен.

– Я обвиняю этих людей, – с развязной ухмылкой начал обвинитель, – ну, скажем, в злостном нарушении гигиены!

Все внимательно посмотрели на обвиняемых. Эрвин, Аманда и Белинда подавленно молчали. Возразить было нечего, все трое, особенно Аманда и Белинда, действительно были очень грязны.

– Слово предоставляется защите! – официальным голосом провозгласил генеральный прокурор.

– Я как адвокат хотел бы сказать, что я от всей души потрясен поведением моих подопечных, – бойко зачастил адвокат. Было видно, что его роль ему нравится. – Ладно, этот грязнуля, но вам-то, девушки, должно быть стыдно! Эу! Клянусь Святым Вордом, вы ж ещё грязнее, чем он!

– Ясно! – прервал его генеральный прокурор. – Мне всё ясно. Волею данной мне... э... э... (здесь Гудин Роб на мгновение задумался) мной, я объявляю этих людей виновными! Раз они такие грязнули, то наш долг наказать их примерно. Повесить их на грязных веревках, как свиней!

Едва только генеральный прокурор огласил приговор, как придорожные кусты раздвинулись, и на место казни со злобным хрюканьем ворвалась тройка оскорбленных боевых свиней, кусая и тараня всех подряд. На полянке поднялась суматоха, громко орали укушенные рослые бородатые мужчины, ржали испуганные лошади, снова с треском рухнула сосна, а среди всего этого бардака, сея боль и хаос, носились три боевые свиньи. Но, в конце концов, сказалось численное превосходство со стороны рослых бородатых мужчин, и боевых свиней поймали и связали. Ещё полчаса ушло на то, чтобы привести в порядок место суда. Сосну опять вкопали, веревки испачкали и навесили, табуретки починили, и процесс был продолжен.

– Эу! – радостно улыбаясь, воскликнул генеральный прокурор. – Злобствующий враг пытался помешать нам вершить справедливое дело правосудия, но у них ничего не вышло, слава Святому Ворду! Значит так, этих четверых за злостное нарушение гигиены повесить как свиней!

Связанные боевые свиньи протестующе хрюкнули, а генеральный прокурор продолжал:

– А свиней за злостное хулиганство тоже повесить как свиней, то есть не как свиней, а как просто свиней, в общем, просто повесить и всё! – недовольным голосом закончил свою речь Гудин Роб. Затем он со злобной гримасой потёр покусанную боевыми свиньями ногу и мстительно добавил: – Приказываю сначала казнить свиней!

Бородатые мужчины кинулись выполнять приказ своего вождя, но у них тут же возникли некоторые сложности. Если вы, дорогой читатель, хотите понять суть трудностей, с которыми столкнулись рослые бородатые мужчины, как-нибудь на досуге попробуйте повесить хотя бы одну почти десятипудовую свинью на наспех врытой сосне, и вы поймёте, о чём мы вам толкуем. Прошло десять минут, а дело не сдвинулось ни на йоту, несмотря на все усилия энергично потеющих рослых бородатых мужчин. Очень сильно мешало отсутствие у свиней четко выраженной шеи. Зловеще скрипела сосна, злобно сквернословили рослые бородатые мужчины, а боевые свиньи, словно подбадривая друг друга, героическими голосами выхрюкивали что-то весьма похожее на гимн Ортаска.

В конце концов, изнервничавшиеся палачи пренебрегли традициями и повесили свиней за задние ноги, но тут силы их покинули, и прежде чем приняться за людей, было решено немножко передохнуть.

И тут в действие вступили новые лица. Но прежде чем они туда вступят, составителям хроник хотелось бы выполнить слово, данное ими несколько ранее.

Контрглава,

которая призвана выполнить данное составителями хроник обещание, ну то, помните, насчёт того, почему Эрвин Куман читал книжку

Будучи людьми разумными, составители данных хроник отчётливо понимают, что читателям на самом деле не так уж и важно, отчего это отважный меченосец читал книжку, но слово, данное даже такой абстрактной фигуре, как читатель, должно выполняться, и посему мы всё-таки об этом расскажем. Перенесёмся же на несколько недель назад в ортаскский городок Конда.

Стояло раннее апрельское утро. Светило солнце, которому ещё предстояло набрать силу. Ветерок ощутимой свежести развеивал нестройно колыхавшиеся стяги с эмблемой ордена меченосцев. Эмблема эта была на диво лаконичной и представляла собой стилизованное изображение меча клинком вниз. Стилизованность проявлялась в излишне широкой крестовине, и несколько укороченном клинке, отчего изображенный меч смахивал на стилизованный крест.

Наверное, излишне говорить, что стилизованность креста проявлялась бы в укороченности перекладины, и удлинённости и заострённости нижней части креста. Стяги подковой окружали шатёр, который также был щедро украшен символикой ордена; сам шатёр стоял на Центральной площади славного города Конда. Помимо шатра на площади имелись также довольно обширный помост со сходнями и толпа, стоявшая вокруг помоста. Посреди помоста с видом важным и значительным стоял с сигнальным рожком в руке человек в плаще меченосца.

В шатре же несколько человек одевались для предстоящего представления. Настроение у всех было неважное, и как покажет время, основания для этого у них имелись весьма солидные.

– Эрвин, – сказал хорунжий ордена меченосцев Расти Растен. – Ты бы взял сегодня меч или копьё.

Эрвин Куман сумрачно взглянул на своего командира и, накинув на плечи плащ, молча вышел из шатра.

– Упёртый, – сказал кто-то из меченосцев.

– Он так когда-нибудь надорвётся, – сказал Растен.

– Да ладно, – отозвался третий меченосец. – Эрвин знает, что делает.

Практика показала, что оба они ошибались; прав был лишь тот, кто отметил упёртость Эрвина. Пропел рожок.

– Третий сигнал, ребята, – сказал хорунжий. – Пошли.

Меченосцы зашевелились, задвигались, накидывая плащи, хрустя шейными позвонками, и не торопясь покинули шатёр.

– Знаменитое представление ордена меченосцев! – тут же заорал во всю мочь человек с сигнальным рожком. – Только раз! Проездом из Тиля в Дол-редут! Спешите видеть!

Толпа заволновалась, ещё теснее окружая помост.

– Я его придушу как-нибудь... – пробормотал Эрвин.

– Ладно, пошли, ребята, – сказал Расти Растен и сбросил с себя плащ. Остальные меченосцы, последовали его примеру и, выстроившись гуськом, с каменными лицами двинулись на помост. Сигнальщик, успевший сменить рожок на барабан, весьма искусно отбивал дробь.

Среди кондичей захихикали. В черной обтягивающей одежде, рекомендованной руководством ордена для публичных занятий физической культурой, меченосцы являли собой зрелище весьма непривычное взгляду обывателя. Добавим, что одежда эта слегка лоснилась, что вкупе с развитой мускулатурой меченосцев производила эффект, но вероятнее всего не тот, на который рассчитывали те, кто придумал всю эту затею. Впрочем, кондичкам, в изобилии имевшимся в толпе, зрелище нравилось.

Меченосцы взошли на помост. Теперь на помосте обнаружались различные предметы ранее от нашего внимания ускользнувшие, как то: меч, копьё, боевой топор, здоровенная гирия и ещё пара предметов весьма грозного вида. Меченосцы разобрали предметы. Дробь усилилась.

– Делай раз! – выкрикнул Расти Растен, и меченосцы начали демонстрировать своё владение предметом. Эрвин с багровым от натуги лицом поднял гирию, враскачку подкинул её вверх, раз, другой и на третий раз её не поймал. Гирия с грохотом обрушилась на помост и безо всякого видимого труда пробилась его. Одна из досок настила с треском выскочила со своего места и концом своим чётко угодила меченосцу с секирой прямо в подбородок. Это был чистый нокаут. От полученного удара последний упал, но при этом успел взмахнуть руками. Ладони, не управляемые более мозгом, разжались, и секира вращаясь полетела прямо в Расти Растена. Хорунжий родился в рубашке, иначе чем объяснить то обстоятельство, что грозное оружие ткнуло его в грудь тупым концом и на том успокоилось?

Эрвин огляделся. Прямо перед ним зияла дыра, проделанная гирей, чуть поодаль без чувств лежал его товарищ, в стороне корчился со сбитым дыханием его командир. Остальные

меченосцы застыли, каждый на том месте, где его застала вся эта эскапада. Барабан засбоил, дал последнюю нестройную дробь и смолк.

В гробовой тишине, ни на кого не глядя, Эрвин сошёл с помоста, поднял с земли плащ, зашёл в шатер, взял свой заплечный мешок и двинулся восвояси.

Шагая по улицам Конды, Эрвин Куман времени зря не терял. Думами своими тяжкими и беспросветными он надёжно вгонял себя в состояние, которое в некоторых иных мирах люди учёные называют депрессией. Состояние это было тем непригляднее от того, что по характеру своему Эрвин относился к тем людям, у которых чувство долга является основной пружиной для каждого поступка.

В депрессии этой он несколько механистически, руководствуясь принципом «куда глаза глядят», добрался до Северного Ортаска, где наши герои и нашли его в номере гостиницы, читающим книжку.

Глава 4, в которой произойдёт много всего

Итак, на дороге показалось облако пыли. Это во весь опор верхом на лошадях неслись, громко распевая патриотические куплеты непристойного содержания «Гномики – лучшие любовники», гномы из клана Белой Дивы. Начищенные топоры сияли на солнце, развевались на ветру бороды, при этом бинты и пластыри придавали гномам какой-то потусторонний вид, словом, зрелище было достойно кисти Дали.*** Увидев место казни, гномы на полном скаку осадили своих лошадей и, аккурат на куплете «Он вылетел из спальни, как мыло с умывальни», продолжая петь, посыпались на землю. Однако, соприкоснувшись с землёй, они тут же замолкали, вскакивали и бодро смыкали ряды. По рядам рослых бородатых мужчин пронёсся суеверный шепот «Мумии, мумии, ожившие мумии Дакаска!» и появились первые признаки паники.

(***Дали – посредственный художник Нижне-Среднего Времени. Очевидно, составители хроник хотят сказать, что зрелище было так себе. – Прим. переводчика).

– Стойте, чего вы испугались? – вскричал Гудин Роб. – Вы что, никогда не видели мумий?

– Эу! Не, не видели! – отвечали бородатые мужчины. – Мы – народ простой, по кладбищам не ходим!

– Где мумии?! – занервничали было успокоившиеся гномы.

– Вы мумии! – безапелляционно заявил Гудин Роб. Реакция гномов была сложной, неоднозначной и многоэтапной. Во-первых, они достали фляжки и сделали по глотку, с видом разумных существ, переживших глубокое душевное потрясение, во-вторых, они успокоились и повеселели, в-третьих, их предводитель показал Гудину Робу кулак и громко произнес:

– Сам ты мумия!

Рослые бородатые мужчины начали пятиться, внимательно разглядывая Гудина Роба, вокруг которого за считанные секунды образовалось пустое пространство. Где-то в стороне мстительным колокольчиком хихикнула Аманда.

– Да вы что? – вскричал уязвленный в самое сердце бывший генеральный прокурор. – Да какая из меня мумия? Я и на мумию-то не похож! Я же тёплый, вы же меня знаете! На мне и бинтов-то нет ... – тут Гудин Роб осёкся и посмотрел на свою перебинтованную ногу. Все поспешно сделали ещё один шаг назад и внимательно посмотрели на его перебинтованную ногу. Затем кто-то из рослых бородатых мужчин откашлялся и робко произнёс:

– Вообще-то, по-моему, он ещё не совсем мумия.

– Кто знает, – с плохо скрываемой надеждой в голосе сказал Эрвин. Боевые свиньи неистово закивали головами, а в стороне снова хихикнула Аманда. – Может, пройдёт каких-то полгода, и он покроется бинтами с ног до головы.

Справедливости ради следует отметить, что, говоря о бинтах, меченосец не очень кривил душой. Последние полчаса он только и делал, что строил планы относительно будущего Гудина

Роба. При этом план, по которому надлежало выдернуть ноги у Гудина Роба и вставить их Гудину Робу вместо рук, а руки засунуть в карманы штанов и громко смеяться при этом, был, пожалуй, наименее кровавым из них.

– Не слушайте его! – с неподдельным пафосом заговорил бывший генеральный прокурор. – Я не мумия, я готов поклясться в этом чем угодно! Короче, если я мумия, то пусть все деревья попадают на землю!

– Эу, – благоговейно сказал рослый бородатый мужчина, – это сильная клятва. Ясное дело, Гудин не мумия.

Рослые бородатые мужчины облегчённо вздохнули, задвигались, окружили Гудина и начали выражать свою приязнь увесистыми шлепками, наносимыми ладонями по плечам своего предводителя. Ясное дело, говорили они, какая же он мумия, вот если бы деревья попадали, это было бы другое дело, а так конечно, да и тёплый он какой, а мумии не такие, коровы тоже тёплые, свиньи, а свиньи это не мумии, значит и Гудин не мумия, раз он тёплый, как свинья, ясное дело. Гудин в ответ радостно улыбался, пошатываясь под шлепками рослых бородатых мужчин. В этот миг сосна, которая уже довольно долгое время натужно скрипела под тяжестью неторопливо раскачивавшихся боевых свиней, со страшным треском и громким свиным визгом рухнула на дорогу. Гудин снова оказался в одиночестве и от отчаяния чуть не заплакал.

– Да вы что?! – дрожащим голосом заговорил он. – Дураку понятно, что это случайность. Ну хотите я ещё чем-нибудь поклянусь, ну, например, пусть все умрут, если я мумия!

– Эу! Не горячись! – недружным хором загудели рослые бородатые мужчины. – Тебе чего, поклялся и будь здоров, а мы бац! и все погрём. Не пойдет!

Тут в разговор вмешались гномы.

– Милостивые государи... – произнес Кудряшка Сью, высокий кучерявый гном, бывший, судя по всем предыдущим событиям, предводителем гномов и замолчал. Все опешили, рослые бородатые мужчины даже забыли о Гудине Робе и, открыв рот, уставились на гномов. В самом деле, слышать от гномов, самых грубых и суровых существ Земли Простой, вместо их обычного «Эй вы, балбесы!» слова вежливости было очень непривычно. Но самое интересное, больше всех, казалось, удивился сам Кудряшка Сью. Остальные гномы тоже удивились.

– Не соблаговолит ли наш досточтимый вождь... – сказал гном по имени Бом и тоже замолчал.

– Боже мой, милостивые государи, заклинание подействовало, не будь я Армандо Хулио-чавес Диго Де Плекс.. Де Плесси Коаксиаль ... Кассельбоатль, вот! – с дрожью в голосе вскричал гном Армандо Хулио-чавес Диго Де Плесси Кассельбоатль.

Чтобы читатели поняли суть происходящего, нам надлежит ненадолго возвратиться в Северный Ортаск, к событиям, которые произошли за несколько дней до описываемой сцены.

Глава в главе,

в которой читатель узнает о страшном заклятье, постигшем гномов клана Белой Дивы

В зале Ортасского Народного суда было жарко и многолюдно. Большое скопление народа объяснялось тем, что в зале Народного суда шёл суд. Эка невидаль, скажет кто-нибудь, суд в здании суда! На то оно и здание суда, чтобы в нём был суд. Во всех цивилизованных странах дело так и обстоит, но только не в Ортаске. В Ортаске, к глубочайшему сожалению местного населения, дела с судом обстояли несколько иначе. Дел, достойных того, чтобы собираться в суде, как-то не находилось. Сами ортассцы считали, что всему виной их неистребимая простота и неотёсанность; да, вздыхали они, что есть наш Ортаск по сути своей? Деревня! То ли дело в Билгейтце, живут же люди, каждую неделю читаешь в газетах, то ограбление, то арест мздоимца, то злостное хулиганство; цивилизация! А у нас? Поэтому зал суда в будние дни пустовал, а по субботам там устраивали танцы. Так что нет ничего удивительного в том, что на первое

за двадцать лет судебное заседание народ повалил валом. Даже на концерте великого барда Кирка Филиппоусиуса, проходившем, кстати, в этом же здании, не собиралось столько народу.

Было уже три часа дня, а суд всё не начинался. Тем не менее, люди не расходились и терпеливо ждали. Более того, с каждой минутой народу становилось всё больше и больше. Настроение у всех было приподнятое; время от времени кто-нибудь подбрасывал вверх яблоко, желая проверить, много ли собралось людей.

Наконец, в зал дружной гурьбой завалились народный судья, народные присяжные, народный адвокат и маг третьей руки Зелькав Беньяминас в качестве народного на всякий случай консультанта. Народный судья сказал: «Здрасьте, да ладно, сидите, чего уж там...», и суд начался.

– Значит, сегодня у нас будет заслушиваться дело о злостном хулиганстве, – громко и торжественно, с трудом сдерживая радостную улыбку, начал судья.

По залу пронёсся благоговейный ропот, ишь ты, говорили друг другу, радостно улыбаясь, ортассцы, злостное хулиганство, значит, помаленьку развиваемся-таки.

– Во-от... семь гномов, их зовут Бока, Бедраэдр, Бим, Бом, Кудряшка Сью, между прочим, младший вождь клана Белой Дивы! – воздел со значением к небу палец судья, – затем Плуг, Детонатор и этот, как его... – здесь судья заглянул в бумажку и, запинаясь, прочитал: – Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассель...боатль. Они, значит, хулиганили на рынке, Джеку-Поту-Потрошителю синяк поставили, продуктов напортили, ужас просто. Судить их надо. Что будем делать? – спросил он у присутствующих в зале.

Присутствующие в зале радостно улыбнулись в ответ и ничего не сказали. Тогда судья вопросительно и со значением посмотрел на адвоката. Адвокат откашлялся, зачем-то заглянул в потрепанный томик древнеортасского права и неуверенно предложил:

– А может, гномов позовём? Пусть расскажут, как всё было.

Предложение всем понравилось. В задних рядах союзник Чак громогласно объявил о том, что, чёрт побери, такого классного суда он не видел лет десять, и все заплодировали. За гномами послали двух шустрых мальчиков, и через минуту в зал суда ввели забинтованных гномов. Гномы были явно не в себе. Возможно, их удивило большое количество народа, а может быть, их смутил состав суда. Кстати, мы забыли упомянуть, что судьёй был зеленщик Гэмбл, адвокатом Джек-Пот-Потрошитель, а на скамье присяжных сидели продавцы гирь.

– Я протестую! – вскричал Кудряшка Сью, потрясённый коварством ортассцев. – Это против правил, паразиты вы этакие!

– Что такое? – удивились ортассцы, в свою очередь потрясённые грубостью гнома. Союзник Чак громогласно объявил о том, что таких великолепных хулиганов он не видел уже лет десять.

– Почему нас, подземелья Магмы,*** судят эти негодяи? – вопили гномы. (***)Старинное гномское ругательство. – Прим. переводчика. – Не понял, что ещё за переводчик? – Прим. одн. из сост. хроник).

– А кто же ещё? – удивились ортассцы.

– Так это же они были на рынке, тупоголовые вы балбесы! – продолжали разоряться злостные хулиганы.

– Ну правильно, – согласились ортассцы, – им и судить. Они же были на рынке и всё видели сами. Они по справедливости и решат.

Этот аргумент сразил гномов наповал, они сразу перестали ругаться, лишь изредка Детонатор толкал Плуга в бок и шептал, что, дескать, нифига себе вляпались, на что Плуг отвечал, что да, типа, вляпались конкретно, и толкал в бок Бедраэдра, желая подтверждения своих слов, Бедраэдра это сердило, и он толкал в ответ Плуга. Потихоньку гномы увлеклись; в процесс взаимного толкания включались всё новые лица, и скамья подсудимых постепенно стала напоминать очень маленький борцовский зал, в котором, тем не менее, тренируется много народу. Тут

напомнил о себе народный судья Гэмбл, который решил призвать гномов к порядку и постучал молотком по столу. Это нехитрое действие судьи вызвало в зале взрыв неподдельного восторга, в воздух полетели ленты серпантина, а в задних рядах соусник Чак громогласно объявил о том, что сегодняшней судья самый классный за последние десять лет. С этим было трудно спорить, учитывая, что это был первый суд за последние двадцать лет, ну вы помните.

– Сейчас я, значит, буду задавать вопросы, а вы, стало быть, будете на них честно отвечать, – сказал Гэмбл гномам.

– Ага, щас! – дружно сказали гномы и демонстративно отвернулись.

– Ну хорошо, – поразмыслив, сказал судья, – тогда давайте спросим что-нибудь у адвоката. М-м-м... скажите нам, уважаемый адвокат, что положено за хулиганство?

– Ась? – сказал для начала народный адвокат Джек-Пот-Потрошитель, потом он зачем-то вскочил, опрокинул табурет, поставил его, снова сел, судорожно хлопая по столу руками, нашёл потрёпанный томик древнеортасского права, откашлялся и ...

– Джек, давай! – раздался откуда-то из задних рядов чей-то звучный женский голос.

– Спасибо, – пробормотал народный адвокат и окрепшим голосом начал свою речь. – Пользуясь случаем, я хотел бы передать привет своей жене.

– Спасибо, Джек! – отозвался из зала всё тот же звучный женский голос.

– И своему другу Чаку по прозвищу Норрис!

Зал радостно загудел, молодец какой, говорили все, небось в Билгейтце такого не увидишь, а когда в задних рядах соусник Чак громогласно объявил о том, что такого классного друга, как Джек-Пот-Потрошитель, он не видел уже лет десять, зал взорвался аплодисментами, снова полетели ленты серпантина, кое-где начали разливать по кружкам пиво, а у входных дверей затянули старинную ортасскую песню «Что может быть естественней, чем дружба мужиков». Судья Гэмбл снова постучал молотком по столу, постепенно в зале установилась тишина, и народный адвокат продолжил:

– А за хулиганство... вот... статья 19 древнеортасского права «О хулиганстве», – нашёл требуемое по оглавлению Джек-Пот-Потрошитель. – Хулиганство – это когда хулиганят. За хулиганство надо бить по морде.

– Ага, – сказал народный судья, и на скамье присяжных начали засучивать рукава и доставать из карманов гирьки. На скамье подсудимых тоскливо всхлипнул Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассельбоатль. Судья посмотрел на гномов и задумчиво произнёс: – Вообще-то, значит, они и так уже...

Присяжные внимательно посмотрели на забинтованных гномов, заулыбались и привели рукава в порядок. Гномы облегченно вздохнули, судья подумал секунд пять и задал новый вопрос.

– А что полагается за злостное хулиганство? – и на скамье подсудимых снова всхлипнул Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассельбоатль.

– За злостное хулиганство ... вот статья 42 древнеортасского права «О злостном хулиганстве»... Злостное хулиганство это когда злостно хулиганят. За злостное хулиганство надо бить по морде два раза.

Что делать, дорогой читатель, предки ортассцев были суровые и простые люди. Они от души верили, что если плохому человеку набить морду один или несколько раз, то он станет лучше. Зрители зашумели, потрясённые суровостью своих предков. Вот народ был, говорили в зале, чуть что – сразу по морде, какая первобытная простота нравов. На скамье присяжных снова начали засучивать рукава, а в задних рядах соусник Чак громогласно объявил о том, что закон суров, но это закон. Изречение всем понравилось, все начали повторять его друг другу на разные лады, и до передних рядов оно добралось уже в следующей редакции: «Пить пиво надо, поскольку закон суров».

– Не пойдёт, – решительно заявил судья. – Их и так уже побили, живого места не найти.

– Ну почему же! – гневно заявил со скамьи подсудимых гном Детонатор, но на него тут же зашикали остальные гномы.

– Поэтому их надо наказать как-то по-другому, – продолжил народный судья. – А что нам посоветует наш уважаемый народный на всякий случай консультант?

Последний вопрос судьи ввёл зал в состояние окончательного и безоговорочного экстаза. За последние двести лет, с тех пор как мудрым наместником Северного Ортаска Алеком Ба Синжерским (впоследствии первым канцлером Ортаска) в народном суде была введена должность народного на всякий случай консультанта, это был второй (!!!) случай, когда понадобилась помощь консультанта. Да, говорили друг другу в зале, будет что рассказать предкам на небе, а в задних рядах соусник Чак громогласно объявил о том, что етыть, ёпэрэсэтэ, это ж надо, блин билгейтцкий! Беньяминаса, мирно спавшего после бурного ночного похода по кабачкам, ну вы помните? – разбудили и всей толпой обрисовали ситуацию. Беньяминас сказал, что надо подумать, и суд удалился на совещание. В зале сразу стало шумнее и веселее, кое-где закончили разливать пиво по кружкам и начали танцевать. Стало похоже на карнавал.

Через полчаса, кое-как успокоив присутствующих, народный судья огласил приговор.

– Значит, народный суд Северного Ортаска торжественно постановил. За злостное хулиганство, значит, набить гномам морду два раза, но учитывая, что им и так уже её набили, простить. За причинённый торговцам, в следствии ин-ци-ден-та (это слово народный судья прочитал по складам по бумажке) на рынке, ущерб гномам надлежит, когда будет свободное время, отработать на работах по благоустройству города, если не получится сейчас – ничего страшного, как-нибудь в следующий раз отработают, а за грубость и невежливость маг третьей руки Зелькав Беньяминас наложит на гномов отсроченное заклятье вежливости.

Последнее означало, что если гномы по-прежнему будут ругаться, то заклятье вежливости подействует, а если не будут или будут ругаться мало и не грубо, то заклятье действовать не будет. На этом было объявлено, что народный суд заканчивает свою работу, и народ, бурно обсуждая детали процесса, разбрелся по окрестным кабачкам. Соусник Чак громогласно объявил о том, что сегодня он угощает членов и зрителей народного суда пивом и сосисками на площади Хороших Советов, и все пошли на площадь. Гуляния по случаю успешного завершения суда продолжались по всему городу до самого утра.

Последними из зала суда вышли бледные от переживаний гномы. Они торопливо направились в конюшни наместника Ортаска, и по дороге потихоньку пробовали ругаться шёпотом.

Окончание главы 4, в которой решается судьба путешественников; новая опасность

Итак, Армандо Хулио-чавес Диго Де Плесси Кассельбоатль с дрожью в голосе вскричал:

– Боже мой, милостивые государи, заклинание подействовало, не будь я Армандо Хулио-чавес Диго Де Плесс.. Де Плесси Коаксиаль ... Кассельбоатль, вот!

– Па-апрашу без паники, судари и сударыни! – заорал Кудряшка Сью. – Смею надеяться, не всё так безнадежно! Сейчас я изволю попытаться выругаться! Значит, так... – благородный вождь набрал в грудь воздуха и, замерев на мгновение, хорошо поставленным голосом произнёс: – О, чистые небеса наших благословенных гор! О, сияющие своды наших прекрасных пещер!

Услышав от своего предводителя подобные ругательства, остальные гномы сели на землю и заплакали. Первым из состояния прострации вышел Гудин Роб.

– Эу! До чего мы, саабиты,*** всё-таки brave парни! Нас даже гномы уважают! – воскликнул он и подбоченился, живописно опершись о меч. (***)Саабиты – племя, обитающее в Саабитских горах. Отличаются воинственностью и склонностью к грабежу. Кустарные добытки земляной крови. – Прим. переводчика. – Да что за переводчик такой?! – Прим. втор. сост. хроник). Рослые бородатые мужчины обрадовано зашумели, и один из них насмешливо поинтересовался:

– Эу! Вежливые гномы, что вам в наших горах нужно?

– Видите ли, милостивый государь, нам нужны эти люди, – сквозь всхлипывания пояснил Кудряшка Сью, потом для чего-то добавил. – Если вам будет угодно... – после чего бросил щит и разрыдался ещё горше.

– Еще чего! – надменно вскричал Гудин Роб. Вид рыдающих гномов придал ему уверенности, и он заявил. – Нам угодно будет судить этих людей по суровым законам Саабита!

Здесь случилось неожиданное. Слово «судить» произвело на гномов поистине удивительное воздействие. Их лица сразу посуровели, слезы высохли бесследно, они сомкнули ряды, и теперь это снова были первые бойцы Возлеморья, не боявшиеся даже драконов, но при этом вежливые до жути. В те времена ходила, да и сейчас ходит поговорка: если бы бог не научил гномов копать землю, они бы завоевали весь мир.

– Как вы изволили сказать, милостивый государь? – зловещим шёпотом поинтересовался гном Плуг. – Судить? А не соблаговолите ли вы пойти в места отправления естественных нужд со своим судилищем, господа?

«Господа» ошарашено молчали. Зловещая вежливость, витиеватая лексика гномов, и в особенности их совершенно непонятная реакция на слово «судить» вызвали у бородатых мужчин ощущения, близкие к тем, что испытывает кролик, забежавший за угол и внезапно столкнувшийся с прогуливающимся удавом. Короче говоря, они обалдели. А кто бы из вас, дорогие читатели, не обалдел, увидев вежливого гнома? Или хотя бы просто гнома...

Твёрдым строевым шагом Кудряшка Сью подошел к лежащему Эрвину Куману и заявил:

– Простите, господа, но я боюсь, что мне кажется, что мы имеем больше прав на пленение этих людей, поскольку, к вашему сведению, мы гонимся за ними уже неделю, и вот только сегодня изволили догнать.

Фраза прозвучала как-то странно. Было какое-то неизъяснимое противоречие в зверском выражении лица гнома, причудливо украшенного бинтами и изысканной вязью его речи. Видимо, Сью и сам это почувствовал, потому что, подумав, он для большей убедительности поставил свою правую ногу на живот меченосцу и слегка снизу вверх уставился на бывшего генерального прокурора.

Подобной наглости Гудин Роб стерпеть не мог.

– Эу! Это моя добыча, – сказал он и тоже поставил правую ногу на живот Кумана. Куман шевельнулся: им овладело нехорошее предчувствие. Кудряшка Сью оглянулся. Все шесть гномов смотрели на него; на их лицах были бинты и вера в своего вожака. Отступать было некуда. Благородный младший вождь гномьего клана снова набрал полную грудь воздуха и сделал встречное заявление:

– Ошибаетесь, уважаемый, это, извольте впредь иметь в виду, наша добыча! – и для убедительности притопнул правой ногой. Снизу сдавленно охнул Куман. Оскорблённый же до глубины души Гудин Роб ещё громче сказал:

– Я сказал, это моя добыча! – и тоже топнул ногой. Снизу снова сдавленно охнул Куман. В дальнейшем инцидент развивался в духе эскалации напряженности. Весь последующий диалог свёлся к уже сказанным фразам, вот только фразы становились всё громче, а топанье всё увесистее. Кумана уже порядком мутило. Противники меж тем уже сорвали голоса и отбили правую ногу, но уступить никому не хотелось.

– Я сказал, это моя добыча!! Давай поменяем ноги!!! – орал Гудин Роб, сиплым голосом всё ту же фразу, продолжая топать по Эрвину Куману.

– А я смею утверждать, что глубокоуважаемый предводитель саабитов, к моему глубокому прискорбию, совершает ошибку, утверждая, что это его добыча, согласен, три-четыре!! – не менее сиплым голосом демонстрировал всё новые и новые образцы вежливости Кудряшка Сью, не забывая, однако, при этом топать по Эрвину Куману.

– Гос.. Ой! пода! Вы уж... Ой! е! Как ниб... Ой! удь опреде... Ой! ойтесь! Я же не же... Ой! лезн... Ой! – тоже осипшим голосом сдавленно орал снизу Эрвин Куман. До него постепенно начинал доходить весь трагизм ситуации, и он осознал, пусть и не сразу, что «если чего-нибудь не предпринять, то что-нибудь может случиться».* ** Но что, что, скажи нам, разлюбленный читатель, мог предпринять связанный меченосец? Ничего! Так что поговорим лучше о Микки.

Юноша по-прежнему лежал без сознания.

Гм...

Значит, ничего не поделаешь. Вернёмся к Гудину и Сью.

(* Меченосская мудрость. – Прим. переводчика. – Хрен с ним, с этим переводчиком. – Совм. прим. сост. хроник).

К этому моменту Сью, язык которого с непривычки подустал от изысканных оборотов речи, решил, что иной раз лучше чего-нибудь пожевать, чем говорить, и предложил сделать перерыв на обед и зажарить «свиней, валяющихся возле дерева», но это вполне разумное предложение было отвергнуто всеми без исключения бородатými мужчинами с какой-то совершенно непонятной гномам суетной поспешностью.

Было похоже, что переговоры зашли в тупик.

– Что ж, глубокоуважаемые соратники, – задумчиво изрёк Кудряшка Сью. – Если враг не сдаётся, его уничтожают, верно ведь, о собратья по молоту?

– О да, наш велеречивый вождь! – вежливо отозвались гномы. Их передёрнуло.

– Это вы чего, – удивленно сказал Гудин Роб, – эу, драться, что ли, затеяли? С нами, с потомственными владетелями Саабита? Да мы вас в порошок... В пыль и прах... Только рискните, мы вас...

К сожалению, в этот миг речь бывшего генерального прокурора была прервана размашистым ударом боевого топора Кудряшки Сью, и мир так и не узнал о том, что могли бы сделать саабиты с гномами. Более того, если бы не ловкость Гудина Роба, вполне возможно, что сей славный муж навсегда исчез бы из нашего повествования, а так всё обошлось.

Гудин Роб отскочил к своим соратникам.

– Ну-с уважаемые обитатели Саабита, – недружным, но вежливым хором заорали гномы, – извольте обороняться, в противном случае, боимся, вам придётся туго!

– А вам так и так придётся туго! – проорал не успевший присоединиться к общему хору Армандо Хулиочавес Диго Де Плесси Кассельбоатль, и гномы ринулись в атаку. Рослые бородатые мужчины не дрогнули – всё же их было почти два десятка против семерых. Воздух огласился разного рода воинственными воплями, и схватка началась. Аманда и Белинда злобно радовались, наблюдая за ходом боя, но радость их длилась недолго: пробежавший с криком «Постойте, уважаемый, мне настоятельно необходимо с вами побеседовать!» за рослым бородатым мужчиной гном Бедраэдр случайно наступил Аманде на ногу, а Белинде на полу кафтана. С этого момента радость сменилась огорчением, и обе девицы начали осыпать бьющихся проклятиями, сполна пользуясь тем, что уж они-то не были обременены заклатьем вежливости. Особенно усердствовала Белинда, и её можно понять, ведь кафтан был с выточками, рюшечками и к тому же практически новый. Эрвин Куман меж тем предпринимал поистине героические усилия, пытаясь выбраться из зоны ведения боевых действий. Ползать по горной местности занятие не из приятных, а Эрвин к тому же был связан. Вдобавок вид ползущего меченосца почему-то вызывал у сражающихся сильное чувство неприязни. Возможно, их всех подсознательно раздражала мысль о том, что в миг, когда они рискуют жизнью, находятся, понимаешь, отдельные несознательные типы, не желающие рисковать жизнью вместе с ними. Как бы то ни было, Эрвина норовил пнуть всякий, кто находился рядом, будь то убегающий от гнома саабит, или догоняющий саабита гном, сыпящий на бегу вежливыми проклятиями. К счастью, всё когда-нибудь кончается, вот и Эрвин, оборванный и порядком избитый и гномами, и саабитами, в конце концов, выполз к лежащим в сторонке Аманде и Белинде.

Если вы теряете сознание в первый раз в жизни, то всё происходящее для вас в новинку. Вот и Микки, приходя себя, с вялым, но всё-таки интересом отмечал всю необычность своих ощущений. Сознание возвращалось медленно, как бы нехотя. Первыми появились звуки: сначала это был просто какой-то отдалённый шум, затем начали различаться отдельные выкрики, показавшиеся Микки совершенно бессмысленными. Приведём несколько примеров: «Постойте, глубокоуважаемый, ради всего святого, предоставьте мне возможность стукнуть вас боевым топором по голове!», или вот: «Паразиты, она была совсем новая!» Или «Вы не посмеете ударить генерального прокурора!». В общем, нет ничего удивительного в том, что Микки решил, что он сошел с ума и у него бред. Придя к такому выводу, он сразу успокоился, открыл глаза, и к звуку добавилось изображение.

Мир был бледен и далёк. Далёкие звуки, далёкие лица друзей, далёкие убегающие рослые бородатые мужчины и неведомо откуда взявшиеся далёкие гномы, догоняющие рослых бородатых мужчин. Но тут постепенно мир начал густеть, наливаясь красками, звуки обрели плотность и отчётливость, одним словом, Микки окончательно пришёл в себя.

Картина, открывшаяся прояснившемуся взору обрётшего сознание юноши, была поистине ужасна. Потные запыхавшиеся гномы и не менее потные рослые бородатые мужчины, основательно подуставшие от всей этой суетни, уже не имели сил бегать друг за другом, но долг превыше всего! – и они продолжали это занятие, хотя и без прежней прыти. Рядом с учеником лекаря сидели два необычайно чумазых существа и какой-то оборванец, в которых Микки С’Пелейн с трудом узнал своих спутников. Поодаль возле павшего дерева без сознания валялись с довольным выражением на мордочках три боевые свиньи. Трудно сказать, действительно ли свиньи лишились сознания, или они просто устали, в любом случае, активного участия в действиях они не принимали, что само по себе было, конечно, удивительно.

– Микки, развяжи нас! – шепотом обратился к юноше Эрвин, который заметил, что Микки наконец-то очнулся.

– Да-да, Микки развяжи нас! – оживлённо зашебетали девицы, радуясь тому, что Микки пришёл в себя.

Ученик лекаря ослабевшей и поэтому дрожащей рукой подобрал валявшийся неподалеку Гринпис и сделал попытку перерезать путы, связывавшие Эрвина. Видимо, удар по голове не прошёл для Микки даром, и он нечаянно уколол меченосца в живот острием меча.

– Ой! – вскричал шепотом меченосец, завертевшись от боли. – Поаккуратнее!

– Хорошо! – бодро сказал Микки и вторично уколол Эрвина, на этот раз в левую ягодицу.

– Чтоб тебя! – уже в полный голос завопил меченосец. – Что я тебе сделал, ты, дитя кобылы! Сосредоточься!

– Обязательно! – пообещал Микки и сосредоточился. На этот раз действительно получилось намного удачнее, во всяком случае, Эрвин отреагировал не так бурно, как до этого.

– Что ж ты делаешь, – голосом, в котором сквозила безнадежность, запричитал Куман. – Ты ж меня всего исколол, коновал несчастный, да чтоб у тебя руки отсохли по самую голову, чтоб жена у тебя была старая, но бодрая, чтоб ты дрался с боевыми свиньями в голом виде каждый божий день...

Микки оправдывался, упирая на то, что дескать Куман сам виноват, чего он в самом деле вертится, как будто его в задницу укололи, и вообще... В этот миг Аманда и Белинда, с неослабевающим интересом следившие за Микки, внезапно обнаружили, что они не одни. Вокруг Эрвина и юного с'Пелейна собралась порядочная толпа из рослых бородатых мужчин и гномов, уставших носиться друг за другом и решивших взять паузу. Надо сказать, что мнения среди них разделились. Одни считали, что мальчик хочет заколоть меченосца, и выражали возмущение тем, насколько неловко он это делает. Другие утверждали, что меченосцу стыдно, что он попал в плен, и он попросил юношу прирезать его, а у юноши не получается, и тоже выражали недовольство неловкостью юного с'Пелейна. Третьи считали, что «этот отрок» по старинному ортасскому обычаю хочет принести жертвоприношение богу нелогичной победы Бахусу, эу, говорили они, конечно, логично-то нас, храбрых саабитских парней, не победить, и тоже давали ценные советы, как это сделать половчее. И лишь в задних рядах Армандо Хулио-чавес Диго Де Плесси Кассельбоатль вразрез общему мнению в изысканных выражениях внушал гному Бедраэдру, что Микки хочет развязать меченосца, и что надо бы ученику лекаря «всемиловейше по сопатке надавать». Над Армандо Хулио-чавесом Диго Де Плесси Кассельбоатлем смеялись.

Сквозь толпу протиснулся младший вождь клана Белой Дивы Кудряшка Сью. Увидев Микки с'Пелейна, он вытаращил глаза, хлопнул себя по лбу и вскричал:

– О, золочёные щеки Бахуса, как же я мог позабыть об этом чудном юноше! Не иначе как эти достойные бородатые господа закуружили мне голову своими восхитительными действиями!

– Святой Ресет! – закричал в ответ юный с'Пелейн. – Что вам от меня надо! По какому праву вы гонитесь за мной от самого Пемолукса! Какого дьявола вы раздели меня в лесу? Зачем напали на рынке? Что я вам сделал? – и ученик лекаря заплакал яростными слезами бессилия. Слезы катились по его лицу, и там где они падали на землю, тут же прорастали кустики, только на этот раз не картофеля, а черешни. Гном ошарашено замолчал, а Микки продолжал плакать, поглядывая из-под неплотно сомкнутых ладошек на гномов вкупе с саабитами. Надо сказать, что рыдающий Микки не стоял на месте, а нервно ходил туда-сюда. Таким образом, через пять минут на дороге проросла уже целая черешневая рощица, в которой стояла неестественная тишина, нарушаемая лишь рыданиями с'Пелейна. Черешня цвела, наполняя воздух дивным ароматом.

– Эу... – изумленно пробормотал бывший генеральный прокурор откуда-то из зарослей черешни, – да она уже плодоносит!

В самом деле, на черешне уже появились плоды, которые прямо на глазах начали поспевать.

Черт побери, составители настоящих хроник считают, что момент для описания природы более чем подходящий! День клонился к закату. Закат в горах всегда красив, а летний закат в горах Саабита – это что-то особенное. Солнце, щедро одаривая землю теплом своих лучей, медленно садится за пики Саабитских гор, прохладный горный ветерок еле колышет сочные травы горных лугов, на которых днём пасутся овечьи отары, а по ночам резвятся бородатые пастухи и пастушки. Там и сям виднеются прихотливо разбросанные по горам саабитские деревушки, каждую из которых украшает сторожевая башня, расположенная на близлежащей горке и по совместительству служащая клубом для танцев, и несколько вышек для добычи земляной крови. Возле каждой деревушки девушки идут после долгого трудового дня купаться в запрудах, устроенных рослыми бородатыми мужчинами. По горным дорогам неторопливо двигаются путники и караваны, а в кустах, куда не глянь, сидят группы бородатых мужчин, которые либо ждут караван, либо подглядывают за купающимися девушками. Подымая клубы пыли, возвращаются в хлева стада горных козлов, которых гонят рослые бородатые пастухи, матери зовут рослых детишек домой, а рослые юноши готовятся к танцам и щипают себя за подбородок, чтобы борода росла быстрее.

– Микки, – отчаянным шепотом взывал откуда-то из зарослей черешни Эрвин, – развяжи же нас, наконец!

Микки тут же начал действовать. Ему стоило немалого труда разыскать своих друзей в наплаканной им рощице. Он довольно долго бродил по зарослям черешни, время от времени наткаясь на заблудившихся саабитов. Через несколько минут он обнаружил трёх боевых свиней, которые были привязаны за ноги к упавшему дереву. Свињи к этому моменту уже пришли в себя и тихо недоумевали, глядя на неведомо откуда взявшиеся заросли. Впрочем недоумение их быстро сменилось деятельной радостью при виде опадающих плодов черешни, и Микки пришлось приложить немало усилий для того, чтобы увлечь их за собой. Свињи успели основательно перемазаться черешневым соком, и это обстоятельство впоследствии едва не стало для наших героев роковым.

Впрочем, мы забегаем вперед. Друзья воссоединились в зарослях черешни. По настоятельному требованию меченосца ученик лекаря на этот раз, освобождая друзей, воспользовался кинжалом и начал с Аманды. Затем Аманда наградила его пощёчиной, мстя за нанесённые ей уколы, а потом вдвоём они быстро освободили остальных. Девушки и меченосец немного попрыгали, дабы размять затёкшие члены. Боевые свињи необычайно обрадовались сему обстоятельству. Неизвестно, какая мысль посетила их крепенькие головы, но только они тоже начали подпрыгивать и похрюкивать. Время от времени привлеченные шумом из зарослей черешни выглядывали рослые бородатые мужчины, но, утрашённые открывшимся их взору зрелищем, тут же исчезали обратно. Минут через пять вся компания, наконец, утомилась, и наши герои*** сделали попытку выбраться из наплаканной рощицы. Но на опушке их ждало жестокое разочарование.

(***Тут следует сделать оговорку. Мы уже не раз в ходе нашего повествования называли наших героев нашими героями. Читателю надлежит правильно понять сост. хроник, которые имеют ввиду, что наши герои – они вовсе не герои, то есть они, конечно, герои, но в контексте повествования имеется ввиду несколько иное, а именно, составители хроник имеют ввиду, что наши герои – это всего лишь наши герои, а не героические герои, как это может показаться с первого взгляда, и вообще составители хроник считают, что если есть возможность что-то пояснить, то это всегда надо делать. – Прим. сост. хроник).

Около двадцати рослых бородатых мужчин, четыре лошади и около десятка пони, ждали наших героев на опушке черешневой рощи. При этом рослые бородатые мужчины были настроены весьма решительно.

– Вот они! – вскричал один из рослых бородатых мужчин, кстати сказать, тот самый, что был адвокатом

Выхода не было. Впереди саабиты, позади гномы, слева горы, справа река... Река?!

– В реку! – моментально принял решение Эрвин.

– Зачем? – удивился Микки.

– Чтобы жить! – хором вскричали девицы, разом смекнувшие, что к чему.

– Заодно и помоемся! – выкрикнула Белинда, и девушки ринулись по направлению к реке. За ними припустили свиньи, за свиньями понесся Эрвин, увлекая за шиворот юного с'Пелейна, и наконец, за Эрвином бежала нестройная толпа рослых бородатых мужчин. Отметим, что юный с'Пелейн неожиданно оказал сопротивление.

– Пус-с-сти! Я хочу сражаться! Не хочу!! Сражаться! Пус-с-сти! Я плавать не умею! – орал на всё ущелье ученик лекаря. На меченосца эти вопли, однако, не произвели ни малейшего впечатления, и уже спустя полминуты все четверо, влекомые бурным потоком горной реки неслись вниз по течению, вопя и содрогаясь от холодной горной воды. Свиньи бодро забежали в воду по колено и так же бодро выбежали обратно, затем, немного подумав, понеслись следом за нашими героями по берегу. На берегу стояли рослые бородатые мужчины и осыпали уплывающих друзей и убегающих свиней проклятьями. Позади них с треском вывалились из зарослей черешни семь гномов из клана Белой Дивы и присоединились к рослым бородатым мужчинам; проклятья гномов были изобретательны, изысканны и изящны.

Стремительный горный поток нёс свои бурные воды по живописному ущелью Семнадцати Смертей, громыхая и пенясь. Но на этот раз в величественную симфонию природы резким диссонансом ворвались совсем иные звуки. Это наши герои, громко вопя и молотя руками по воде, неслись вниз по течению вместе с бурным горным потоком, туда, откуда два дня назад они начали свой поход. Мимо них стремительно проносилась прекрасная природа Саабитских гор. Слева по берегу реки вилась дорога, по которой ещё вчера они ехали в направлении обратном тому, куда они неслись сегодня (чеканность формулировок! Прежде всего, господа, чеканность формулировок!). В обратном порядке проносились кабачки, которые они посетили вчера. Из кабачков выглядывали удивленные бородатые мужчины и приветственно махали шампурами. Лишь в начале ущелья, где река слегка умирала свой бурный нрав и делала поворот, наших героев выкинуло на берег.

Вечерело.

Ученик лекаря чувствовал себя неважно, основательно нахлебавшись кристально чистой горной воды, чему причиной явилось отсутствие плавательных навыков и присутствие в правой руке меча, который он, несмотря на все увещевания Эрвина, так и не выпустил. Друзья немного полежали на берегу, приходя в себя, но долго им так лежать не довелось. С весёлым визгом прибежали слегка похудевшие от всех приключений и переживаний боевые свиньи. Особое внимание они уделили юному с'Пелейну, которого по одним им известным причинам выделяли из всех людей. Поначалу Микки попытался этим вниманием пренебречь, но под натиском дружеских прикосновений свиных пяточков ему пришлось, в конце концов, собрать волю в кулак, встать и немножко попенять не в меру развеселившимся экс-пороссятам. Конечно, точнее было бы сказать «попинать не в меру развеселившихся экс-пороссят», но мы не хотим, чтобы у читателей столь быстро сформировалось превратное мнение о юном с'Пелейне. Что характерно, свиньи на грубость не обиделись.

Придя в себя окончательно, все пошли за дровами. Набрав дров, развели большой костер. У костра завязался разговор, который быстро приобрёл весьма серьёзный характер. Собственно, предстояло обсудить всего один вопрос. Что делать? На него с легкостью ответила Аманда.

– Я предлагаю, – сказала она звонким, срывающимся от волнения голосом, – поблагодарить наших пяточкастых друзей! Ведь в том, что мы живы, есть и их заслуга! Я предлагаю дать им имена! Пусть их зовут Бэйб, Буйб, и Бойб!

Боже, как она была хороша в этом миг! Мокрая, чумазая, со следами растительного масла на лице!

– Интересно, – сказал Микки, – как же ты собираешься их отличать? Они же одинаковые!

– Что значит как? – удивилась Аманда. – По именам, естественно!

– По именам? Хорошо-о, – протянул Микки с какой-то отвратительной подковыркой. – Но как, во имя Святого Ресета, ты собираешься запомнить, кому какое имя ты дала?

– Мы привяжем им ленточки! – вмешалась в разговор Белинда. – Бэйбу мы дадим розовую ленточку, Буйбу – зелёную, а Бойб обойдется без ленточки.

– Интересно, – возмутился меченосец, – а почему это Бойбу не дадут ленточку?

– А мне не нравится Бойб! – безапелляционно заявила Белинда.

– погоди, – Эрвин явно был чем-то сбит с толку. – Это Бойбу не дадут ленточку, или тот, кому не дадут ленточку, будет Бойбом?

– Тот, кому не дадут ленточку, будет Бойбом, – любезно пояснила Аманда. Меченосец задумался. Все, включая новоиспечённых Бэйба, Бойба и Буйба, с любопытством смотрели на него. Меченосец тяжело вздохнул и задал следующий вопрос.

– Хорошо, допустим, вот ему, – он указал на свинью, стоявшую с краю, – мы не дадим ленточку. Значит, он станет Бойбом?

– Да! – хором ответили Аманда и Белинда.

– А если мы не дадим ленточку другому, то тогда Бойбом будет другой. Так?

– Так! – торжественно подтвердила Белинда.

– Так почему же ты говоришь, что тебе не нравится именно Бойб? – поставил, как ему казалось, победную точку Эрвин Куман и широко улыбнулся, и даже развел руки, будто бы для примиряющего объятия.

– А почему он мне должен нравиться? – лихо ответила вопросом на вопрос Белинда. – Я, между прочим, девушка и имею право на то, чтобы одна свинья мне нравилась, а другая не нравилась!

Убитый наповал этим шедевром женской логики меченосец так и остался стоять с широкой улыбкой на лице и простоял так целых пять минут. За это время Бэйбу и Буйбу торжественно повязали розовую и зеленые ленточки. Обиженный Бойб, бешено завидуя, завязал безобразную драку с Буйбом, в результате которой сильно пострадал юный с'Пелейн, пытавшийся их разнять. После этого на повестке дня, а точнее вечера, естественным образом возник следующий вопрос – что делать дальше? Мнения разделились. Микки считал, что надо возвращаться в Северный Ортаск, Аманда и Белинда считали, что нечего слушать этого дурачка, надо идти в Бленд. Тут взял на себя инициативу Эрвин Куман.

– В Ортаск мы возвращаться не будем, – веско сказал он.

– Съел, индюк? – вскричали девицы.

– И через Саабит нам не прорваться, – продолжал меченосец.

– Ясно вам, гусыни? – спросил юный с'Пелейн.

– Мы пойдем в Дерихабу!

– Но ведь это же совсем в другой стороне! – недоуменно воскликнул ученик лекаря вместе с девицами.

– Зато между Дерихабу и Блендом есть воздушное сообщение, – отрезал меченосец.

На этом совещание завершилось. Девушки начали утешать безутешного Бойба, а мужчины пошли ловить рыбу. На это дело их подбила Аманда, уверявшая, что она большой мастак по части приготовления речной рыбы в походных условиях.

Через час Микки и Эрвин уже спали, а Аманда и Белинда ещё какое-то время вели неспешную беседу, глядя на пламя костра. Разговор этот был не очень многословный, но пару реплик, для правильного понимания читателем ситуации, мы всё же приведём.

Костёр уютно потрескивал, посылая в черное небо искры, и девушки больше молчали, нежели говорили, думая каждая о чём-то своём.

– А он сильный, – неожиданно сказала Аманда.

– А зато он симпатичный, – немного невпопад отозвалась Белинда.

А в сторонке похрапывали не подозревавшие о нависшей над ними угрозе Эрвин Куман и Микки с'Пелейн.

Пока наши путники, наевшись полусгоревшей форели, коротают ночь на берегу горной реки, мы расскажем тебе, разлюбезный читатель, о том, что такое Дерижабу. Берём с полки Энциклопедию и читаем: «Дерижабу – населенный пункт в Южных Землях, населённый южными варварами. Население 15 тыс. Основные занятия населения – разведение скота, ремесленничество, воздухоплавание.» Да-да, дорогой читатель, воздухоплавание! Именно в Дерижабу делали знаменитые на весь Юг дирижабли, названные так в честь Дерижабу. Правда с годами буква «е» в силу невысокого уровня грамотности населения поменялась на «и», и таким образом дерижабли стали дирижаблями. Своё название сей славный град по старинной варварской легенде получил в силу следующих обстоятельств.

Давным-давно на том месте, где ныне простираются бескрайние Южные степи, были дремучие леса и болота. Однажды местный король, чьё имя история, к сожалению, не сохранила, надумал женить своих сыновей. Сыновей было трое, процедура сватовства была классически проста – каждый из сыновей взял лук и стрельнул куда попало. Старшему сыну более или менее повезло, он попал во двор достойным людям, невеста, правда, была далеко не красавица, но могло бы быть и хуже, что не замедлили подтвердить младшие братья. Средний сын попал стрелой во двор, где были одни сыновья. Что и говорить, очень неудобно получилось, некрасивая вышла история. Как ругался будущий тесть, ужас просто, но более всех не повезло младшему сыну – его стрела угодила в болото. Когда младший сын нашёл свою стрелу, её держала во рту болотная жаба с короной в голове. Младший сын, отчасти от полученного шока, отчасти от того, что не очень-то хотел жениться, разодрал жабу на части. Отец его понял и не осудил. С тех пор в Южных Землях, если кому-то удавалось избежать нежелательной женитьбы, так и говорили, мол, молодец, задрал жабу. В честь этого события несколько убежденных холостяков основали на этом месте город, который так и назвали – Дерижабу. Шли года, мужчины, не желающие вступать в законный брак, со всех сторон стекались в Дерижабу. Отметим, что среди них попадались даже принцы крови! Так что Энциклопедия слегка врёт, и население Дерижабу составляли далеко не только южные варвары, даже наоборот – южных варваров, привыкших к кочевой жизни и просторам пустынь и сухих степей, в городе было меньшинство. Конечно, женщины в Дерижабу были, но не было жён, и поэтому мужчины, не обремененные нытьем и придирками своих прекрасных половинок, развили в Дерижабу бурную деятельность: в городе процветали торговля и изобретательство, а когда в окрестностях Дерижабу обнаружили огромные месторождения горючего воздуха и земляной крови, предприимчивые дерижабцы сразу стали предпринимать попытки как-то применить эти ископаемые к своей пользе. Следствием одной из таких попыток стало изобретение летательных аппаратов легче воздуха.

Легенда гласит, что великое изобретение было сделано хулиганящими подростками, накачавшими через соломинку горючим воздухом жабу в короне. Жаба, естественно, полетела. Это дело увидел знаменитый мастер Жагг Микер, и сей случай натолкнул его на мысль о том, что неплохо было бы изобрести отраву от жаб в коронах, которые в те времена просто одолели жителей Дерижабу. Этому делу Жагг посвятил остаток своей жизни, и лишь сто лет спустя, прочитав об этом случае в мемуарах Микера, другой великий мастер Пис Тон задумался о том,

почему жаба полетела, и изобрел дирижабль. Вообще с жабами дела в окрестностях Дерижабу дела обстояли неблагоприятно. Каждую весну на единственном уцелевшем с незапамятных времен болоте, не считая тьмы обычных, находили пять-шесть жаб в коронах. Кое-кто уверял, что это заколдованные старые девы, прискакавшие в Дерижабу в надежде на поцелуй принца крови, который превратит их в прекрасных девиц, но большинство было убеждено в том, что это просто жабы в коронах и обращалось с ними соответственно.

Вот таким был этот странный и удивительный город, в котором в самом ближайшем будущем предстояло оказаться нашим героям. Было раннее промозглое утро, когда наши герои, кляня судьбу, форель, Аманду, гномов, рослых бородатых мужчин и многое другое, пешком двинулись в Дерижабу.

На этом мы заканчиваем главу – на том простом основании, что она и так какая-то длинная.

Глава 5,

в которой Бойб добывает себе голубую ленточку, наши герои попадают в гости к изобретателю, а Эрвин проводит уроки фехтования; дирижаблепорт

Был почти полдень, когда путники, утомленные дорогой и не желавшей перевариваться форелью, заметили у дороги придорожный кабачок. Кабачок был украшен слегка выцветшей вывеской небесно-голубого цвета, гласившей: «У АРНОЛЬДА. Настоящая варварская кухня. Действует меченосский кредит!». На пороге их уже ждал, широко улыбаясь, низенький толстенный варвар в белом колпаке и с половником в пухленьких руках. Микки и девушки испустили при виде кабачка тяжелый вздох. Уже не один кабачок они пропустили, несмотря на желание подкрепиться, по причине банальной, как мир.

У них не было денег.

Однако на этот раз всё было по-другому. При виде вывески меченосец оживился, ринулся по направлению к кабачку, на бегу ловко вынул у юного с'Пелейна из ножен меч, подкинул его в воздух, поймал. Всё это он проделал, радостно жестикулируя и крича на полном ходу: «За мной, друзья! Меченосский кредит! Щас заморим червячка!», но тут случилось непредвиденное событие.

Впоследствии хозяин кабачка оправдывался тем, что ему, дескать, послышалось, что Эрвин кричит «Ура! Ура! Смерть трактирщикам! Щас замочим мироеда!» С одной стороны, это звучит довольно неправдоподобно, учитывая то, что каждый меченосец обладает отменной дикцией, за исключением разве что тех, кто отменной дикцией не обладает. С другой стороны, чем кроме страха можно объяснить ту сверхъестественную меткость, с которой трактирщик запустил половником точнёхонько в лоб Эрвину?

Когда меченосец очнулся, он был зол. Его нисколько не смягчил тот факт, что очнулся он за накрытым столом, с лицом, погружённым в салат, в который его заботливо поместили Аманда и Белинда, здраво рассудившие, что когда Эрвин очнется, он захочет кушать. Увы, девушки не знали, что Куман не любил салат из свежих корешков варварского чеснока. Такое случается постоянно – то, что мы делаем из самых лучших побуждений, люди близкие нам совершенно не ценят, а напротив, выражают недовольство, паразиты такие.

Заметив, что Эрвин очнулся, к нему направился трактирщик.

– С вас десять уедов, господин меченосец, – вот фраза, с которой трактирщик обратился к меченосцу. Она произвела эффект разорвавшейся жабы, наполненной горячим воздухом через соломинку дерижабскими подростками, в непосредственной близости от огня.

– Сколько-сколько? – поинтересовался Эрвин и подчёркнуто неторопливо вытер лицо фартуком трактирщика. Трактирщик побледнел как смерть, но твердо ответил:

– Десять уедов!

– Три!

– А говорили, меченосцы не торгуются! – удивленно сказал трактирщик.

– Кто торгуется?! – взорвался Эрвин. – Я торгуюсь? Пять уедов и ни монетой больше!

Пока отважный наёмник не торгуется, мы имеем прекрасную возможность рассказать вам о том, что такое меченосский кредит. Дело в том, что Орден меченосцев очень богат. Каждый меченосец регулярно платил членские взносы с каждого контракта, и постепенно эти взносы образовали очень приличную сумму, которая, будучи очень удачно вложена магистрами Ордена в билгейтцкие банки, давала вполне достойный годовой доход. Рядовые же меченосцы частенько сидели без денег, ибо, согласно меченосской поговорке «От контракта до контракта на камзол сажаем пятна»: после сделанной работы и уплаты членских взносов меченосцы пускались во все тяжкие, и поэтому часто сидели на мели. К счастью для них, активно работал профсоюз меченосцев, который защищал их права и добился введения так называемого меченосского кредита. Любой меченосец имел право в любом заведении, где действовал меченосский кредит, пить, кушать, пользоваться товарами и услугами на сумму не выше ста уедов. Впоследствии Орден щедро гасил задолженность перед заведением, меченосец как мог гасил кредит перед Орденом, и если меченосец злоупотреблял кредитом, Орден, так сказать, гасил меченосца.

– Семь с половиной уедов! И ни монетой больше! – проревел меченосец (проревел в смысле как тигр, к примеру, а не как младенец).

– Хорошо, – быстро согласился трактирщик, вытирая пот со лба.

Отметим, что в кабачке было довольно людно. Путники, крестьяне с окрестных деревень, два странствующих монаха из ордена Святого Ворда, так называемые вордисканцы, девицы, коих всегда прилично вокруг любого кабачка, работающего круглосуточно. В углу за столом сидели наши герои. Как и все остальные, они кушали.

Вдумчивый читатель уже, наверное, давно заметил, что за столом кого-то не хватает. В самом деле, за столом не хватало Бэйба, Бойба и Буйба. Не хватало их по двум причинам. Во-первых, они, отвлечённые чем-то, отстали по дороге, во-вторых, даже если бы они не отстали, за стол их всё равно не пустили бы.

В это время на грубо сколоченную сцену залезли музыканты и, усевшись поудобнее, начали настраивать инструменты. Оркестр состоял из четырех гитар: семиструнной ортаской, пятиструнной варварской, шестиструнной зануссийской и дерижабской акустической бас-гитары, кроме того, были бубен и пара варварских сопелок. Народ обрадованно засуетился, раздвигая столы. В центр комнаты вышел нарядно одетый в оранжевый кафтан и голубые панталоны местный фронт и, хлопнув в ладоши, громко объявил: «Танцы, господа!». Со всех сторон народ ринулся на импровизированную танцплощадку. В тот же миг оркестр грянул знаменитую танцевальную балладу о Саабитском ухе. К счастью, история сохранила для нас текст этого гениального образца народного творчества, и мы можем привести его полностью.

Баллада о Саабитском ухе

В отрогах Саабита красавица жила
Выращивала дыни и козочек пасла
И слава о девице катилась по земле
И к ней воды напиться заглядывали все
Ухаживать за нею пытались все вокруг
Но всех она отвергла, ведь у неё был друг
Пришла пора лихая, в безжалостный поход
Бойцов из Саабита повёл Кальдемород
На северные земли, туда где зелен луг
На боевой лошадке умчался верный друг

И в Северном Ортаске, в урочище Ворон
Он свиньями Ортаска был спешен и пленен
Судьба была жестока, чтоб пленных не кормить
Их свиньи из Ортаска решили не кормить.
Девушка убивалась по другу целый год
А после за водою вновь зачастил народ
Однажды герцог Бульский в карете проезжал
Её увидел в поле и страстно закричал
«Отдайся мне, девушка, тебя озолочу!
Не то отрежу ухо и тут же проглочу!»
Девушка отказалась, но герцог был герой
Себе отрезал ухо и скушал с колбасой
С тех пор промчались годы, как будто быстрый миг
В горах любой вам скажет мальчишка и старик
Врагам своим свирепым не сдастся Саабит
Пока такие люди в горах родимых есть!*

(***Последняя строчка представляет собой классический оборот народной саабитской поэзии. – Прим. переводчика. – Ы! – Совм. прим. сост. хроник).

Было что-то завораживающее в высоких прыжках танцующих пар, в ритмичном бряканье гитар, в тенях, метавшихся по углам просторной комнаты. К Белинде подлетел тот самый фронт в голубых панталонах.

– Эта... – не без изящества обратился он к девушке, – можа, попляшем?

– Она не танцует! – вскричал Микки.

– Чего? – вскричала Белинда.

– А мне?! – вскричала Аманда.

– Сиди! – вскричал меченосец.

В общем, все вскричали. Фронт, малость испуганный столь бурной реакцией, сдал на шаг назад и сказал:

– Это... так бы и сказали, что неохота... Чего орать-то?

– Кто орёт?! – вскричал Эрвин.

– Куда?! – завопила Белинда.

– Сиди! – вскричал Микки.

– Я хочу танцевать! – вскричала Аманда, и в этот самый миг случилось, то чего никто не ожидал. Двери с треском распахнулись, и как раз на строчке «Их свиньи из Ортаска решили не кормить» на пороге появились три боевые свиньи Ортаска, с красными от черешни мордами.

В зале случилось множественное движение, девушки завизжали, мужчины, правда не все, сделали шаг навстречу угрозе, жалобно звякнув, умолкла семиструнная ортаская гитара, и оркестр затих. Кто-то вскричал:

– Это они! Знаменитые беспощадные свиньи-людоеды!

Женщины и некоторые мужчины дружно попадали в обморок.

– Вы с ума сошли! – гневно воскликнула Аманда. – Да как вы смее называть наших друзей людоедами!

– О! Они дружат с людоедами! – вскричали два монаха-вордисканца, и еще несколько мужчин упало в обморок.

– С чего вы взяли? – удивился Микки.

– Вы сами сказали об этом, – дружно загомонил толпа, сжимая кольцо вокруг наших героев. – А свиньи-то какие мерзкие, вона все морды в крови!

– Надо же, такая славная девушка, – убивался в сторонке фронт в голубых панталонах. – Такая девушка, и дружит с людоедами!

– Жадины! – подливал масла в огонь трактирщик. – Семь с половиной уедев, каково, а?
– Точно! – поддержали его селяне. – И урожай весь саранча пожрала.

Эрвин, которому не без основания казалось, что в условиях хронического численного перевеса со стороны противника по схватке в день это многовато, попытался решить проблему дипломатическим путем.

– Может, обойдемся без драки? – миролюбиво спросил он. – Отпустите нас... – и, вспомнив гномов, добавил: – Пожалуйста.

– Ещё чего! – возмутились селяне. – Как же это мы вас отпустим, когда у нас весь урожай саранчой пожрало!

– А мы-то тут при чём?! – возмутилась молчавшая доселе Белинда.

– Известно при чём... – туманно отвечали селяне, засучивая рукава.

– Семь с половиной уедев!

Эрвин понял, что драки не избежать и, схватив стул, с силой запустил оный в голову трактирщика. Тут оркестр грянул боевой марш ортасков, и все дальнейшие события, подобно вольным упражнениям гимнасток, развивались под музыкальный аккомпанемент.

Аманда и Белинда, не теряя даром времени с криком «Бэйб, Буйб и Бойб за нами!», пошли на прорыв, Микки обнажил лезвие Гринписа и ринулся в гущу схватки, меченосец, ввиду отсутствия меча, орудовал половником, отобранным у трактирщика, боевые свиньи бдительно охраняли девушек от вражеских поползновений. Враг тоже не дремал. Селяне, подбадривая друг друга криками и начисто игнорируя Микки с'Пелейна и Эрвина Кумана, атаковали Аманду и Белинду, попутно осыпая проклятиями свиней. Особенно усердствовал фронт в голубых штанах, но только до тех пор, пока его штанами не заинтересовался Бойб. Вордисканцы, взывая к милосердию, бодро бегали от Микки с'Пелейна, жалобными голосами допытываясь, что же такого они ему сделали, за что он за ними гоняется. Микки же настырно обещал, что покажет им людоедов, попутно объясняя, что они сами людоеды и тому прочее. Эрвин в то же самое время с помощью половника выяснял отношения с трактирщиком и четырьмя его друзьями, которые были вооружены вертелами.

Как известно, боевой марш ортасков в классическом варианте длится ровно три минуты. Так что можно уверенно говорить о том, что схватка продолжалась тоже ровно три минуты, ибо с последним аккордом из дверей таверны вылетел Эрвин, мужественно прикрывавший отход своих спутников. Первыми же на улицу выскочили Аманда и Белинда, изрядно исципанные игривыми селянскими ручонками, следом выбежали Микки, Буйб и Бэйб, а из угла доносились истошные вопли фронта в голубых панталонах, которого азартно обхаживал Бойб.

– Эта! Помогите! – орал он. – Отстань, свинья! Мои панталоны! Он хочет меня съесть!

Друзья во весь опор неслись по дороге. Их никто не преследовал. Через некоторое время, когда кабачок остался в пяти латах позади и наши герои получили возможность прийти в себя и отдышаться, они обнаружили, что среди них не хватает Бойба.

Первой тягостную тишину разорвала Аманда.

– Боже! – всхлинула она, уняв дыхание. – Как мы все были к нему несправедливы!

– Аманда, – сделал попытку утешить девушку юный с'Пелейн, – стоит ли переживать. И потом, он умер как герой! Прекрати, больно же!

– А тебе вообще лучше помолчать! – вступила в разговор Белинда, стукнувшая перед своей репликой Микки по голове. – Трактирщик был прав! Все мужчины – жадины! Пожалели для бедняги какой-то паршивой ленточки!

– Мы?! – поразился Микки. – Да ведь ты сама...

К счастью для Микки Белинда так и не узнала, что именно она сделала сама, ибо в этот миг на дороге показались клубы пыли. Это нёсся во весь опор отважный Бойб, сжимая в зубах

длинную узкую ленточку голубого цвета, с мясом (это выражение следует понимать буквально) вырванную из панталон франта в голубых штанах.

Вечером следующего дня к Дерихабу подошёл торговый обоз. На задней телеге сидели, посаженные по пути сердобольными торговцами двое мужчин и две девушки. Рядом с телегой неторопливо трусили три свиньи. Городские ворота с тяжелым лязгом распахнулись, и обоз вошёл в Дерихабу.

– Ну, куда деваться – это как раз не вопрос, – говорил Эрвин, размахисто шагая по центральной улице Дерихабу. – У каждого настоящего мужчины в Дерихабу есть друг.

– Да? – живо заинтересовалась Аманда. – А у тебя он есть?

Меченосец остановился, внимательно посмотрел на неё, вздохнул и двинулся дальше. Покладистость меченосца объяснялась тем, что накануне он узнал о том, что Аманда была сиротой. Это обстоятельство разом выделило Аманду из числа остальных подопечных. Ощущение личной ответственности за того, кто слабее тебя, было для меченосца в новинку и сулило ему в будущем массу интересных впечатлений. Заметим среди прочего, что сама Аманда по поводу своего сиротского статуса горевала не особо – привыкла, но это лишь усилило впечатление, которое она произвела и продолжала производить на славного Эрвина.

– Мы пойдем к одному человеку по имени Мечел. Он изобретатель и бывший меченосец. Немного со странностями, но вы не обращайтесь на это внимания, человек он добрый и хороший.

– А что он изобрёл? – спросил Микки.

– Складной меч, надувной щит, булочку с дырой посередине, ножной вентилятор, я всего и не упомяну, – отвечал меченосец. – Мы пробудем в Дерихабу два дня. У нас нет денег на проезд, и нам придётся их заработать.

Здесь меченосец сделал паузу и значительно посмотрел на своих спутников.

– Я дам два платных урока фехтования, вы будете мне помогать. Потом ближайшим рейсом мы полетим в Бленд. Всё ясно?

За такими разговорами путники приблизились к двухэтажному дому, на котором красовалась симпатичная вывеска, выполненная из какого-то мягкого металла методом художественнойковки, на которой было написано «Мечел – знаменитый изобретатель. Владелец Гран-При Дерихабу в номинации «Нужные безделушки». Вывеску немного портили различные неприличные надписи, выполненные методом не очень художественного царапанья гвоздем, но в целом было очень даже ничего.

На входной двери имелись три красивые кнопки, напротив кнопок были прибиты таблички. Надписи на табличках вопрошали: «Друг?», «Враг?», «И не друг, и не враг, а так?». Девушки притихли. Юноша и меченосец переглянулись, и Микки, подумав немного, нажал на кнопку «И не друг, и не враг, а так?». Внутри дома что-то звякнуло три раза, затем гроыхнуло два раза, кто-то пробежал по лестнице один раз, снова гроыхнуло, раздался чей-то сдавленный вопль, и из окна второго этажа высунулась всклокоченная голова какого-то юноши. Голова мрачно посмотрела на путников и сказала:

– Я вот одного не пойму. Ежели вы не друг, и ни враг, а так, то зачем припёрлись к моему хозяину? Идите, не отвлекайте человека!

После этого голова исчезла, демонически улыбнувшись. Есть основания полагать, что улыбка сия была адресована девушкам. Микки вопросительно посмотрел на меченосца. Эрвин посмотрел в сторону, потом в другую, всем своим видом показывая, что доверяет Микки право выбора всецело. Микки потянулся было пальцем к кнопке «Друг», но остановился. Выбор этот показался ему вдруг слишком уж очевидным. Микки с некоторым сомнением посмотрел на глазающего по сторонам Эрвина и решительно нажал кнопку «Враг?».

В тот же миг над дверью распахнулось небольшое окошечко, и из него вылетела дубовая чурочка. Чурка угодила Микки скользом по голове и упала на мостовую. Девушки ахнули. Следом за чуркой вылилось ведро довольно горячей воды. Девушки взвизгнули. Где-то в доме запел боевой горн, громынуло два раза, кто-то снова пробежал по лестнице, опять громынуло, раздался чей-то сдавленный вопль, и из окна высунулась всклокоченная голова всё того же юноши. Голова еще более мрачно посмотрела на путников и сказала:

– Что, вражина, заполучил? – и кинула в ученика лекаря камнем. То есть не голова, конечно, кинула, а рука, к голове прилагавшаяся. Исполнив таким образом свой оборонительно-наступательный долг и подарив девушкам вторую демоническую усмешку, голова снова исчезла в глубинах дома. Меченосец, пряча улыбку, обошёл обильно исходившего паром юного с'Пелейна, подошел к двери и нажал на кнопку «Друг?». Внутри дома что-то звякнуло один раз, затем громынуло два раза, кто-то пробежал по лестнице с криком «Хозяин!», снова громынуло, слышались чьи-то шаги, и дверь распахнулась. На пороге возник крепкий мужчина в кожаном фартуке и кожаных штанах, изъеденных кислотой. Он широко улыбнулся, распахнул объятия и воскликнул:

– Эрвин! Сколько лет, сколько зим, дружище! О, какие девушки! Что это с твоим приятелем, почему он весь мокрый? Да заходите вы уже...

– Значит, ставите одну ногу вперед, а вторую назад, – говорил Эрвин лицам, желающим приобщиться к тайнам фехтовального искусства. Лиц этих, кстати сказать, набралось не так уж и мало, человек двадцать. Публика подобралась крайне разношерстная, но всех их объединяли два свойства: пламенная любовь к оружию и совершенное неумение с ним обращаться.

– Простите, какую ногу назад? – поинтересовался высокий тучный мужчина в плаще.

– Вторую, – терпеливо пояснил Эрвин.

– А! – с пониманием воскликнул высокий тучный мужчина, потоптался на месте, пересчитал свои ноги, подумал и отставил назад левую.

– Меч, – продолжал монотонным голосом Эрвин, – у вас должен быть в правой руке, если вы конечно, правша, и в левой, если вы левша. Представим, что на вас напал враг. Для этого построимся в четыре шеренги...

– Извините, а у вас вообще есть свидетельство учителя фехтования? – этот вопрос задал маленький тщедушный мужчина с лысиной на голове.

– Есть, но я не хотел бы его показывать, – отвечал меченосец. Впрочем, сейчас его, наверное, уместнее называть учителем фехтования.

– А почему? – лысый прищурился. Ученики насторожились.

– Холодно, – невозмутимо отвечал учитель фехтования.

– А! – с пониманием воскликнул высокий тучный мужчина, потом подумал и добавил: – Не понял.

– И я тоже не понял! – решительно заявил симпатичный блондин в бархатном берете.

– Да! – дружно поддержали их остальные будущие мастера меча. Эрвин тяжело вздохнул и посмотрел на Аманду, Белинду, Микки и Мечела с интересом наблюдавших за занятиями.

– Да ладно, покажи им! – добродушно посоветовал Мечел.

– Показать, в смысле показать или показать в смысле, где раки зимуют? – спросил учитель фехтования.

– Показать в смысле показать, – уточнил изобретатель. Эрвин опять вздохнул и с тоской в голосе сказал:

– Так холодно же.

– Я ничего не понимаю, – вполголоса заметил высокий тучный мужчина. – Причем тут погода?

Девушки и Микки с любопытством вертели головами, следя за разговором. По их напряженным лицам было видно, что они тоже ничего не понимают.

– Да ладно тебе, – сказал Мечел, – не так уж и холодно на самом деле. Скорее наоборот, жарковато.

Эрвин с откровенной неприязнью посмотрел на своего старого друга, в третий раз вздохнул и решительно заявил:

– Хорошо, я им покажу, но только пусть они, – и он указал на девушек, – отвернутся!

Девушки бурно запротестовали, но их быстренько заставили отвернуться. Эрвин ещё раз (по-моему, уже в четвертый, а?) вздохнул и стянул с себя рубаху. Воцарилась потрясенная тишина. Лишь через несколько секунд её нарушил потрясенный возглас высокого тучного мужчины.

– Ничего себе!

– Но печать-то настоящая! – заметил блондин в бархатном берете.

– Да, но иллюстрации!! – воскликнул маленький тщедушный мужчина с лысиной на голове.

– Что там? – нетерпеливо прыгали за спинами будущих мастеров меча Аманда и Белинда.

Чтобы читатель понял причину столь резкой и непонятной реакции, нам придется рассказать о том, что происходило в ордене меченосцев несколько лет назад. Дело в том, что в ордене свидетельства учителя фехтования с давних пор вытатуировывались у меченосцев на животах. Это было очень мудрое решение. Бумага может порваться, она может стореть, её можно, в конце концов, потерять, а татуировка, она всегда с тобой. Порой, правда, это вызывало некоторые неудобства, но в целом никто не возмущался. Кое-кто может поинтересоваться – почему свидетельства наносились именно на живот. Мы ответим этим кое-кем...ким... то есть кое-кому: сначала татуировку наносили на руку, но ведь руку можно отрубить! Поэтому через некоторое время было решено наносить татуировку на живот. Это тоже было очень мудрое решение. В самом деле, попробуйте кому-нибудь отрубить живот! Но, к сожалению, на этом усовершенствования не кончились, и за несколько лет до излагаемых событий руководство Ордена меченосцев приняло решение дополнить свидетельства меченосцев иллюстрациями на тему «Чего не должен делать настоящий меченосец», так сказать, кодекс меченосца в картинках. Так что к вытатуированным на животе свидетельствам меченосцев ещё добавились вытатуированные картинки различных грехов, которые не должны были совершать меченосцы. К сожалению, татуировщики ордена оказались настоящими мастерами своего дела, и картинки грехов оказались выполненными столь искусно и вдохновенно, что руководство, посмотрев на эти картинки, тут же приняло решение больше так не делать. Но несколько меченосцев, и в их числе Эрвин, успевшие опробовать это нововведение на себе, были вынуждены ходить по белу свету с подобными картинками. Им было очень неудобно, но что поделать, время от времени каждому приходится страдать от издержек бюрократического рвения. Теперь, когда читателю всё стало ясно, мы можем вернуться к описываемым событиям.

Любопытство граждан, таким образом, было удовлетворено, и урок фехтования продолжился. Закончился он через два часа, и итогами его явились две вывихнутые ноги, один поврежденный сустав, куча мелких ушибов и один вконец распахивавшийся учитель фехтования.

Прошло два дня. Это время ни для кого даром не пропало. Деньги за уроки были получены, и частично (в основном Амандой и Белиндой) потрачены на новую одежду. Эрвин при помощи «Держабской очищенной» с грехом пополам обрел шаткое душевное спокойствие, утерянное было в результате педагогической деятельности. Микки довел Гринпис до невиданной остроты, а Аманду до белого каления; Белинда же отнеслась к Миккиным занудствованиям на редкость покладисто. Мечел изобрел паровую яйцерезку, которая в результате получасового пыхания и содрогания выдавала одно сваренное, аккуратно очищенное и нарезанное куриное

яичко, и заставлял всех завтракать с помощью только этого приспособления, из-за чего завтрак растягивался на полдня. Бэйб, Бойб и Буйб в перерывах между едой гуляли по городу, регулярно затевая драки с местными собаками. В этих похождениях их постоянно сопровождала целая свита из восхищенных местных поросят. Одним словом, все славно отдохнули и были готовы к новым подвигам.

Было раннее утро, когда наши путники прибыли в Дерижабский дирижаблепорт. Вид этих воздушных исполинов, стоящих на приколе, привел Микки и девушек в восторг. Эрвин видел это зрелище не в первый раз, но тоже был взволнован. Лишь Бэйб, Бойб и Буйб сохраняли относительное спокойствие, но и они, увидев «Гордость Ортаска», выполненную в виде гигантской свиньи, пришли в состояние близкое к экстазу, и стали, восторженно похрюкивая, носиться вокруг дирижабля кругами. В конце концов, их пришлось взять на поводок. Тут возникла новая проблема, поскольку руки наших героев были заняты поклажей, то поводок было просто некуда или вернее нечем взять. (*Кем? Чем? Рукой – всё правильно. – Прим. сост. хроник). Эрвин напрягся и принял решение – привязать поводки к поясу! Да покрепче, чтобы не развязались! Меченосец, Аманда и Белинда привязали к своим поясам поводки боевых свиней, и друзья двинулись дальше. Несмотря на эту заминку, настроение у всех всё равно было приподнятое.

Однако эта радость быстро сошла на нет, когда над окошком кассы наши герои увидели яркое объявление, гласившее: «Билетов нет». Друзья с унылым видом перечитали объявление пять раз. Наконец, Эрвин, под взглядами соратников и особенно соратниц чувствуя себя обязанным хоть что-то предпринять, постучал по окошечку кассы рукояткой меча. Реакция последовала незамедлительно. Окошечко кассы распахнулась, оттуда выглянул кассир и сказал:

– Билетов нет!

– А почему их нет? – полюбопытствовал юный с'Пелейн.

– А их и не было никогда, – отвечал кассир.

– То есть как это не было? – удивился Эрвин.

– А вот так! Хочешь лететь – иди к дирижаблю, плати за проезд и лети.

– А зачем же вы повесили объявление, что нет билетов? – влезла в разговор Белинда, подходя поближе к Микки и беря его за руку.

– Дак если их действительно нет! – удивился кассир.

– Да, но люди-то думают, что они могут быть! – воскликнула Аманда

– Эти ваши люди надоели уже! Баранов и то легче возить! Каждый подходит и спрашивает «Нет ли билетов?» Вот я и повесил объявление, чтоб не приставали, да только без толку, все равно лезут.

– Ну а тогда зачем тогда кассир? – спросил Эрвин.

– Какой кассир? – удивился кассир.

– А разве вы не кассир? – спросил Микки.

– Сами вы кассиры! – окончательно обиделся кассир. – Я не кассир, я начальник дирижаблепорта!

– Прекрасно! – обрадовался Эрвин, – А на каком дирижабле мы можем долететь до замка Бленд?

Касс... тьфу ты! – начальник дирижаблепорта уничижительно посмотрел на наших героев, но чувство долга победило, и он нехотя сказал:

– «Гордость Ортаска». Стоимость проезда пятнадцать уедов с носа. Меченосцам скидка.

– С дирижабля? – радостно полюбопытствовала Аманда.

Когда друзья нагруженные запасами еды, поклажей, подарками Мечела, влекомые свиньями, подошли к «Гордости Ортаска», они обнаружили возле дирижабля человека, одетого в кожаные штаны, кожаную куртку и кожаный шлем. Человек этот мрачно курил трубку.

Курил трубку.

Роняя искры с пеплом и кусочками тлющего табака на землю и ветер.

– П-позвольте, – заикаясь, сказал Эрвин. – Но ведь это же дирижабль! Он же может взорваться!

– Ещё как может! – меланхолично подтвердил кожаный человек.

– А т-тогда зачем вы же курите?

– Так с самого утра не курил, аж уши опухли! – охотно объяснил кожаный человек.

– Так он же взорвётся! – вскричал Эрвин.

– Ах, вот вы о чем... – кожаный человек встал, вынул изо рта трубку и начал говорить с видом прирожденного оратора, дорвавшегося наконец до аудитории. – Видите ли, друзья! По натуре своей я, Балтазар Флай – фаталист! Если «Гордости Ортаска» суждено когда-нибудь взорваться, то она взорвётся! Так что курю я или нет, никакого значения не имеет.

Произнося эту пламенную речь, кожаный человек всю размахивал своей трубкой, от которой во все стороны летели искры. Реакция друзей была разная. Эрвин, Аманда и Белинда очень хотели убежать, но проклятые свиньи при виде своего гигантского воздушного собрата (или сосестры?) встали как вкопанные, проклятые поводки оказались привязанными на совесть, а проклятые пояса никак не желали расстёгиваться. Аманда и Белинда попытались упасть в обморок, но от волнения не смогли сделать и этого. Юный же с'Пелейн в силу юности и неопытности из предыдущего диалога ничего не понял и поэтому стоял спокойно, с некоторым удивлением поглядывая на ожесточенную возню с поводками. Наши герои заворожённо следили за трубкой, будучи не в силах отвести взгляд в сторону.

(***Кстати, вот как раз сейчас более чем когда-либо мы имеем право называть наших героев нашими героями, поскольку все они в этот момент испытывали только одно желание убежать куда-нибудь подальше, но не сделали этого, а значит, проявили героизм! Кто-то, может быть, скажет, что, мол, они сделали это не по своей воле, на что мы можем резонно возразить, что кто из нас не совершал, бывало, довольно героические поступки не по своей воле? – Философск. прим. сост. хроник).

– А к-кто-нибудь ещё летит сегодня в Бленд? – нашел наконец в себе силы хоть что-то сделать Эрвин.

– Кто туда полетит? – удивился Балтазар Флай. – Там же дракон!

– А почему же тогда вы летите? – восторженным голосом спросил юный с'Пелейн. – Потому что вы герой?

– Так я же вам объясняю! – снова принял ораторскую позу Флай. – По натуре своей я не герой, но фаталист, и если «Гордости Ортаска» суждено... а летим за двойную оплату, – немного неожиданно закончил он.

– Извините, нам надо посоветаться, – с этими словами Эрвин, приложив невероятные усилия, оттащил друзей и свиней в сторону.

– Ну что, летим? – поинтересовался ученик лекаря.

– Это... невоз... можно! Он... курит! – воскликнул, тяжело дыша, в несколько приемов меченосец.

– Ты знаешь, – назидательным тоном сказал Микки, – мне кажется, ты не должен быть таким ханжой! Конечно, курение – это вредная привычка, но ...

Меченосец скрипнул зубами. Потом сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Ты знаешь, что такое горячий воздух? – вкрадчиво начал он, отдышавшись. – Им нельзя дышать, но зато он отлично горит, и именно таким газом наполнен наш дирижабль! Малейшей искры достаточно, чтобы всё тут взорвалось и поэтому... все в дирижабль! Летим!

– Как летим?! – заорали донельзя удивленные Аманда, Белинда и Микки с’Пелейн. – Он же курит!

– Пусть курит! – вскричал Эрвин и громко крикнул человеку в коже: – Руби концы! Мы вылетаем!

На мгновение Микки показалось, что Эрвин сошел с ума – настолько разительна была произошедшая с меченосцем перемена. Ещё минуту назад спокойный, сейчас Эрвин развил бурную деятельность, закидывая поклажу, подарки Мечела и боевых свиней в кабину дирижабля. Микки растерянно посмотрел по сторонам и увидел две группы, во весь опор несущиеся к «Гордости Ортаска» по лётному полю с противоположных сторон. Одну группу составляли всё те же забинтованные гномы во главе с Кудряшкой Сью, а вторую составляли рослые бородатые мужчины во главе с бывшим генеральным прокурором Гудином Робом. При виде этой картины Микки вдруг ощутил внезапный прилив бодрости и ринулся помогать Эрвину. Через сорок шесть секунд по хронометру поклажа, подарки Мечела, боевые свиньи и девицы были свалены в беспорядочную кучу на дно кабины. Флай лихо рубанул топором по концу и дирижабль плавно взмыл в воздух, как раз в тот миг когда обе группы подбежали с разных сторон к дирижаблю. Поскольку на бегу и те, и другие не отрывали взгляд от взлетающего дирижабля, им поневоле пришлось задрать головы, благодаря чему Эрвин с друзьями имели удовольствие наблюдать, как с глухим стуком бьются друг о друга бегущие рослые бородатые мужчины и гномы. Воздух огласили беспорядочные крики бородачей и изысканные проклятия гномов. Неудача, бег и неожиданность столкновения сильно возбудили и тех и других. Внизу началась довольно беспорядочная свалка, а «Гордость Ортаска» меж тем плавно набрала высоту и, ведомая фаталистом Балтазаром Флаем, величественно поплыла по направлению к замку Бленд.

Контрглава,

основная цель которой показать, что в мире есть много чего и помимо Микки с’Пелейна и его друзей

Примерно в это же самое время с точностью ну может быть до получаса, в некоем месте отдыхал некий властелин. Вопреки установившейся традиции, он не был тёмным, и уж тем более не был злым. Ну разве что самую малость злым, но это как раз легко объяснялось тем, что государство от отца ему досталось непростое. Большое, перенаселённое, с многолюдными городами, с сёлами, где женщины усердно рожали не только третьих, но и четвёртых и пятых сыновей. Дед властелина был немного подвинут на медицине, и как следствие, какое-то время медицина была возведена в ранг государственной политики. Врачей было много, врачи были хорошие, и эти самые третьи, четвертые, пятые сыновья не умирали, а росли здоровыми, крепкими и хотели кушать. Как следствие, росло демографическое давление, оказываемое государством на соседей.

Как часто детям приходится расплачиваться за грехи отцов!

«Не-ет, – думал властелин, – надо воевать. Надо».

В дверь опочивальни робко и почтительно постучали.

– Войдите! – крикнул властелин и посмотрел на меч, висевший на стене. Конечно, такой моды – убивать властелинов в их собственных опочивальнях в его государстве не было, но набирающая в последнее время популярность книга «Тайны дворцовых переворотов», в которой подобные деяния творились на каждом углу, как-то принуждала думать об этом.

В опочивальню вошёл первый советник властелина. А вот он действительно был темный и злой. Злым он был от того, что он был толстый и некрасивый, а тёмным, потому что брюнет. И звали его Хачма Мук.

– Слушаю тебя, Хачма.

– О мой властелин, спешу сообщить тебе о крупном успехе наших магов, – извиваясь в почтительном поклоне, сказал первый советник. – Они наконец исполнили то, что вы им приказывали.

**Ещё одна контрглава,
основная цель которой окончательно запутать читателя при помощи введения
новых действующих лиц и привходящих обстоятельств**

Примерно в это же самое время с точностью ну может быть до получаса, в другом некоем месте отдыхал другой некий властелин. Отдых его заключался в том, что он стоял у окна и смотрел на королевский сад. Сад был прекрасен и полностью соответствовал высокому званию королевского, но зрелище восхитительно цветущих яблонь, прорастающих кабачков, проклевывающихся арбузов не радовало короля Пемолукса Бетутина Бериллиевого.

Причиной такого расстройств был кризис. Человеку постороннему суть этого кризиса понять было трудновато; многие в соседних государствах считали, что проблема не стоит выеденного яйца. Это качество – считать, что соседи бесятся с жиру со своими какими-то тупыми проблемами – вообще свойственно практически всем людям, имеющим соседей.

Но поскольку читатель – это не посторонний, составители хроник считают своим долгом разъяснить, что это за кризис такой. Исторически сложилось так, что хотя Пемолукс и назывался королевством, на самом деле никаким королевством не был. Фактически это был союз трех княжеств – Пеласта, Морвилля и Люксенгардта. В ту пору, когда все эти княжества были гордые и независимые, в Пеласте правила Рубиновая династия, в Морвилле – Берилловая, а в Люксенгардте, самом бедном из этих трёх – Стразовая. Зато они, в смысле, люксенгардтцы были самые гордые. Как говорится, ноблесс оближ.

Три княжества время от времени волтузили друг дружку, угоняли скот, захватывали земли, теряли земли, в общем, жили не тужили. Каждый князь считал своим долгом обиды не спускать и отвечать ударом на удар, так что, в конечном счёте, всё то на то и выходило. То, что волтузили они, в основном, лишь друг дружку и не отвлекались на других прочих властителей, было predetermined географически. Дело в том, что возле Морвилля река Белая делилась на два рукава, каждый из которых через пару сотен лат впадал в Северное море. Таким образом, все три княжества были расположены на довольно большом острове, что и привело к тому, что сподручнее было им волтузить именно друг дружку.

А потом, как водится, наступили лихие времена. Во время второй экспансии клана Вентаны, чьим опорным пунктом только-только стал Билгейтц, то есть примерно около двух веков назад, княжества впервые столкнулись с серьёзными проблемами. Армия клана была организована и многочисленна, а маги Вентаны могли заморозить Белую в любом месте. Первым, кто осознал масштаб катастрофы, был князь Пеласта Коботин Лохматый, получивший свое прозвище после того, как изгнал из княжества всех цирюльников, облыжно обвинённых во вредительстве и искусственном насаждении моды «под горшок». Помимо повышенной лохматости жителей Пеласта, изгнание цирюльников послужило причиной для ещё одного, тоже печального для княжества события. А именно, с целью защиты прав и свобод цирюльников в Пеласт вторгся Свободотворческий корпус объединённых Вентанских вооружённых сил. Наведя при помощи магической заморозки ледяные переправы в нескольких местах, вентанцы атаковали Коботина сразу по нескольким направлениям.

И Коботин был разгромлен. Естественно не один, а вместе со своей дружиной. Потерпев поражение, Коботин с остатками верных людей резво отскочил к столице Пеласта, Пеластбургу, где и объявил всеобщую мобилизацию, что говорит о том, что какие-то реваншистские настроения он в тот момент питать продолжал. Чуть позже, глядя со стен родного города на приближающиеся к Пеластбургу орды*** вентанцев, Коботин внезапно осознал, что заблуждается, и что, собственно, выбор у него невелик: либо сдаться, либо умереть в очень неравной битве. (***)Именно это слово употребили летописцы Пеласта. – Прим. сост. хроник). Однако мощный ум князя породил третьё, весьма нетривиальное решение.

Он решил обратиться за подмогой к своим историческим врагам.

К чести князей Алдона Косматого Морвилльского и Пикока Патлатого Люксенгардтского надо сказать, что они немного (совсем немного) поразмыслив, откликнулись на призыв соседа, поступив таким образом согласно старой поговорке: «Старый враг лучше новых двух». Злые языки утверждают, что основной причиной послужило то, что намеренно они и сами на почве абстинентного синдрома изгнали из своих княжеств цирюльников, но летописцы Пемоллюкса документировано заявляют, что это был исключительно жест доброй воли. Морвилльская кавалерия и люксенгардтская пехота ударили дружно в тыл осаждавшим и тем самым спасли Пеластбург, Пеласт и заодно себя от порабощения. Клан Вентаны, ошарашенный столь нетипичным поведением трёх княжеств, ещё несколько раз пытался вторгнуться в пределы какого-нибудь из них, но каждый раз встречал дружный тройной отпор, и со временем, злопыхательски обзвав Пеласт, Морвилль и Люксенгардт «злыми и недалёкими княжествами», отступился.

Дабы не утомлять читателя хитросплетениями исторической интриги (как завернули, а?), мы продолжим свой рассказ о причинах кризиса власти в Пемоллюксе чуть позже.

Глава 6,

в которой читатель наконец-то узнает о том, что такое Совет Пятнадцати, и удостоится чести присутствовать при принятии исторического решения

Билгейтц – город, в полной мере отвечающий званию столицы. В нём есть шик, в нём есть блеск, в нём есть правильность прямых как стрела улиц, сходящихся к резиденции магистра клана Вентаны, в нём есть, наконец, сама резиденция магистра. По улицам ходят-едут степенные люди, верша свои дела. Дела вершатся неспешно, по заведённому порядку, как и полагается делать дела в солидной столице солидного государства. Сама резиденция магистра, чёрным кубом возвышающаяся над городом, столичность Билгейтца подчёркивает просто отлично; она краеугольный камень всей государственной машины – монументальна, уверена и внушающа. В резиденции магистра, как и полагается главному учреждению крупной державы, всегда тихо и спокойно.

Но только не в эти дни.

Хромой Сом, шагая по галереям резиденции в зал заседаний, отчётливо видел признаки тревоги. Некая озабоченность витала в воздухе, она была во всём – в насупленных лицах, встречающихся на пути магов, в подчёркнутой строгости стражи, в излишней суетливости прислуги.

Камень показал наличие угрозы!

Впрочем, в сердце мага ещё теплилась надежда, что это какое-нибудь недоразумение, следствие проделки какого-нибудь подгулявшего мага; такое за многовековую историю Вентаны нечасто, но случалось. Ну, а пока Хромой Сом по длинным галереям резиденции магистра движется в зал заседаний, мы имеем прекрасную возможность рассказать читателю, что же такое представляет собой Совет Пятнадцати.

Когда могущество и влияние магов Вентаны стало значительным, возникла потребность в органе, способном разумно управлять делами клана, и посему триста лет назад был учрежден Совет Пятнадцати. Число «пятнадцать» было выбрано потому, что младшей, любимой жене*** магистра клана Хома Гапслока в момент учреждения Совета исполнилось пятнадцать лет. (***)Тогда в Вентане процветало многожёнство, которое позднее, с учреждением института тётц в современном его толковании, постепенно сошло на нет. – Прим. сост. хроник). Правда, с точным количеством членов как-то с самого начала не заладилось. Магов, достойных того, чтобы войти в Совет Пятнадцати, набралось только семеро, включая самого Хому Гапслока, но, к счастью, такое положение вещей длилось недолго, и когда подросла третья волна магов Вентаны, сразу десять новых магов влилось в Совет. Впоследствии численность Совета неоднократно то увеличивалась, то уменьшалась. Как шутили особы, сведущие в делах клана, «в вопросе численности Совета не было, нет и не будет ничего невозможного». Един-

ственное, чего за все эти годы магистрам клана добиться не удалось, так это того, чтобы численность Совета Пятнадцати равнялась пятнадцати. Особенно больших размеров Совет Пятнадцати достиг в эпоху так называемого оголтелого разгула демократии и насчитывал в своих рядах четыреста двадцать пять членов, то есть практически всех действующих на тот момент магов клана, кроме мага третьей руки Клементия Блямца. Позднее, в период естественной реакции на демократию, Совет Пятнадцати состоял из двух человек – магистра Клементия Блямца и его жены. Название – Совет Пятнадцати, тем не менее, устоялось.

В настоящее время Совет Пятнадцати насчитывал двадцать два человека и состоял из трёх официальных группировок. Первую составляли маги ортодоксального толка, толковавшие заклинания как незыблемый набор магических формул, вторая группировка состояла из передовых магов, ратовавших за введение новых формул, и смело запускавших в действие новые, ещё неапробированные комбинации, а третья – третья включала в себя потенциальных предателей. Создание третьей официальной группировки было блестящей идеей нынешнего магистра клана Нисы Намлока. Надо признать, идея была удачной. По замыслу магистра, всякий член Совета, кто сомневался в себе, писал заявление, и его тут же включали в группировку потенциальных предателей, что значительно облегчало магистру наблюдение за магами, способными на измену. В третьей группировке состояло пять магов второй руки и один – первой, все они были зачислены в неё вопреки своей воле в приказном порядке, и потихоньку привыкали к новой для себя роли. Время от времени они пытались опровергнуть свою плохую репутацию, вынося на Совет различные полезные инициативы, но каждый раз с дружным кличем «Нечего слушать предательские бредни!» их предложения отвергались.

В зале заседаний стоял тот особый ползучий ропот, что присущ всякому месту, где какое-то количество народу ждёт начала мероприятия. Увидев входящего Хромой Сома, магистр Ниса Намлок поднялся со своего председательского места, звякнул пару раз колокольчиком и величественно произнес:

– Господа маги, мы можем начинать! Во славу Вентаны!

– Во имя Вентаны! – нестройным хором отозвались члены Совета Пятнадцати.

Хромой Сом, на ходу кивая в знак приветствия сидящим магам, торопливо занял своё место в секторе соискателей на звание кандидатов. Ему было стыдно за своё почти опоздание, но, как мы уже знаем, маг почти смирился с тем, что ни кандидатства, ни тем более Совета ему не видать как своих ушей, поэтому, кроме стыда, был в его поведении этакий вызов, знаете, фрондёрство некоторое.

Впрочем, никто на это внимания не обратил.

– Все вы знаете, что камень показал наличие угрозы. – Ниса Намлок говорил сухо и деловито, стараясь уже своими интонациями настроить Совет на рабочий лад. – На этот раз ветер судьбы дует с запада. И посему нам надлежит обсудить три вопроса! Первый вопрос: угроза и её возможные источники, второй вопрос: что нам делать с угрозой и её возможными источниками, и третий вопрос: доходы и расходы клана на следующий год. Рассмотрение вопросов по претендентам на звание кандидатов, – здесь магистр значительно посмотрел в сектор соискателей, коих, кроме Сома, набралось ещё трое, – отложено на неопределённый срок.

Все четверо изобразили облегчение. Неписанный кодекс учёного мага предписывал*** всегда изображать сомнение по поводу законченности его работы. Стало быть, отложение рассмотрения оной давало якобы возможность довести её до полного, невообразимого совершенства.

(***Каково, а? Неписанный – предписывал! Но дело обстояло именно так. – Прим. сост. хроник).

Но Хромой Сом и впрямь почувствовал облегчение – и очень сильно этому удивился.

– Прошу высказываться! – сказал тем временем магистр.

Все посмотрели на предателей, поскольку по заведённой с некоторых пор традиции первыми слово давалось именно им. Это позволяло остальным сориентироваться, определить, так сказать, откуда, а самое главное – куда дует ветер. Потенциальные предатели уже собрались в кружок и о чём-то шептались. Слово «шанс», произнесённое с различными интонациями, несколько раз вырвалось из одного кружка и доносилось до ушей остальных магов. Затем они также быстро расселись по своим местам. В их взглядах ясно читались надежда и желание перемен.

– Нам кажется, что вопрос очень серьёзный! – начал говорить маг первой руки Боса Нова, лидер потенциальных предателей. – Как говорил великий Вентана, «Простой волшебник пользуется окнами, а великий их создаёт». Поэтому мы предлагаем послать разведчиков на запад, послов в Пемолукс и в оба Ортаска на предмет подтверждения союзнических обязательств, а также объявить частичную мобилизацию.

– Ага! – вскричал Тортилл Быстроногий, маг первой руки, возглавлявший группировку магов ортодоксального толка, – тут молодой человек поминал всуе великого Вентана, и поэтому я позволю себе напомнить, что великий Вентана призывал также опасаться предателей! И поэтому ...

Тут все члены Совета, за исключением потенциальных предателей и ещё пары магов, вскочили со своих мест и дружным хором вскричали:

– Нечего слушать предательские бредни!

Секторы соискателей, помощников и учеников, которым было дозволено присутствовать на заседании, заплотировали. Особый окрас реплике Тортилла придавало то обстоятельство, что лидер магов ортодоксального толка был младше предателя Босы Новы на три месяца. Хромой Сом с места не вскакивал, потому что, во-первых, он ничего против потенциальных предателей не имел, а во-вторых, он был всего лишь соискатель звания кандидата в Совет Пятнадцати. А раздухарившиеся маги меж тем с неподдельным энтузиазмом вбивали зарвавшихся потенциальных предателей в рамки приличий. «Чтоб и детям их неповадно было!!!», – кричали маги, потрясая томаами заклинаний. Особенно усердствовал Тортилл, в административном порыве вдохновенно клеймя «обманом втёршихся в Совет ренегатов». Предатели с оскорбленным видом молчали. Впрочем, жалеть их особенно не стоило, процедура была самая что ни на есть рутинная, и в той или иной форме имела место на каждом заседании Совета.

Наконец маги устали и начали рассаживаться по своим местам, устало вытирая вспотевшие лбы. Ниса Намлок сотворил заклинание очищения, и по Залу Заседаний стремительно пронеслись бестелесные тени, вытирая магам лбы ароматическими салфетками. Последним по залу, не торопясь, проплыл бестелесный казначей, собравший с магов по четверти уеда за оказанные услуги, и заседание было продолжено.

– А сами-то вы что предлагаете? – вздорным голосом сказал лидер предателей. Тортилл Быстроногий широко улыбнулся.

– Эх! Я ждал этого вопроса! – воскликнул он. – Нам, магам ортодоксального толка, угроза с запада представляется сильно преувеличенной. При имеющейся у нас линии Мажорино и системе охранных заклятий бояться вторжения просто глупо. И потом, разве не бывало так, что камень ошибался и принимал мнимую угрозу за истинную? Впрочем, даже если угроза и есть, то, согласно принципу Тайного окна...

– «Магия не ходит через дверь», – неожиданно дружно процитировали ортодоксальные маги.

– Именно, – весьма довольным голосом сказал Тортилл. Сом не без оснований заподозрил, что эта внезапная хоровая вставка была тщательно отрепетированной. – Магия не ходит через дверь, а у нас вроде как имеется претендент.

– Претендент? – быстро переспросил Боса Нова. Хромой Сом вдруг почувствовал, как часто забилось в груди сердце. Претендент! Неужели он станет свидетелем того, как сбудется хотя бы одно из Утерянных Пророчеств?!

Ниса Намлок же еле уловимо поморщился. Во-первых, Тортилл Быстроногий иногда раздражал его неуместным цитированием, а во-вторых, информацию о Претенденте он хотел придержать. Но, как вы понимаете, было поздно.

– Да, Претендент! Кандидат! – продолжал меж тем Тортилл радостно. – Тот, кто может совершить четыре Поступка и станет королем Возлеморья!

– Вы уверены? – недоверчиво спросил кто-то из магов.

– Вполне! – твёрдо ответил Быстроногий.

– И что он делает сейчас?

– Личность его ещё не установлена. Но у нас есть основания полагать, что в настоящий момент он направляется к замку Бленд, где должен совершить свой первый Поступок.

Эту фразу Тортилл проговорил, с каждым словом снижая громкость голоса. В зале заседаний воцарилась тишина, и было отчётливо слышно, как бьётся в правом верхнем углу помещения муха. Кто-то из потенциальных предателей потрясённо пробормотал, и каждый из магов скорее догадался, нежели услышал:

– Убить дракона.

Прежде чем продолжать наше повествование, составителям хроник хотелось бы немножко поговорить о предателях. Кое-кто, являясь по природе своей недалёковидным и ограниченным типом, считает, что предателей не должно быть. Мы*** же придерживаемся несколько иного мнения, а именно мы считаем, что предатели – это очень нужные люди, без них мир был бы скучен и сер, без них герои не попадали бы в трудные положения, из которых с честью бы выходили, то есть, говоря короче, без предателей не было бы героев. Кто бы слышал об отважном пятнадцатилетнем капитане Дике Сэнде, если бы не негодяй Негоро? Кто бы узнал о трагической любви Отелло, если бы не гнусный Яго? А триста спартанцев? Кто бы знал о них, если бы не этот? Как его...

(*Составители хроник имеют в виду нас – выдающихся мастеров пера, властителей дум и т.д. – Прим. сост. хроник. – Быстро вы. – Язвительн. прим. переводчика).

Нет! То есть да! Предатели всякие нужны, предатели всякие важны! Как критерий честности! Как те, кому можно набить морду и быть при этом правым! Как важнейший источник интриги, наконец! На этом мы заканчиваем лирическое отступление на тему предательства и возвращаемся в зал заседаний Совета Пятнадцати.

– Наш прямой долг – помочь Претенденту! – вдохновенно вещал Боса Нова. – Нам несказанно повезло! Не каждому поколению магов удастся стать свидетелями того, как сбываются Пророчества!

– Ну что мы можем сказать на это! – нехорошо улыбаясь, встал со своего места Паза Скроллок, высокий златокудрый красавец, правая рука магистра и его ближайший помощник, и все хором подхватили:

– Нечего! Слушать! Пре...

– Погодите! – Хромой Сом неожиданно для себя обнаружил себя выступающим на заседании Совета пятнадцати. Ощущение было не из приятных – очень сильно билось сердце, во рту было сухо, и дрожали колени. Однако при этом задним планом сознания Хромой Сом с некоторым удивлением отмечал, что говорит он довольно складно. – Причём тут предательские бредни? Уважаемый Боса Нова прав! Мы действительно должны помочь несчастному юноше! Иначе он просто сломается под тяжестью этого бремени!

– Что делать, уж такова претендентская доля! – несколько философически отвечал ему на это Паза Скроллок. И тут неожиданно в разговор вмешался сам магистр Ниса Намлок.

– Господа маги! Господин соискатель Сом, – чуть тише, но очень выразительно произнёс он. Сила интонации магистра была такова, что Сом сел. – Позволю себе напомнить о втором поступке Претендента! Каждый из вас знает, что вторым своим поступком Претендент должен стать Королем Нелюди. А это значит, что поскольку первый поступок Претендентом исполнен, то теперь он попытается связаться с Тёмной силой, ибо другой возможности стать Королем Нелюди я не усматриваю.

– Тогда тем более должен быть попечитель, – упрямо сказал Хромой Сом с места. – Если уж суждено кому-то стать Королем Нелюди, то, по крайней мере, мы должны быть об этом осведомлены из первых уст.

– Вот! То ли дело, клянусь Тремя Касаньями! – вскричал Тортилл Быстроногий. – Приятно послушать умного человека! Даром что соискатель! Не то, что эти ...

И его группа магов ортодоксального толка хором подхватила:

– Предательские бредни!

Довольный Тортилл аж потряс в воздухе кулаком – настолько слаженно они гаркнули. Паза Скроллок еле заметно поморщился. Затем, немного подумав, он произнес:

– Хорошо! Всё, что вы тут говорите – это прекрасно! – Маги приосанились. – Но кто? Кто возьмет на себя бремя помощи Претенденту? – Маги заметно поуявили. – Кто разделит с ним все тяготы и лишения претендентской жизни? – Маги приняли отчётливо скромный вид. – Кто, наконец, если понадобится, отдаст жизнь, жизнь мага, полную приятностей и излишеств, за жизнь Претендента? – Маги стали совсем уж какие-то незаметные, и тут Боса Нова неуверенно произнёс:

– А может, согласно древней билгейтцкой пословице ...

– Нечего слушать предательские бредни! – раздался было чей-то одинокий голос. Маги осуждающе посмотрели на кричавшего, и тот быстро утух; затем Тортилл Быстроногий широко улыбнулся и вскричал:

– Точно! Молодец, Боса! Как говорится, кто сказал, тот и побежал! – и все радостно посмотрели на Сома.

– Да будет так! – после недолгого раздумья затвердил сказанное магистр Ниса Намлок. – Магу второй руки Хромой Сому надлежит доставить Претендента в Билгейтц, для подтверждения его притязаний на высокое звание Претендента. Отныне и до окончания его миссии маг второй руки Хромой Сом нарекается Попечителем Претендента со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до обмена жизнь на жизнь! Решение вопроса о вступлении мага второй руки Хромой Сома в число кандидатов Совет пятнадцати будет напрямую зависеть от успеха его миссии. А для того, чтобы скрасить долю Попечителя, приказываю этой миссии придать статус Приключения, Которое Бывает Раз В Жизни!

Все мысленно ахнули. Ахать вслух не позволял статус мага, то есть человека бывалого и многое повидавшего, а вот мысленно – пожалуйста.

– Гм, – сказал Паза Скроллок, как бы про себя, но так, что все обратили на него внимание. Есть такие люди, которые говорят вроде как себе под нос, а внимание при этом привлекают всеобщее.

Ну так вот.

– Гм, – сказал Паза Скроллок. – Приключение, которое бывает раз в жизни – это, конечно, хорошо. Но давайте подойдём ко всему этому делу чуточку обстоятельнее.

Ниса Намлок поморщился – намёк на то, что дело, которым руководил он, сам магистр, было обставлено не совсем обстоятельно, был ему неприятен.

– Что вы предлагаете, уважаемый Паза? – немножко чуть более резко, чем требовалось, спросил магистр.

– Я предлагаю сходить к камню и попробовать выяснить личность Претендента. И давайте ещё хотя бы посмотрим, что это за угроза такая, – самым своим рассудительным голосом сказал Паза Скроллок. Все посмотрели на Нису Намлока.

– Ну-у... – сказал магистр, – почему бы и нет.

И все дружно и непроворно стали подниматься со своих мест, чтобы проследовать в тот самый внутренний дворик.

Прошёл добрый десяток минут, прежде чем все собрались вокруг Камня.

Магистр подошёл к Камню, сунул руку вовнутрь и что-то там покрутил. Затем отошёл на два шага, приосанился, откашлялся и звучным голосом произнёс:

– О Камень, покажи угрозу нам!

Все замерли. Воздух над камнем задрожал, словно от сильного жара, заколыхался, и в этом мареве стала проступать некая картинка. Изображение было объёмное и на удивление чёткое.

– Па-азвольте! – от удивления Хромой Сом заговорил вслух. – Это же Микки с'Пелейн!

– Что ещё за с'Пелейн? – недовольно спросил Магистр. По камню тут же пошла рябь, картинка моргнула, изменилась и постепенно набрала чёткость.

Камень показывал какой-то город.

– Ага... вот это другое дело, – сказал Ниса Намлок. – Это Эрнст-столица.

Магов это известие сразу как-то успокоило. Дакаск был враг привычный, можно сказать, обыденный, ну и добавьте наступившую определённую.

– Интересно, – задумчиво сказал Тортилл Быстроногий. – Что ж они такого придумали...

– А теперь... – прервал его Ниса Намлок и снова приосанился. – О камень, покажи нам Претендента! – выкрикнул он звучным голосом, и тотчас картинка задрожала, расплылась, затем пошла какими-то цветными искрами, на мгновение вообще было погасла, но тут же вспыхнула снова.

– Опять Микки с'Пелейн? – удивился Тортилл. – Мы же просили показать Претендента! Я ясно слышал – покажи Претендента нам. Или... а! вот оно что!

И заткнулся.

– Так, – сказал Ниса Намлок, внимательно глядя на Хромой Сом. – Уважаемый Сом, вы нам сейчас подробно растолкуете, что это за с'Пелейн такой.

Заметили? Он сказал «уважаемый Сом», а не «уважаемый соискатель Сом».

По окончании совещания маги быстро разошлись по делам. У каждого из них в Билгейтце, столица как-никак, было полно дел – заказы, поручения, покупки и прочая дребедень. Словом, все маги повели себя в высшей степени благочинно. И лишь Паза Скроллок повел себя очень подозрительно. Вернувшись в свои роскошные покои... Да! Мы не оговорились, покои действительно роскошные! Одних ковров, дорогой читатель, насчитывалось пять штук и это только в гостиной! В углу мерно булькал здоровенный аквариум с пятнадцатью золотыми рыбками! А шкура асхамадейского тигра, небрежно брошенная на пол! Да и много ещё чего!

Ну так вот, вернувшись в свои покои, Паза Скроллок не стал предаваться всей этой роскоши, а первым делом заперся, закрыл плотными шторами окна, затем проверил свои апартаменты на предмет наличия посторонних, затем посмотрел на часы и сел на диван. Через семь минут, ровно в два часа дня он встал, сдёрнул покрывало с шара магической видимой связи (тоже, между прочим, дорогая штука!) и произнес заклинание видимой связи. По матовой поверхности шара пробежала волнистая рябь, и в полный мах громыхнули первые аккорды гимна Билгейтца, начинавшегося со знаменитых слов «Нас не погонишь с поля битвы налегке, мы что-нибудь с собою да захватим...». Паза Скроллок поспешно произнес заклинание уменьшения громкости. По шару прошла какая-то недовольная рябь, затем что-то щелкнуло, и на экране появилась чьё-то лицо.

- Здравствуйте, господин Кларик! – сказал Скроллок и поклонился.
- Здорово-здорово, – сказал кавалер Кларик. – Какие новости? Есть что интересное?
- Есть, – отвечал Скроллок.
- Слушаю тебя внимательно, – сказал Кларик.
- Претендент объявился, – быстро сказал Скроллок.
- Вот как? – задумчиво протянул Кларик. – И кто же он?
- Микки с'Пелейн! – ответил Паза Скроллок. – Тот, кто убьёт дракона.
- Убьёт дракона? – произнес Кларик. – Разве человеку под силу такое?

Тон его был оскорбительно небрежен и недоверчив.

- Это не обычный человек, господин кавалер, – твердо ответил маг. – Это Претендент.

Кавалер Кларик задумался. По шару магической видимой связи медленно пробегали цветные сполохи, освещая затемнённые покои мага. Пауза затягивалась. Паза Скроллок вынул из кармана кисет, трубку, огниво и, свершив все необходимые действия, закурил.

– Его надо найти! – внезапно сказал кавалер Кларик. Златокудрый маг вздрогнул, выронил трубку и непонимающе уставился на шар.

– К-кого? – наконец выдавил из себя Паза, не замечая как от ковра, лежащего на полу, потянулась вверх тоненькая струйка дыма.

– Претендента! – недовольно сказал Кларик. – Я вообще с кем разговариваю? На кого я трачу цветы своей селезенки?

– А зачем его искать? По имеющимся у меня сведениям Претендент в настоящий момент находится в окрестностях замка Бленд, – немного обиженно сказал Паза Скроллок, бессознательно приносиваясь к чему-то.

- Замок Бленд, – задумчиво сказал Кларик, – нейтральная территория... Это хорошо.

Изображение в шаре медленно погасло, а Паза Скроллок, неожиданно обнаруживший, что его асхамадейский ковёр дымит, запрягал по комнате в поисках воды.

Утром следующего дня в складах клана маг второй руки Хромой Сом готовился к Приключению. Ему надлежало получить довольно большое количество разного снаряжения, как то: пара лошадей, седла, седельные сумы, тулуп, палатку, дождевик, походный гроб, арбалет с запасом стрел, походный магический жезл, коробку бульонных шариков, мешок прессованного овса, надувную лодку из склеенных бычьих пузырей и много чего еще. В этом смысле Приключение когда-то было довольно выгодной штукой, поскольку мало кто тащил всю эту гору с собой. Обычно всё это добро оставлялось родным и близким, которые с удовольствием всем этим пользовались (особенно походным гробом, в котором было очень удобно замачивать белье), поэтому ныне во избежание такого непотребного использования походного снаряжения на каждый предмет ставилась литера «П», и время от времени посредством магической связи наличие снаряжения дотошно проверялось.

Строго говоря, хватило бы одного походного магического жезла и кошелька с деньгами, но с тех пор как один из магов, отправленных в Приключение, потерял и то и другое, вследствие чего благополучно Приключение провалил, на всякий случай стали выдавать кучу всякого добра.

По мере того, как росла гора предметов, выдаваемых управляющим делами магистратуры, Хромой Сом мрачнел всё больше и больше. Окончательно добила его увесистая пачка тряпочных трёхразовых зонтиков на все случаи погоды и полное отсутствие туалетной бумаги.

Вдобавок маг второй руки всё это время пребывал в несколько сбитом настроении. Внезапная зависимость его карьеры от успеха Приключения, а также прочие совпадения, цепочка которых была прочно связана с фигурой Микки с'Пелейна, всё больше и больше склоняли его к мысли, что он встретил ученика лекаря тёмной ночью в лесу не случайно.

Контрглава,

в которой властитель Эрнст начинает катиться по наклонной

– ...А сейчас он находится в Бленде. Сведения совершенно достоверны и получены от нашего человека в Совете Пятнадцати, – закончил шеф Тайной коллегии.

Властитель Эрнст задумчиво покивал головой.

– Хорошо, – сказал он. – Действуйте.

Кларик поклонился и вышел из кабинета.

Властитель Эрнст сделал обычное лицо, подошёл к огромному рабочему столу и сел в кресло. Не люблю предателей, подумал он, но как без них? Особенно в наше время. Раньше было хорошо, раньше даже слова такого не знали – шпион; а сейчас ни одна война без них не обходится. Не говоря уже о мирном времени.

Властитель рассеянно начал перебирать бумаги, лежавшие на столе. Проект приказа о введении карточной системы. Проект приказа о расселении города Ших. Доклад Сельскохозяйственной коллегии. Неутешительный, кстати сказать, доклад. А также секретная информация от шефа Тайной коллегии, содержащая оценку состояния вооруженных сил Ордена меченосцев, Вентаны и обоих Ортасков.

Нет, подумал властитель Эрнст, надо, надо воевать. И воевать надо внезапно, пока они не готовы. А раз надо воевать, пока они не готовы, стало быть, на скрижалях истории я и мой Дакас останемся как фигуры отрицательные. Ну и пёс с ним, совершенно не по-державному подумал Эрнст. Как говорил папа, всё для блага государства. А что до Претендента...

Властитель Эрнст позвонил в колокольчик. На пороге кабинета возник его верный слуга Карел.

– Карел, как только рассветёт, пусть ко мне снова явится Кларик. И ещё...

Злодей так злодей, подумал властитель.

– Приказываю выкрасить мой рабочий стол в чёрный цвет.

И отвернулся, чтобы не видеть испуга, отразившегося в выцветших глазах верного слуги.

Глава 7,

в которой наши герои всё-таки летят в Бленд;

битва с драконом

Дракон медленно и величественно парил над окрестностями замка Бленд. Его звали Могучий Куин, и, как и положено дракону, по сути своей он был рационален и, стало быть, беспощаден. В этот прекрасный майский полдень у него было настроение под стать окружающей его природе – тихое и спокойное. Барражируя над замком Бленд, дракон, неторопливо помахивая крылами, ловил восходящие потоки тёплого воздуха, и слегка цинично рассуждал о бренности всего земного, о суетности человеческих страстей, о том, как коротка порой бывает человеческая жизнь... Ему было приятно рассуждать об этом, ибо, как известно, драконы, в отличие от людей, живут долго. Драконы никогда не умирают своей смертью и растут в течение всей своей жизни. Старые драконы уже не могут летать, поскольку очень тяжелы и неуклюжи, и, как правило, именно старые драконы гибнут в схватках с молодыми и невоспитанными героями эпосов.

Тишь и благодать стояли вокруг. Ни одной живой души не было в поле видимости Могучего Куина. Люди и звери, не желая понапрасну рисковать, попрятались по домам и норам. Дракон в очередной раз пустил свои мысли по привычному кругу. «О, Великое Яйцо! Как всё-таки это глупо... Живёт человек, пашет, сеет – и тут прилетаю я! Посевы само собой сжигаю, скотину съедаю, самого человека заставляю платить дань, а то и вообще – коготком по горлышку и в колодец! Зачем? Почему? Для чего он жил и мучился? Не понимаю! Вот то ли дело мы – драконы! Живём в своё удовольствие! Летаем себе! Захотел есть – прилетел к какому-нибудь человеку! Посевы сжёг, скотину сожрал, самого человека заставил платить дань, а то и вообще – коготком по горлышку и в колодец! Весело!» Казалось, ничто не могло поколебать этого безмятежно-благодущного настроения, и даже насморк, подхваченный накануне – обсто-

ятельство, которое, кстати сказать, для наших героев стало решающим,*** – не мог испортить хорошего драконьего настроения. И тут в синем небе дракон увидел нечто такое, что сразу поломало привычный ход его рассуждений.

Со стороны Дерижабу прямо на Могучего Куина летела гигантская свинья.

(***Как известно, простуженный дракон не может извергать пламя. – Прим. сост. хроник. – Дракон к нашим героям не относится. – Ещё одно прим. сост. хроник).

На дирижабле было довольно весело. Казалось, кроме Эрвина, никто не понимал грозящей им опасности. В углу гондолы Микки покорял сердце Белинды лирическими стихами собственного сочинения.

– Свиньи любят чаще, но людская любовь чище! – вдохновенно завывал он, демоническим взглядом покорителя драконов пожирая Белинду.

Аманда и боевые свиньи глазели по сторонам и жевали булочки с дыркой посередине (подарок Мечела). Надо ли говорить о том, что до сих пор никто из них (особенно свиньи) не видел землю с высоты птичьего полета? Зрелище захватило их, время от времени Аманда тихонько повизгивала от восторга, свиньи вторили ей. Фаталист Балтазар Флай, с гордым видом держа одну руку на штурвале, рулил дирижаблем, обильно дымя трубкой. Было довольно жарко, и Эрвин сильно потел. Возможно, он не потел бы так сильно, если бы не глядел на Балтазара Флая, но не глядеть на Балтазара Флая, бодро курящего трубку, он не мог. В конце концов, меченосец подумал, что с этим надо как-то бороться. Подумано – сделано, и он решительно вытащил из груди вещей ножной вентилятор, подарок славного изобретателя Мечела. Хорошо осведомленному читателю ножной вентилятор сильно напомнил бы велотренажёр, для чего-то снабжённый пропеллером. Эрвин привёл прибор в рабочее положение, ещё раз посмотрел на Балтазара Флая, вздохнул и уселся в седло вентилятора. Где-то через пять минут усиленной работы ног меченосец почувствовал, что что-то тут не так. С одной стороны действительно, как и обещал Мечел, в лицо Эрвину дул приятный легкий ветерок, с другой стороны, никакого облегчения этот ветерок почему-то не приносил. Пот по-прежнему катился с Эрвина градом, более того, у меченосца возникло совершенно неправильное ощущение, что стало жарче. «Возможно, я слабо кручу педали, – напряженно рассуждал Эрвин, – наверное, я должен крутить педали быстрее!». Но странное дело! Чем сильнее Эрвин налегал на педали, тем сильнее он потел. В конце концов, агрегатом заинтересовались все. Аманда, Белинда, Микки с Пелейн, Бэйб, Бойб и Буйб сосредоточенно наблюдали за титаническими попытками Эрвина сделать себе прохладно. Даже фаталист Флай следил не столько за горизонтом, сколько за потугами меченосца. Эрвин предпринял ещё одну попытку взвинтить темп и ещё (!!!) энергичнее надавил на педали. Пропеллер вентилятора сорвался со своей оси и с басовитым гудением понёсся вперёд и вбок, пройдя на мизерном расстоянии от головы дирижаблевода-фаталиста, судорожно крутнувшегося штурвал, отчего дирижабль резко дернулся в сторону, а трубка Балтазара Флая упала на пол.

Именно в эту секунду дракон нанёс свой первый удар.

Впоследствии Могучий Куин утверждал, что всему виной была нелётная погода. Гром, молния, снег и метель, вкупе со сплошной низкой облачностью и солнцем, бившим прямо в глаза, говорил он на очередном слёте драконов, отчитываясь за предыдущие пятьдесят лет деятельности, именно все эти факторы привели к тому, что ни одна из пятнадцати попыток протаранить дирижабль «Гордость Оргаска» не увенчалась успехом. У! говорил он, так бы я им показал, но представьте сами, какая ужасная была погода, драконы честно пытались представить, ага, говорили они, снег и солнце, гром и метель, ага ... впрочем, мы забежали вперёд лет этак на пять.

Как и положено мастеру воздушной атаки, дракон зашел на цель со стороны солнца. Всякий, кто желает, атакуя, оставаться незамеченным как можно дольше, должен заходить со стороны солнца. Манёвр удался ему блестяще. На дирижабле до самого последнего момента не подозревали, что им грозит опасность, настолько всех увлекла эпопея с ножным вентилятором Мечела. Дракон бил наверняка, и именно поэтому он был изрядно ошарашен, когда с дирижабля с каким-то непонятным гулом вылетела какая-то штуковина, едва не задевшая Могучего Куина по носу, а сам дирижабль вдруг резко вильнул в сторону. Дракон с залихватским нечленораздельным воплем уверенно пронёсся мимо «Гордости Ортаска» и по инерции пролетел ещё поллата, пока до него не дошло, что он промахнулся. Рёв оскорбленного чудовища услышала вся округа, ну, кроме разве что пассажиров дирижабля. Впрочем, их можно понять, поскольку в эти мгновения на дирижабле развивались события тоже по-своему драматичные.

– Ты! – вскричал Балтазар Флай, гневно указывая перстом на Эрвина Кумана. – Ты хотел меня убить!

– Стоит ли принимать всё так близко к сердцу, – отвечал запыхавшийся меченосец.

– Слушайте, да какая вам разница, отчего умереть, – вмешалась в разговор Аманда. – Вы же фаталист!

– А вас, гражданочка, – сварливым голосом базарной торговки ответствовал Балтазар, – вообще просят помолчать!

– Чего?! – вспыхнула Аманда. – Какая я тебе гражданочка! – и залепила фаталисту Флаю пощёчину.

Пощёчины ортасских девушек – это что-то особенное. Аманда и Белинда были настоящими дочерьми своей земли и делали их как надо, с подскоком, упором и доворотом корпуса в бёдрах. От полученного удара Флай покачнулся, потянув за собой руль. Именно в этот момент дракон попытался нанести второй удар по дирижаблю, но «проклятая свинья» (это его собственные слова) внезапно и нелогично дернулась влево и дракон, несмотря на классически выполненный манёвр (заход со стороны солнца, поправка на ветер и прочая) второй раз со свистом пролетел мимо «Гордости Ортаска». «Да, – подумал дракон, – чего-то я как-то сегодня не в форме» и пошёл на третий заход, копя остатки ярости.

Меж тем на дирижабле, пришедший в состояние полнейшего негодования Балтазар Флай бросил управление на произвол судьбы (если, конечно, можно так назвать ученика лекаря) и начал гоняться за Амандой. Бэйб, Бойб и Буйб с удовольствием включились в игру и тоже начали бегать за Амандой. Полная справедливого негодования Белинда время от времени предпринимала неубедительные попытки помешать водителю дирижаблей и призывала на помощь мужчин. Однако Эрвин лежал без сил, утомленный неравной борьбой с ножным вентилятором и ничем помочь не мог, а если быть честными, и не особо хотел, так как счёл, что пусть лучше Флай бежит за Амандой, чем курит прямо возле отверстия с горючим газом. Юного же с Пелейна никакая сила не могла оторвать от штурвала дирижабля.

Романтика!

Время от времени Балтазар Флай спотыкался об какую-нибудь боевую свинью и тогда эфир оглашался проклятиями фаталиста и довольным визгом свиней.

А в это время Могучий Куин, совершив ещё более выдающийся по сравнению с двумя предыдущими тактический манёвр, приготовился к атаке. В третий (!) раз он, как учили, зашёл со стороны солнца с применением трёх (!) фигур высшего пилотажа (бочка, штопор и правило буравчика) и ринулся в атаку! Поверьте нам, это было красиво! Описав сложнейшую кривую в редких облаках, прямо на излёте её он в точности выходил на своего противника и обруши-

вался на него всей своей массой и мощью; на этот раз было учтено всё – сила ветра, температура воздуха, атмосферное давление, численность населения Южного Ортаска, но увы...

«Хочу – налево! – упоенно и безмятежно думал Микки, беспорядочно крутя штурвал. – Хочу – направо!» В этот миг какая-то огромная масса, изрыгая гнусавые проклятия, со свистом пронеслась мимо «Гордости Ортаска».

«О! – подумал Микки, – здорово, дракон... Дракон?!?!»

– Карусе-е-ель, то есть тьфу ты. Дракон! О! Помоги нам, Святой Ресет! – что было мочи завопил юный с'Пелейн и ещё крепче вцепился в штурвал.

Могучий Куин почувствовал, что сходит с ума. Уже три попытки окончились ничем, более того, проклятая свинья, похоже, намеревалась сама перейти в атаку. Во всяком случае, грозно виляя из стороны в стороны, она уверенно летела прямо на дракона, нагло поблескивая своими хитрыми глазками.

Всю безмятежность членов экипажа и пассажиров дирижабля как ветром сдуло.

– А-а-а! – кричали девушки, расширившимися глазами глядя на приближающегося дракона.

– Отдай штурвал! – кричал Балтазар Флай Микки с'Пелейну, вцепившемуся в штурвал.

– Драко-о-он!!! – кричал Микки, штурвала, однако, не отпуская. Свиньи тоже вносили свою лепту в акустическую палитру приключения бодрым визгом и хрюканьем.

«Лобовая атака?!! – подумал дракон. – Вот свинья! Откуда она знает, что по лобовым атакам у меня были двойки?» – и, отбросив сомнения, ринулся в лобовую атаку.

Эрвин понял, что медлить нельзя, и, собрав последние силы, приковылял к штурвалу и резко дёрнул на себя ученика лекаря, и они вместе упали на пол кабины. Освободившийся штурвал неожиданно легко для Балтазара Флая крутанулся в его сторону и, не удержав равновесия, отважный водитель дирижабля тоже упал на пол. Штурвал стремительно закрутился против часовой стрелки.

Могучий Куин, сжав зубы, неустрашимо летел вперёд, целясь в лоб дирижаблю, но в этот миг проклятая свинья закрутилась вокруг своей оси, подставляя дракону свою тыльную часть. От удивления дракон перестал махать крыльями и, естественно, пролетел ниже цели.

– Пожар! – хором кричали Аманда и Белинда, показывая пальцем на дно кабины. Действительно возле правого борта, лениво разгорался огонек от упавшей трубки Балтазара Флая. Балтазар Флай снова бросил штурвал на произвол судьбы и вместе с Микки и Эрвином ринулся тушить пламя.

«Ага! – подумал дракон, заходя на следующий круг. – Дым! Она что, тоже огнетворящая? Не, ну точно свинья! Знает же, что у меня насморк!»

– Отпусти штурвал, идиот! – орал Флай, судорожно пытаясь взять управление на себя.

– Дракон! – продолжал орать Микки. Аманда с Белиндой от непрерывного визга потеряли голос и уже не могли кричать так громко, у Эрвина зверски болели ноги и слезились глаза, из-за того что небрежно потушенная кабина сильно дымила; в общем, в дирижабле царил хаос, и лишь боевые свиньи Ортаска сохраняли спокойствие. Бэйб любопытства ради подошел к краю кабины, встал на задние копытца, выглянул наружу, и его взору предстал Дракон Атаку-

ющий во всем своём великолепии. Бэйб истерично взвизгнул и ринулся удирать в противоположном направлении – но куда ты денешься с воздушной лодки? Поэтому первым делом он снёс Микки с Пелейна и Балтазара Флая, отчего дирижабль снова болтануло, затем врезался в борт, пробил его и застрял головой и передними ножками наружу.

– А это ещё что за шнурок, – сказал Микки и дёрнул.

В его оправдание скажем лишь – ну надо ведь было что-то делать.

– Не трогай! – вскричал фаталист Балтазар Флай, но было поздно. С пронзительным шипением горячий воздух начал выходить из оболочки дирижабля, и «Гордость Ортаска» пошла вниз, а над нею промчался в который уже раз промахнувшийся дракон.

Куин рассвирепел окончательно и начал совершать многочисленные, но безграмотные с тактической точки зрения и совершенно неподготовленные атаки. Дирижабль стремительно терял высоту, и последний удар дракон наносил сверху вниз, но, видимо уже по привычке, промахнулся и с полного разгона вцепился в благодатную землю Бленда, а через десять секунд на расстоянии в поллота от места воткнувания Могучего Куина жёстко приземлилась и дымящая «Гордость Ортаска».

Некоторое время дракон лежал неподвижно, затем его туша шевельнулась, и дракон, медленно и неловко ворочая телом, сел по-собачьи. Он, совсем как человек с похмелья, обхватил голову передними лапами и потряс ею. Затем он посмотрел на упавший дирижабль, встал на четыре лапы и сделал несколько шагов к нему. Было видно, что каждый шаг дается ему с большим трудом. Дракон выглядел, как клерк, идущий к начальству за разгоняем – не хочется, а надо. В конце концов дракон остановился, почесал передней левой лапой затылок, выплюнул несколько небольших белых осколков и громко сказал:

– Да фтоб я ефё фаз фвявалфя фо финьями! – После чего тяжело расправил крылья и с места взлетел в воздух. Он медленно и неровно набрал высоту, сделал круг, плюнул в сторону дирижабля ещё раз и, вихляя, качаясь и рыская, полетел на север.

Эрвин пришел в себя по двум причинам. Во-первых, сильно болели ноги, а во-вторых, над самым его ухом кто-то властно отдавал распоряжения.

– Бойцы сопротивления! Скорее! Враг дремлет! – уверенно говорил некий обладатель звучного голоса. – Спешите, мы должны успеть!

Открыв глаза, меченосец увидел своих друзей, живописно разбросанных по полу дирижабля в самых пикантных позах, задницу Бэйба, торчащую из пробитого борта, а также то, как по дирижаблю с деловитым видом туда-сюда снуют энергичного вида мужчины, вооруженные косами, перекованными в пики, вилами и иногда мечами, бодро вынося наружу пожитки Эрвина и его друзей. Время от времени кто-нибудь из них, развлекаясь, походя пинал Бэйба по пятой точке, на что мужественная свинья отвечала негодующим визгом. Выглянув в иллюминатор, Эрвин с удивлением увидел, что поклажа грузится на какую-то подводку.

– Поспешим, бойцы сопротивления, а не то мы можем не успеть! – громко продолжал командовать обладатель энергичного голоса.

– Позвольте! – вскричал удивленный меченосец. – Это же наши вещи!

– Не успели! – незамедлительно среагировал обладатель звучного голоса. – Ну что ж, тогда давайте знакомиться! Командир прославленного партизанского отряда Гжегож Окорункву!

Энергичного вида мужчины немедленно стали подводку разгружать и тащить вещи обратно. Положительно неленивый народ обитал в этих местах!

– Партизанского? – переспросил Куман. – А против кого вы партизаните?

Здесь он сделал такое движение головой, будто разминая шею, отчего разгрузка подводки ещё более ускорила.

– Против дракона, конечно! – с некоторым даже удивлением (как! есть люди, которые этого не знают?!) отвечал Гжегож Окорункву.

– Ага! – сказал Эрвин, не глядя на своего собеседника. – А если не секрет, то, как именно вы партизаните?

При этом он сцепил пальцы и с ужасающим треском вывернул кисти наружу, затем увесисто попрыгал. Кабина дирижабля закачалась. Среди энергичных мужчин случился обморок.

– Ну, мы устраиваем в лесу засады, у нас есть две конспиративные пещеры, – сказал Гжегож с безмятежностью светлой и дружелюбной. – Но чем мы особенно гордимся – мы поджигаем мосты! На нашем счету уже два сожженных моста!

– А мосты-то тут причем? – поинтересовалась Аманда, которая тоже успела очнуться. Эрвин с удивлением ощутил что-то в своей руке и понял, что она как бы между делом подала ему ножны с мечом. Он посмотрел на неё, а Аманда посмотрела на него в ответ.

Длилось это не дольше секунды.

– Понимаете, этот дракон такая гадина! – горячо начали объяснять партизаны. – Если увидит, кто по мосту идёт, подлетает и начинает бедолагу гонять туда-сюда, а с моста куда деваться? Вот мы и решили лишить гада этого удовольствия!

– Кстати, – сказал Гжегож, – кто капитан этого героического дирижабля?

В это время из дирижабля раздались стоны и натужное кряхтенье фаталиста Балтазара Флая.

– О, залётные дети эфира! – вскричал водитель аэросвиньи, неловко вылезая из кабины. – Какого дьявола!

– Вот он! – сказал меченосец.

– Кто? – сказали партизаны.

– Капитан этого героического дирижабля.

– Где? – сказали партизаны. – А! ... Здравсьте!

Гжегож Окорункву подошел к Балтазару Флаю и, решительно схватив его за руку, энергично начал её трясти.

– Весьма! – с воодушевлением заговорил он. – Весьма польщен! Гжегож Окорункву! Командир партизанского отряда, можете называть меня просто отважным командиром прославленных блендских партизан! Рад познакомиться с таким знаменитым асом! Видел, как ловко вы маневрировали! Восхищён!

– Ага! – сказал Балтазар Флай, вырывая руку. – Вы имеете в виду... Ну да! Конечно! Маневрировали! Лично я! Пятнадцать лет за штурвалом, клянусь Летучей Жабой – матерью всех дирижаблей! Видите ли, по натуре своей, я, Балтазар Флай, фаталист ...

Через пятнадцать минут все уже были знакомы достаточно коротко. Девушки, Бойб, Буйб и Микки вполне пришли в себя и с удовольствием общались с партизанами, ведшими себя крайне дружелюбно; некоторые из них лишь иногда косились на Эрвина, который внимательно следил за каждым. Особенно сплотила всех процедура выколупывания Бэйба из обшивки дирижабля. Потом все немножко согрелись, бегая от разозленного потомка боевых оргтасских свиней, что тоже довольно сильно их сплотило, особенно тот момент, когда они все, загнанные в кабину дирижабля, дружно орали разные слова в адрес Бэйба, а ещё через полчаса, кое-как задоблив сына свиньи снедью, партизаны вкупе с нашими героями двинулись к лагерю.

В лагере сопротивления было довольно людно. Наши герои сидели в партизанской харчевне и обедали; там было полно хорошеньких девушек, сбежавшихся сюда со всех сторон, чтобы посмотреть на отважного победителя дракона. Почему-то среди них возникло и стало обрастать дополнительными подробностями убеждение, что именно Микки с'Пелейн и есть тот самый отважный водитель дирижаблей, победивший дракона, что он умён и отважен (что

было, в принципе, не так уж и далеко от истины), что в любви он бог (что было довольно далеко от истины), и что он лично убил трёх драконов (что вообще не имело с истиной ничего общего). Девушки с селянской простотой во все глаза глядели на юного с'Пелейна, самые смелые из них строили ему глазки. Кончилось тем, что Белинда отвела ученика лекаря на кухню и там, к вящему восторгу партизанских поварят, поговорила с Микки на повышенных тонах.*

(***М-да, если эта девица позволяет себе подобное, то похоже, что-то в развитии отношений Белинды и Микки мы с вами, дорогой читатель, пропустили... – Прим. сост. хроник).

Закончив обедать, наши герои вышли на улицу и обнаружили там терпеливо ожидавшую их толпу, в основном, состоящую из селян, партизан и ремесленников Бленда. Увидев выходящих из харчевни друзей, толпа дрогнула и вытолкнула из своих глубин крепкого пожилого мужчину. Он кашлянул и спросил:

– Кто из вас победитель драконов?

– Это он! – радостно загалдели местные девицы, выбежавшие следом. – Вот этот славный юноша! – и дружно состроили Микки глазки. Белинда сочла своим долгом ушипнуть юного с'Пелейна. Тот ойкнул, а девицы с ненавистью посмотрели на Белинду.

– Уважаемый! – торжественно обратился к Микки крепкий пожилой мужчина. – Ты – убийца драконов! Мы понимаем, ты, конечно, устал после битвы, но начатое дело надо закончить!

– Извините, – ошарашенно отвечал Микки, – но мне кажется, вы меня с кем-то путаете! Селяне переглянулись.

– Скромный! – негромко сказал один.

– Не хвастун, – отметил второй.

– Это хорошо, – подытожил крепкий пожилой мужчина и продолжил: – Могучий Куин побеждён, но в замке Бленд осталось его семя. А из любого дракончика рано или поздно, если его не убить, вырастает дракон...

– И что? – холодея от предчувствия, спросил юный с'Пелейн.

В полдень следующего дня на дороге, ведущей к замку Бленд показался одинокий путник. Но никто не следил за ним со стен замка, не пропели приветственно трубы, встречая гостя, не скрестила копыта стража, вопрошая у путника, кто он такой и откуда прибыл, ибо в замке Бленд с тех пор, как там поселились драконы, не было ни одного человека. Микки подошел к опущенному мосту, тоскливо оглянулся, постоял и медленно вошёл в открытые ворота замка, сжимая в потной ладони рукоять Гринписа.

...Ликующая толпа воздавала почести Микки с'Пелейну. Сам же герой улыбался через силу, поскольку ему было очень не по себе. Очень, очень сильно не по себе, потому что, может быть, именно в этот момент мир перестал быть таким простым и безразличным к нему, каким был раньше.

Баллада о доблестном Микки с'Пелейне, победителе дракона

Народная Песня на одном листе

В прекрасный замок Бленд пришла беда

Примчался с севера могуч и нелюдим

Расправив свои грозные крыла

Дракон по имени Могучий Куин

Спалив дыханьем злым и дол и лес

Прохожих он гоняет по мостам

Но Микки Доблестный сказал тогда при всех

«Ему за всё мечом своим воздам!»

Он молод был, но мудр не по годам

И кровь была у Микки горяча
Он верил в справедливую судьбу
И лезвие надежного меча
Чтобы вступить с драконом злобным в бой
На крыльях веры в небо он взлетел
В небе синем твердою рукой
С драконом злобным делал что хотел
Была нелегкой битва в небесах
Семь дней и семь ночей они дрались
Но рыцарь на прирученных ветрах
С драконьей головой спустился вниз.
Героя не забудем никогда!
Он наше небо от врагов освободил
И в наших землях ждет его всегда
Постель с периной и горою пир!

Продолжение контрглавы,

той самой, основной целью которой было окончательно запутать читателя при помощи введения новых действующих лиц и привходящих обстоятельств

Военные успехи, одержанные армиями Трёх княжеств в борьбе против Вентаны, дали любопытный эффект. Князья и население Трёх княжеств осознали, что три княжества сильнее, чем одно, и решили объединиться. Но, как известно, только дурацкие решения претворяются в жизнь легко и просто, решения же конструктивные и сулящие благо постоянно натываются на разного рода препятствия. Князья довольно долго спорили на эту тему: орали, топали ногами, трясли космами, лохмами и патлами, но так ни к чему и не пришли. Единодушны они были лишь в одном: это не должно быть демократическое государство. Мысль эту выразил князь Люксенгартский Пикок Лохматый.

«Лично мы, – сказал он, разумея под этим «мы» себя и своё княжество, – не настолько богаты, чтобы позволить себе демократию, выборы и прочую шелупень. И потом, мы ведь народ простой и гордый. Ежели надо выбрать между справедливостью и богатством, мы выбираем справедливость».

И, что характерно, остальные князья его поддержали. Ясное дело, это будет королевство, сказали они. Но вопрос при этом остался открытым.

Кто будет королём?

Сейчас уже трудно установить, кто первым высказал мысль о сменных династиях, ибо разные источники говорят об этом по-разному. Историки Моррвильского Высшего Колледжа утверждают, что, скорее всего, мысль эта пришла в голову Алдону Косматому, когда он в редкие минуты отдыха наблюдал за кувыркающимися на лужайке щенками. Летописи, хранящиеся в архивах Княжеской библиотеки Пеласта, гласят, что вероятнее всего эта идея родилась в голове Коботина Лохматого, когда он, устав от забот, перед сном наблюдал за коптящимся на вертеле окороком. Люксенгартская же «Былина о Рыцаре Бедном» прямо утверждает, что придумал это Пикок Патлатый во время любовных утех.

Составители склонны полагать, что, скорее всего, правы люксенгартцы, ибо голь на выдумки хитра.

Идея была проста и эффективна. Было решено, что династии будут править по очереди. Смена Короля происходила в торжественной обстановке 29-го февраля, то есть раз в четыре года.

Так появилось королевство Пемолукс, получившее своё имя из названий трёх первых букв составляющих его княжеств – «пе», «мо» и буквы «люкс». Из-за того, что правили им попеременно Рубиновая, Берилловая и Стразовая династии, королевство обрело второе своё

название – Изумрудное королевство. Все князья получили королевский титул, но в зависимости от того, кто чем в данный момент занимался, каждый имел к титулу приставку – Действующий, Отдыхающий и Бездействующий.

Кроме того, в королевстве имелся законодательный орган – Парламент. Но, прекрасно осознавая, какую пользу и какое зло может принести Парламент королевству, короли Пемолюкса придумали весьма хитроумный способ избежать вреда. Был учрежден Праздник низложения Парламента, ставший впоследствии весьма популярным в народе,

Праздник заключался в том, что в этот день, на рассвете всё население Пемолюкса, включая королей, и исключая членов Парламента, надевало карнавальные маски и до заката солнца бегало по стране в поисках членов Парламента с целью побить. Формула праздника была прекрасна и лаконична: «Парламент низложен, кто не спрятался, я не виноват». Само собой, хорошим членам парламента доставалось чисто символически, плохим – весьма ощутимо. В общем, это был очень хороший праздник, с подлинно праздничной атмосферой, весьма способствовавший сплочению нации.

После праздника Парламент переизбирался и переезжал в действующую столицу. У несведущего читателя может возникнуть вопрос – а что, собственно, мешало членам Парламента во время праздника тоже нацепить маски, и бегать по стране, имитируя поиски самой себя? Причин тут несколько: во-первых, член парламента, которого не смогли найти, лишался пожизненно права избираться на пост члена Парламента, во-вторых, его можно было бить до конца года, и маску можно было при этом не надевать.

Так что в настоящий момент в Пемолюксе имелось три короля: Атутин Стразовый Отдыхающий, Бегутин Бериллиевый Действующий и Гаматин Рубиновый Бездействующий. Теперь, когда читателю ясно, что за порядки царили в этом удивительном королевстве, мы можем приступить к изложению сути кризиса.

В общем, Бегутин Бериллиевый Действующий стоял и смотрел на прекрасный сад. На дворе был май, не за горами был февраль. Добавим, что следующий год был високосный. А король Атутин Стразовый Отдыхающий, мало того, что был молод и несведущ, так ещё вдобавок (как будто того, что он молод и неопытен, было мало!) куда-то пропал.

Ещё одна контрглава,

в которой таинственный властелин утрачивает часть своей таинственности

А сейчас составители хроник предлагают читателю снова перенестись в пространстве и времени, то есть в другую страну и на несколько дней ранее.

Шеф Тайной коллегии Кларик неслышной тенью скользил по тёмным коридорам Эрнст-дворца.

Дворец был огромен. Причиной тому была прихоть прадеда ныне царствовавшего властелина, которому в голову однажды пришла в голову блажь провести государственную реформу управленческого аппарата. Впрочем, говоря «блажь», мы слегка грешим против истины, ибо у прадеда была довольно веская причина для такого действия. Достоверные источники утверждают, что однажды бессонной ночью, когда прадед решил поработать над планом мелиорации западных земель, ни одного чиновника из Сельскохозяйственной коллегии под рукой не оказалось. Само собой, поработать не удалось – некому было даже перо с чернильницей подать, и все чрезвычайно умные мысли, пришедшие прадеду в голову по поводу внедрения прогрессивных систем орошения и налогообложения, пропали втуне.

Впрочем, придержим немного упругий темп нашего повествования. Составители хроник считают, что пора! – да, пора уже приподнять завесу таинственности, окружающую таинственного властелина, и представить его, а заодно и его предков, широким читательским массам.

Так вот, как мы уже знаем, властелина звали Эрнст. Имя это досталось ему по наследству от отца, которого тоже звали Эрнстом. Но в отличие от общепринятой мировой практики

номеровать всех одноимённых царствующих особ одного государства,*** в Дакаске —государстве, коим правили Эрнсты – традиция предписывала поступать иначе. (***)См. Шахризабс I, Шахризабс II, Шахризабс III и т.д. – Прим. сост. хроник). Так, нашего таинственного властелина при восшествии на трон перестали называть Эрнстиком, а стали называть просто Эрнстом. Его отца, после того как он помер и, как следствие, уступил трон своему сыну, перестали, в свою очередь, называть Эрнстом и стали называть Праэрнстом. Деда – Прапраэрнстом. С течением времени, а точнее, с каждым новым властителем, имена удлинялись, и соответственно росло величие умерших властителей.

Большое, так сказать, видится на расстоянии.

Самым великим властителем Дакаска на данный момент был Прапрапрапрапрапрапрапрапрапраэрнст, бывший, как уже, наверное, сообразил вдумчивый читатель, прапрапрапрапрапрапрапрапрапрадедом нынешнего Эрнста.*** Но мы отвлеклись. В общем, Прапрапраэрнст подобным небрежением со стороны Сельскохозяйственной коллегии остался недоволен. Отправив в ссылку главу коллегии, разжаловав Начальника канцелярии в старшие писари и одарив подзатыльником среднего сына, он пришёл к выводу, что эти меры хотя и приятны, но не совсем конструктивны. И тогда он стал думать и надумал вот что. Был издан приказ, предписывающий построить Новый Эрнст-дворец. Причем дворец этот должен был стать огромным, чтобы в него влезли все государственные службы вместе с семьями, так что если бы Прапрапраэрнсту вздумалось поработать на благо Дакаска, он бы мог это сделать в любое время не только года, но и дня. Потом сочли, что чиновники вместе с семьями, живущие во дворце – это слишком, и решили учредить для семей отдельный жилой городок поблизости. В проект самого дворца, тем не менее, никаких изменений вносить не стали.

(***Иногда употреблялось следующее написание этого имени – Пра-десять-эрнст, где число «десять» есть количество «пра». – Прим. сост. хроник. – Аб-балдеть. – Прим. переводчика).

Идея была замечательная, но, как это часто бывает, при жизни Прапрапраэрнст этот дворец построенным не увидел – слишком уж долго длилось строительство. А Прапраэрнст, при царствовании которого данный дворец был достроен, слыл человеком мнительным. И когда однажды утром, проснувшись против обыкновения не к обеду, а аж в восемь утра, он увидел в окно огромную армию чиновников, спешивших на службу в Новый Эрнст-дворец, он пришёл в ужас. Ведь в этой толпе так легко затеряться убийце! – кричал Прапраэрнст тогдашнему шефу Тайной коллегии. Срочно! Прямо сейчас перевести все государственные службы, кроме гвардейской роты, из дворца!

Так опустел Эрнст-дворец. Теперь, когда стало ясно, почему у в общем-то незлого и нетёмного властелина такой огромный, пустынный и зловещий дворец, мы можем смело продолжать повествование.

Итак, шеф Тайной коллегии Кларик беззвучно доскользил до дверей Эрнст-опочивальни. Остановился, дабы перевести дыхание. Кларик был уже немолод, и беззвучность давалась ему нелегко. Но не нами сказано – положение обязывает; отдышавшись, шеф аккуратно постучал в дверь.

– Кларик, это вы? Входите, – крикнул откуда-то из недр опочивальни властитель Эрнст.

Шеф вошёл.

– Здравствуй, о Светлейший! – и склонился в почтительном поклоне.

– Здравствуйте, Кларик. Чай, кофе? – спросил, выходя из недр опочивальни, властитель Эрнст.

– Чай, – поразмыслив, ответил Кларик.

– Что привело вас ко мне после заката солнца? – спросил властитель Эрнст, наливая чай себе и гостю. С Клариком ему почему-то хотелось говорить многозначно, чтобы каждое слово несло некий тайный смысл. Такова была аура, которая окружала шефа Тайной коллегии.

– Ну, во-первых, традиция, – усмехаясь краем рта, отвечал Кларик, принимая двумя руками чашку из рук властителя, – которая велит мне обдѣлывать свои тайные делишки после заката солнца, а во-вторых, – здесь шеф сделал глоточек, – занят был.

– Вот значит как, – сказал властитель. – И чем же был занят?

– Думал, – сказал Кларик и снова отхлебнул. – Всё осложняется. У них появился Претендент.

– Это проверенные сведения? – спросил властитель Эрнст.

Кларик молча пожал плечами, нисколько не обидевшись.

– Ну что ж, – сказал властитель Эрнст. – Спасибо, Кларик.

– На самом деле это странно весьма, – сказал задумчиво Кларик. – Поэтому мы не можем начать вторжение сейчас.

– Почему это не можем? – неторопливо, после паузы, спросил властитель Эрнст.

– Я так понимаю, что вы получили хорошие новости, – сказал Кларик, улыбаясь ласково. Властитель Эрнст промолчал, думая о чём-то своём.

– Претендент, – сказал он, наконец. – Претендент. Ладно. Найдите способ его проверить. Насчёт вторжения вы, конечно, правы.

– Проверить, – повторил Кларик. – А если всё же...? Вы позволите принять меры?

Кларик пристально глядел на властителя Эрнста.

– Пожалуй, позволю, – подумав, ответил Эрнст. – Печеньку?

И они стали пить чай дальше – властитель и шеф Тайной коллегии, служивший ещё его отцу.

Глава 8,

в которой мы возвращаемся к Микки, и в которой снова появляются наши старые знакомые

Погода стояла прекрасная. Солнце, ослепительно белые облака и лёгкий ветерок. Может быть именно из-за этого серьёзность с'Пелейна прямо таки резала глаз.

– И что теперь? – спросила Белинда.

Микки пожал плечами еле заметно и промолчал. Он стоял, опершись спиной о стену, руки скрещены на груди, и смотрел в одну точку. Было похоже на то, что он, будучи погружён в какие-то свои думы, плохо воспринимает окружающее. Белинда вздохнула и посмотрела на Эрвина.

– Ну... – сказал Эрвин, решивший, что вопрос этот адресуется ему. – Контракт сделан, деньги уплачены. Я свободен.

– Как? – сказала Аманда. – Ты уйдешь?

– И это после всего того, что между вами было?! – вскричала Белинда.

– А что между нами было? – удивился Эрвин.

– Но ведь могло бы быть! – твёрдо заявила Белинда. Меченосец задумался. Пользуясь возникшей паузой, укажем, что разговор сей случился у входа в донжон замка Бленд. В самом донжоне полным ходом шла уборка, и разговаривать внутри не было никакой возможности.

– Я пойду в Билгейтц, – неожиданно сказал Микки.

Все посмотрели на него.

– Даже не так, – сказал Микки. – Похоже на то, что я должен идти в Билгейтц. У меня появились кое-какие вопросы, и мне нужны ответы.

Сказавши так, он снова скрестил руки на груди и опять будто бы удалился от всех.

– Вот и славно, – сказала Белинда после непродолжительной тишины. – Нам как раз нужно посетить Билгейтц, чтобы приобрести кое-что к началу учебного года.

О том, что учебный год должен был начаться лишь через четыре месяца, Белинда, как и на первом совещании в Ортаске, умолчала.

– Вообще-то я, конечно, мог бы проводить вас до Билгейтца, – неуверенно начал Эрвин, поглядывая на Аманду.

У Аманды вид был одновременно плаксивый и независимый. Это разрывало сердце её лучшей подруги и сводной сестры.

– Мог бы! – возмущенно фыркнула Белинда. – Как это похоже на мужчин! Наобещать золотых гор, клясться в любви до гроба, и, в конце концов, свести всё к одолжению – я бы мог! Обязан! Как самое малое! Как честный человек!

Последнюю фразу Белинда уже кричала, причём прямо в лицо меченосцу.

Аманда отвернулась и разглядывала небеса с белыми облаками.

– Клялся в чём? Когда это... ну, хорошо! – с видимой натугой сказал Эрвин. – Раз обязан, тогда, конечно, чего там... прогуляемся... хотя... это, как его... ну да ладно!

– Умочка! – просияла Белинда. – Но сначала мы сыграем свадьбу!

– Ы! – сказал Эрвин после непродолжительной паузы.

Аманда слегка повернула голову, будто бы услышав что-то не очень интересное.

– Боже мой! – продолжила её подруга. – Наконец-то он решился! Ну!

И здесь Белинда остро и больно ткнула кулачком меченосцу в бок.

Эрвин подошёл к Аманде и сказал:

– Аманда.

Девушка повернулась к нему, взгляд её был строг и серьёзен.

– Аманда, это... стань моей женой, – сказал Эрвин Куман, меченосец. Справедливости ради отметим, что он всё же слегка запинаясь.

– Хорошо, – просто и без улыбки ответила Аманда.

Белинда всхлипнула, утёрла глаза и произнесла уже мирным голосом:

– Так и быть, милая моя, я готова быть свидетельницей.

Аманда и Эрвин смотрели друг на друга не отрываясь, будто бы ждали ещё чего-то. Их руки были соединены. Это длилось секунды три, затем они одновременно спохватились.

– А Микки будет шафером! – своим обычным голосом вскричала Аманда и толкнула Микки в бок.

– Что? – выпал из своего далёка юный с'Пелейн.

– Ты будешь шафером! – сказала Белинда.

– Что? – позволил себе повториться Микки.

– У Эрвина и Аманды, – терпеливо объяснила Белинда. – Он сделал ей предложение, и она согласилась.

– Ну, я не знаю... – замямлил Микки, неизвестно почему чувствуя себя неуютно под взглядом Эрвина, в котором отчётливо был виден призыв о помощи, правда, неясно какой.

– Ты не знаешь, как одеться на свадьбу? Я помогу тебе! – заявила Белинда, нежно глядя на победителя драконов.

Позднее в приватной беседе Аманда и Белинда так и не смогли прийти к общему мнению, чья именно это была идея, но обе сошлись на том, что экспромт удался блестяще. Но на самом деле заслуга девушек в успехе этого начинания была не так уж и велика. Станным образом молчаливая претензия Аманды наложила на некие размышления меченосца по поводу его собственной судьбы; после позора, пережитого на публичной зарядке, сама мысль о возвращении в Орден была для него нестерпима, а вне ордена он свою жизнь доселе не мыслил и не планировал. Впрочем, не исключено, что в глазах остальных меченосцев оплошность Эрвина попадала в разряд тех поступков, о которых говорят – с кем не бывает. Но здесь и сейчас мнение остальных никакой роли не играло, да и донести его до Эрвина никто не мог, так что Куман мог заниматься самоедством сколь угодно. А он это делать умел. И в том обстоятельстве, что ему пришлось нести ответственность за Аманду, Белинду и Микки, он вдруг увидел для себя некий оправдательный фактор. Теперь же, когда ему фактически предложили нести ответственность

за человека пожизненно, он и вовсе увидел в этом некий знак судьбы и возможность хотя бы частично искупить свой долг перед ... ну, «человечеством», – это слишком сильно сказано, но ощущение у Эрвина было примерно такое.

Следует отметить, что брак этот оказал решающее влияние не только на личную жизнь участников этой беседы, но и на множество последующих событий в Возлеморье, как описанных в наших хрониках, так и не попавших в них. Такова жизнь в Земле Простой – цепочка случайностей и экспромтов, которые на поверку оказываются совсем не случайны, и предопределены всем ходом предшествующих событий.

Церемония венчания проходила в вордисканской часовне замка Бленд. Кстати, в предсвадебной спешке мы забыли упомянуть о целом ряде важных деталей. Замок Бленд имел статус вольной крепости; прежний владетель, лорд Бленд, был убит Могучим Куином на пороге собственного замка. Наследников у него не было, и местные жители, здраво рассудив, что нечего замку стоять без господина, торжественно провозгласили Микки Освободителя лордом Бленда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Интересен тот факт, что выбор блендцев Микки с'Пелейн воспринял как должное.

Венчать молодоженов должны были два монаха-вордисканца. Они очень волновались; их волнение усилилось, когда они увидели, что свидетелем церемонии является тот самый молодой человек, который обещал им кое-что показать однажды в кабачке. На Микки был красный камзол в обтяжку, через плечо была перекинута яркая лиловая (родовой цвет владетелей Бленда) лента с золотой надписью «Отважный победитель драконов», штаны были цвета слоновой кости, перепоясан был Микки зеленой ленточкой, которую после недолгой душевной и физической борьбы с Амандой ему любезно одолжил Буйб. На голове у юного с'Пелейна красовался красный же берет, охотно предоставленный Гжегожем Окорункву. Немного портило картину то обстоятельство, что берет был отважному победителю драконов великоват и постоянно норовил свалиться ему на глаза. Но, в общем, Микки производил сильное впечатление на неподготовленного зрителя. Надо сказать, что в этом смысле жених от него нисколько не отставал, и напоминал сведущему зрителю боевую свинью ортасков после помывки, то есть был чистенький, розовенький и вид имел слегка обалделый.

Наступил тёплый приятный вечер; потихоньку стемнело. Новобрачные и гости после церемонии бракосочетания двинулись по каменным дорожкам внутрь, где в главной зале замка Бленд их ожидали накрытые для свадебного пира столы.

Гномы старались сильно не шуметь. Именно таков был первый пункт боевого приказа, оглашенного Кудряшкой Сью перед началом операции. Выполнение пункта второго «Проникнуть в замок» изрядно облегчили следующие обстоятельства. Во-первых, ворота замка были повреждены драконом, а решётка поднята по случаю свадьбы, во-вторых, стража, состоящая из доблестных партизан Бленда, была с похмелья после празднования победы над драконом, в-третьих, всё та же стража была пьяна по поводу бракосочетания Эрвина и Аманды, а в-четвёртых, хватает и первых трёх. Так что так ничего и не поняв, стражники внезапно обнаружили себя связанными и с кляпами во рту. Захватив ворота, гномы стали ждать, ибо согласно пункту четвертому диспозиции, врываться в главную залу замка следовало одновременно с двух сторон. Предполагалось, что с противоположной стороны замка по стенам в замок незаметно проникнут саабиты, коих сыны земли из клана Белой Дивы наняли для облегчения выполнения своих задач.

Саабиты тоже старались сильно не шуметь и поэтому ругались меж собой шёпотом. Ругаться было из-за чего, ибо через пять минут после того, как они, искусно маскируясь под

стадо баранов, переплыли через ров, наполненный водой, и проникли под стены замка Бленд, Гудин Роб внезапно обнаружил, что у его подчиненных нет верёвок.

– Эу! – шёпотом орал Гудин Роб. – Где верёвки?

Через полчаса верёвки были найдены. Для этого парочке водоплавающих баранов пришлось шустро пересечь ров туда и обратно. Но тут обнаружилось, что на них отсутствуют крючья. Наверху неторопливо переключивалась постепенно утрачивающими внятность голосами стража, а внизу, построив рослых бородатых мужчин в две шеренги, Гудин Роб в качестве наказания лупил их перчаткой для моральных унижений по щекам. Саабиты морщились, но не отворачивались, помня о том, что может быть и хуже. Взять хотя бы сапог для физических вразумлений. Потратив на воспитание двадцать минут, бывший генеральный прокурор распорядился насчет крючьев.

– За здоровье молодых! – вскричал Гжегож Окорункву и, в один глоток осушив чарку, лихо хлопнул её об пол.

– Ура! – весело откликнулись гости и последовали примеру прославленного командира. По всему залу волной пронесся звон бьющихся чарок. Эрвин исподлобья глянул на невесту и тоже выпил. Аманда, глядя на своего суженого строгими, но влюбленными глазами, слегка пригубила. Из-под стола высунулись три свиные морды и, весело похрюкивая, мимически потребовали салата.

Из главной залы замка Бленд всё сильнее доносились звуки веселья. Свадьба постепенно набирала обороты. Гномы начинали злиться. Связанные часовые с кляпами во рту молча таращили на них глаза и потихоньку трезвели.

Прошло полчаса.

В конце концов, подумал Кудряшка Сью, должно же быть у этих балбесов хоть какое-то понятие о дисциплине? С другой стороны, за такие деньги кого ещё можно нанять, философски подумал вождь. Только саабитов.

Так что ждём.

Через сорок минут крючья в количестве десяти штук были найдены. Из них три на пескаря, два на форель, один, довольно крупный – на сома, ещё три сломанных и одна кошка. Настоящая абордажная кошка с тремя загнутыми крючьями. Гудин построил добытчиков крючьев в одну шеренгу и с формулировкой «За тупость» ещё немножко похлестал их перчаткой для моральных унижений по щекам. Затем лучший метальщик Саабита Клеб Бокар взял в руки кошку и ловко метнул её на стену. Ещё через пять секунд Мигуэй Бодрус по прозвищу «Догада» сообразил, что они забыли привязать к кошке веревку.

Следующая перемена блюд вызвала в зале ещё большее оживление. Правда, возникла легкая заминка с горячительными напитками, поскольку из-за идиотской выходки Гжегожа Окорункву пирующие остались без чарок. Пока подметали пол, пока бегали за чарками в подвал, возникла неловкая пауза, которую удалось замять лишь благодаря находчивости церемониймейстера, объявившего о, так и быть, начале танцев. В воздухе отчетливо запахло флиртом, а из-под стола высунулся Буйб и мимически потребовал партнершу для танцев.

Терпение гномов подходило к концу. Судя по выкрикам, веселье в главной зале замка Бленд было в самом разгаре. Время от времени якобы с целью подышать во двор выскакивали разгоряченные парочки и тут же начинали целоваться. Если бы стены замка были чуть пониже, а во дворе чуть посветлее, то в одной из целующихся парочек, гномы без труда узнали бы Микки и Белинду.*** Из зала донесся звучный голос церемониймейстера «Третья перемена

блюд, господа!». Гномы морщились, им хотелось есть, а с пола на них по-прежнему таращили глаза продолжающие трезветь часовые.

(***Мда... Сост. хроник с прискорбием и окончательно признают, что совершенно упустили из виду эту сторону жизни наших героев. Эх, молодость, молодость...).

Гудин Роб хлестал Бокара по щекам минут десять. Возможно, он хлестал бы его дольше, но тут со стены послышалась невнятная реплика стражника «Ат-та щёшта за железяка?», и спустя пять секунд с глухим стуком на землю упала та самая абордажная кошка.

– О, мои благородные братья по молоту! – решительно заговорил Кудряшка Сью. – Как изволите видеть, небеса хотят подвергнуть нас суровому испытанию. Наши соратники по причинам, недоступным для нашего понимания, надо полагать, бросили нас.

– О, наш велеречивый вождь! – торжественно отвечал ему гном Бедраэдр. – Боюсь показаться излишне дерзким, но, тем не менее, рискну предположить, что, может быть, стоит ещё немного подождать наших разлюбезных союзников?

– Быть посему! – после недолгого раздумия рёк Кудряшка Сью. – Не будем уподобляться в нетерпении своём неразумным детям и подождём ещё полчаса.

С пола на предводителя гномов продолжали таращить глаза совершенно трезвые часовые.

Кошку с привязанной к ней веревкой бросали ещё три раза, и каждый раз с пьяным смехом кто-то сбрасывал её обратно. Отчаяние потихоньку начало было овладевать отважными саабитами, но тут, наконец, сверху послышался залиvistый храп, и Клеб Бокар снова взял в руки крюкастую железку.

– Горько! – вскричал Гжегож Окорункву. Эрвин с ненавистью посмотрел на него, и в десятый раз за вечер Аманда со всей дури вlepила в его губы сочный и продолжительный поцелуй. За соседним столом одобрительно захохотал приглашённый в качестве почетного гостя Балтазар Флай.

– Bravo! – вскричал Микки и неожиданно тоже рассмеялся, поскольку ему показалось, что мир слегка покачнулся. Из-под стола высунулись три боевые свиньи и мимически потребовали, чтобы их тоже кто-нибудь поцеловал.

Через десять минут все саабиты были на стене. Со словами «Обратной дороги нет!» по приказу Гудина Роба Клеб Бокар торжественно скинул веревку с кошкой вниз. Мертвецки пьяных часовых Гудин Роб решил на всякий случай быстренько связать, но быстренько не получилось, потому что один из часовых неожиданно проснулся и полез обниматься с Болтремио Гнаком. Пока его уgomонили, прошло ещё четверть часа. Наконец, отважные дети гор изготовились к атаке, но тут возникло ещё одно препятствие в виде отсутствия лестниц, ведущих со стены во двор замка.

После того как Клеб Бокар получил свою порцию моральных унижений перчаткой за «невдумчивое выполнение приказа и полное отсутствие чувства юмора», было принято решение пойти по стене, поскольку Мигуэй «Догада» Бодрус неожиданно сообразил, что раз часовые как-то поднялись на стены, значит, где-то должен быть спуск со стен.

Близился рассвет. Слегка отупевшие от голода и недосыпания гномы дошли до крайней стадии раздражения. Отчётливо понимая, что с наступлением утра фактор внезапности будет утерян, Кудряшка Сью принял решение атаковать главную залу замка Бленд своими силами. Он отдал приказ изготовиться к атаке, но тут послышался лязг металла. По воротной башне с

грохотом и бряцаньем спускался какой-то вооруженный отряд. Кудряшка Сью тут же изменил решение и приказал изготовиться к обороне.

Стараясь не шуметь, сабиты медленно спускались по винтовой лестнице воротной башни. Первым, напряжённо щура глаза, особенно правый, шёл Мигуэй Бодрус, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Услышать удавалось немного потому, что когда Мигуэй Бодрус останавливался, в него обязательно врезался шедший следом Клеб Бокар, в Клеба Бокара в свою очередь врезался Доминик Болтрей, в Доминика Болтрея вцеплялся в свою очередь Хаст Мулбер и так далее. Щиты, мечи, панцири, шлемы при этом издавали массу шума, и это очень злило Гудина Роба, но увы! – для воспитательных мероприятий на лестнице было слишком тесно и темно.

Тем не менее, осторожность Мигуэя Бодруса почти принесла свои плоды. Сделав следующий шаг, Мигуэй Бодрус не обнаружил ступеньки. Подумав, он решил, что её нет и перешагнул через неё, предварительно сообщив шедшему следом Клебу Бокару, что ступеньки не хватает. Клеб Бокар сердечно поблагодарил Мигуэя за проявленную заботу и бодро перепрыгнул через отсутствующую ступеньку. Через секунду никем не предупрежденный Доминик Болтрей с грохотом покатился вниз и с силой толкнул Бокара в спину, ещё через секунду их догнал кубарем катящийся вниз Хаст Мулбер и так далее.

Гномы были готовы ко всему, кроме этого. В самом деле, сложно быть готовым к тому, что враг будет нападать на тебя, выбрав атакующий порядок в виде беспорядочной кучи наподобие снежного кома из которого торчат руки, ноги и головы нападающих. Тем не менее замешательство гномов длилось недолго и с криком «Вперёд, о дети подземелья! С нами молот Магмы!» они ринулись вперёд.

В главной зале замка Бленд стояла пасторальная тишина. Лишь кое-где виднелись бесцельно присутствующие фигуры отупевших от выпитого гуляк. Эрвин с трудом оторвал голову от стола и попытался сообразить, где он. В это время снаружи послышался страшный шум и крики, вызвавшие у молодожёна до боли знакомые и отчего-то очень неприятные ассоциации.

Через пять секунд после начала свалки Мигуэй «Догада» Бодрус вскричал «Эу! Засада!», и у предводителя гномов Кудряшки Сью возникли смутные подозрения. Видимо, подобные подозрения возникли не только у него, ибо все гномы клана прекратили бой и дружно отскочили назад, вытаращив глаза на нападавших. Внезапно наступившая тишина была настолько полной, что было отчетливо слышно, как в главной зале замка Бленд Эрвин Куман настойчиво пытается сообразить, кто он и где находится. Первым нарушил тишину Мигуэй Бодрус. «Эу! Да это же гномы!» – воскликнул он.

Позднее гномы и сабиты, общаясь с местными жителями, выяснили, что виной всему была архитектурная особенность замка – на стены можно попасть только через башню над воротами. В своё время строители замка рассуждали очень просто. В чём недостаток всех замков? В том, что если враг захватит стены или ворота, то всё – пиши пропало! Либо со стен, либо через ворота враг врывается в замок и сражение проиграно. Поэтому они сделали так, что на стены можно было попасть только через входную башню. Это было очень мудрое решение. Если враг захватывал ворота, он с удивлением обнаруживал, что еще полно врагов на стенах и с ними надо сражаться, если враг захватывал стены, то его тоже ждала неприятность, в виде отсутствия спуска во двор.

Когда союзники, после продолжительной перебранки на предмет выяснения, кто виноват и что делать, ворвались, освещаемые лучами полуденного солнца, в главную залу замка Бленд, их ожидал неприятный сюрприз в виде полного отсутствия сопротивляющихся. Разбуженные всё-таки сообразившим, что происходит, Эрвином, наши друзья уже были на пути в Билгейтц.

Глава 9,

из которой следует, что ночевать надо в проверенном месте

Древняя южноварварская поговорка говорит: «Дорога становится короче, если рядом весёлый попутчик». Увы, к Эрвину в данный момент эта поговорка никак не подходила. Меченосец был невесел, не улыбочив и крайне неразговорчив. Даже близость молодой и красивой жены не смягчала его дурного расположения духа. Белинда и Аманда считали, что меченосец мрачен из-за того, что ему не нравится такое начало медового месяца, ведь он лишён возможности поминутно заключать свою суженую в пыльные объятия. Что поделать, в те времена свадебные путешествия ещё не вошли в моду. Юному с'Пелейну же на одном из привалов Эрвин объяснил, что ему не очень нравится сам факт медового месяца, а точнее его причина, то есть свадьба с Амандой. Хотя... с другой стороны... здесь меченосец вздохнул и договаривать не стал. Микки воспринял это очень близко к сердцу, и тут же попытался объяснить это Аманде, но тут его ожидал изрядный конфуз, поскольку Аманда тут же рассказала всё Белинде, и они вдвоем нажаловались на Микки Эрвину, обвиняя его в том, «что этот негодяй хочет разрушить нашу (вашу) любовь до гроба своими клеветническими измышлениями, а ведь я (мы) то знаем, как ты её (меня) любишь, прямо слёзы наворачиваются, как подумаешь об этом», и потребовали принятия самых жестких мер по отношению к этой подлой свинье ой, прости, пожалуйста, Бэйб, Бойб и Буйб, после чего Эрвин, стараясь глядеть мимо своего приятеля, слегка отчитал наследного лорда Бленда, сопроводив это лёгкими шлепками по его плечам, от которых юный владетель шатался словно куст на ветру. С этого момента сердитых и не улыбочивых путников на дороге стало двое.

Менее всего от этого пострадали Бэйб, Бойб и Буйб, деятельная натура которых вообще мало зависела от настроения хозяев. Они, как и прежде, продолжали описывать вокруг путников замысловатые круги, одновременно осуществляя два, казалось бы, взаимоисключающих занятия, а именно кормёжку и разведку.

Так, пусть немного в мрачноватом расположении духа, но сравнительно спокойно и без приключений они двигались по Западной Окружной дороге по направлению в Билгейтц, нисколько не подозревая, что спокойно ехать им осталось совсем чуть-чуть.

Гостиница выглядела обычной, так же как и остальные заведения подобного рода, расположенные на Западной Окружной дороге. Немного разве что смущало название – «Ощипанный путник», но поскольку солнце уже задевало краем горизонт, путники решили не искушать судьбу ночными похождениями, а заночевать здесь, чтобы наутро с новыми силами двинуться в дорогу. Хозяин гостиницы, невысокий крепкий лысый мужчина лет сорока, одетый в неопределенного цвета штаны и просторную красную рубаху навывпуск, непрерывно ухмыляясь и перемигиваясь со своими одетыми во все серое подручными, любезно показал путникам их комнаты – одну для молодожёнов и ещё одну для Микки и Белинды, а также хлев для боевых свиней. Правда, для того чтобы получить комнату, Микки и Белинде пришлось назваться мужем и женой – обстоятельство, приведшее Белинду в превосходное расположение духа, что, в свою очередь, весьма озадачило владетеля Бленда. Что поделать, все мы в юности бываем подчас недогадливы и нерасторопны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.